ISSN 2072-7607

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Научный журнал

Выпуск 2 (65)

Рязань 2023

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 20 марта 2018 г. Реестровая запись СМИ **ПИ № ФС77-72456**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Я. М. Колкер, главный редактор, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Е. С. Устинова, заместитель главного редактора, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

С. Ю. Потапова, д-р филол. наук, проф. (центр немецкого языка — партнер Гёте-Института, Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль),

В. Н. Степанов, д-р филол. наук, проф. (Международная академия бизнеса и новых технологий, Ярославль)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н. А. Ахренова, д-р филол. наук, доц. (Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна),

В. Н. Бабаян, д-р филол. наук, доц. (Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского, Ярославль),

Ван Цзиньлин, д-р филол. наук, проф. (Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай),

А. Н. Гордей, д-р филол. наук, проф. (Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь),

Г.-Г. Дрёссигер, д-р филол. наук, проф. (Каунасский филиал Вильнюсского университета, Литва),

С. Т. Золян, д-р филол. наук, проф. (Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия; Российско-Армянский университет, Ереван, Армения),

А. А. Колесников, д-р пед. наук, доц. (Московский городской педагогический университет, Москва),

Т. Я. Кузнецова, д-р филол. наук, проф. (Северный государственный медицинский университет, Архангельск),

С. А. Ламзин, д-р пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Е. Г. Логинова, д-р филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Л. Н. Лунькова, д-р филол. наук, доц. (Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна),

Альберто Манко, д-р филол. наук, доц. (Университет L'Orientale, Неаполь, Италия),

Е. Л. Марьяновская, канд. пед. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Л. А. Милованова, д-р пед. наук, проф. (Московский городской педагогический университет, Москва),

А. Д. Петренко, д-р филол. наук, проф. (Институт иностранной филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь),

И. М. Петрова, д-р филол. наук, доц. (Московский городской педагогический университет, Москва),

А. М. Поликарпов, д-р филол. наук, проф. (Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск),

А. А. Решетова, д-р филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань),

Т. С. Серова, д-р пед. наук, проф. (Пермский государственный технический университет, Пермь),

О. В. Соколова, д-р филол. наук, старший научный сотрудник (Институт языкознания РАН, Москва),

В. В. Фещенко, д-р филол. наук, старший научный сотрудник (Институт языкознания РАН, Москва),

Д. М. Храбскова, канд. филол. наук, доц. (Институт иностранной филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Симферополь),

О. Г. Чупрына, д-р филол. наук, проф. (Московский городской педагогический университет; Московский педагогический государственный университет, Москва),

И. М. Шеина, канд. филол. наук, доц. (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань).

Журнал выходит 4 раза в год.

С 01.12.2015 г. **входит в перечень российских рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Адрес и телефон редакции: 390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46;
тел.: (4912) 21-57-23, e.ustinova@365.rsu.edu.ru

Ссылка на журнал «Иностранные языки в высшей школе» обязательна.
Редакция не всегда разделяет мнение авторов.

Подписаться на журнал можно в любом отделении связи.
Подписной индекс издания № 55170 в каталоге «Объединенный каталог Пресса России»

© Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина», 2023

© «Иностранные языки в высшей школе», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I
Слово в языке и в дискурсе: когнитивный и лингвокультурный аспекты

Боровикова Н. В.
Референция прозвища (на материале прозвищ французских королей и политиков) 5

Доржиева Г. С., Гао Цзяньго
Омонимическая парадигма китайских гастронимов в лингвокультурологическом аспекте 13

Кузнецова Т. Я., Заиченко Л. С.
Латинский термин в современной медицинской коммуникации 21

Пенцова М. М.
Топонимы Шотландии как предмет историко-семантического и структурного исследования 27

Раздел II
Роль паравербальных и невербальных единиц как смысловыразительных средств общения

Марьяновская Е. Л.
Интонация художественного текста и способы ее выражения 34

Ржешевская А. А.
Жанровая обусловленность жестового поведения в комедийном постановочном дискурсе 40

Раздел III
Анализ и перевод поэзии

Колкер Я. М.
Философская подоплека поэтического творчества и ее реализация в художественной детали 47

Устинова Е. С.
К проблеме обучения художественному переводу поэзии: осмысление слова в концептосфере стихотворения 54

Шань Нина, Ван Синьтун
Отражение поэтического наследия Есенина в новодеревенской поэзии Китая начала 1990-х годов 64

Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами 74

TABLE OF CONTENTS

Part I
The word in language and discourse: the cognitive and linguo-cultural aspects

Borovikova, Natalia
The reference of a nickname (based on the material of nicknames of French kings and politicians) 5

Dorzhieva, Galina; Gao Jianguo
Homonymic paradigm of Chinese gastronyms in the linguistic and cultural aspect 13

Kuznetsova, Tatyana; Zaichenko, Larisa
Latin term in modern medical communication 21

Pentsova, Maria
Historical-semantic and structural research of Scotland place-names 27

Part II
The role of paraverbal and non-verbal units as meaning-making means of communication

Maryanovskaya, Elena
The intonation of prose and ways of expressing it 34

Rzheshevskaya, Anastasia
Genre predetermined gesture behavior in comedy staged discourse 40

Part III
Theory and practice of translating poetry

Kolker, Yakov
The philosophic background of poetic works and its implementation in the poetic detail 47

Ustinova, Elena
On teaching to translate poetry: Comprehending the textual message of a word within the poem's conceptual sphere 54

Shan Nina; Wang Xintong
Yesenin's poetic heritage and its impact on the new "rustic" Chinese poetry of early 90s 64

Requirements to the papers submitted (in Russian) [*] 74

[*] Available in English at: http://fljournal.rsu.edu.ru/en/technical-requirements

РАЗДЕЛ I

СЛОВО В ЯЗЫКЕ И В ДИСКУРСЕ: КОГНИТИВНЫЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 2 (65). С. 5–12.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;2(65):5–12.

Научная статья
УДК 811.133.1 (81`373.23)
DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.001

Референция прозвища (на материале прозвищ французских королей и политиков)

Наталья Владимировна Боровикова
Северный государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, Архангельск, Россия
borna@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию референтных отношений прозвища. В основу положены критерии, выделенные в классификациях изучаемой группы слов. Ведущими критериями выбраны структура и состав прозвища (количество и семантика компонентов), общая семантика (характерные черты называемого), количество называемых, характер эмоциональной оценки. Учет данных критериев позволил увидеть, что состав и структура прозвища, так же как и общая семантика, являются показателем того, как устанавливается отношение прозвища к внеязыковой действительности. Показано, что референтная соотнесенность прозвища часто имеет разветвленную структуру, что требует учета многих факторов. Все компоненты прозвища участвуют в сложном механизме создания необходимого образа называемого, формируя сложные связи и отсылки к некоторым объектам действительности, выстраивая референтные цепочки, которые считываются воспринимающими. Исследование проводится с использованием методики, совмещающей семный анализ, разработанный Ф. Растье, и подход к значению слова с позиций теории знака. В качестве языкового материала для анализа выбраны прозвища французских королей и ведущих политиков.

Ключевые слова: антропоним, прозвище, прозвищное наименование, французский язык, классификация прозвищ, референция, семантика прозвища, значение слова, теория знака, компоненты значения.

Для цитирования: Боровикова Н. В. Референция прозвища (на материале прозвищ французских королей и политиков) // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 2 (65). С. 5–12. DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.001.

Original article

The reference of a nickname (based on the material of nicknames of French kings and politicians)

Natalia V. Borovikova
Northern State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Arkhangelsk, Russia
borna@inbox.ru

Abstract. The article deals with referent relations of nicknames. It is based on the criteria which are singled out in the classifications of the studied group of words. These criteria are: structure and composition of the nickname (number and semantics of the components), general semantics (characteristic features of the named), the number of names, the nature of emotional evaluation. Consideration of these criteria allowed us to see that the composition and structure of the nickname, as well as the general semantics, are an indicator of how the attitude of the nickname to extra-linguistic reality is established. It has been shown that the referential relatedness of a nickname often has a branched structure, which requires consideration of many factors. All components of the nickname participate in a complex mechanism of creating the necessary image of the named, forming complex using a methodology that combines semantic analysis developed by F. Rastier and an approach to word meaning from the standpoint of sign theory. The linguistic material chosen for the analysis are nicknames of French kings and leading politicians.

© Боровикова Н. В., 2023

Keywords: anthroponym, nickname, French, classification of nicknames, referent, semantics of nickname, word meaning, sign theory, components of meaning.

For citation: Borovikova N. V. The reference of a nickname (based on the material of nicknames of French kings and politicians). *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 2(65):5–12. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.001.

Имя собственное является неотъемлемой частью нашей жизни, поэтому исследовательский интерес к нему не ослабевает никогда. Среди прочих имен собственных антропоним занимает особое место не только в силу своего статуса, но и по причине его сложности и неоднозначности для изучения. В число антропонимов принято включать личные имена, отчества, фамилии, прозвища, псевдонимы, криптонимы, клички, андронимы, гинеконимы, матронимы и патронимы [Подольская, 1988, с. 31]. Одним из самых неоднозначных с позиции исследовательского опыта антропонимов считается прозвище. Основная причина этого видится в том, что прозвища образуют антропонимическую периферию [Супрун, 2000, с. 6–7] и находятся на границе между именами собственными и нарицательными. При этом они характеризуются повышенной экспрессивностью, большой качественной разнородностью и зыбкостью границ между разными группами этих единиц [Вальтер, Макиенко, 2005, с. 55].

Ученые, изучающие прозвища, акцентируют свое внимание главным образом на составлении списков некоторых единиц, имеющих хождение в определенной среде, например, в СМИ (прозвища известных политиков) или в школьных коллективах. При этом лингвисты описывают в основном мотивацию и конкретные причины, обусловливающие возникновение изучаемого класса слов. Мы же хотели бы обратить внимание на проблему отнесенности прозвища к объектам внеязыковой действительности, то есть его референции [Арутюнова, 2002, с. 411]. Целью работы является изучение референтной соотнесенности прозвищ во французском языке. Для достижения цели в первую очередь необходимо выяснить, что понимается под данным феноменом и как отграничить прозвище от смежных явлений. Кроме этого, следует обратить внимание на состав рассматриваемой группы единиц с позиций структуры и семантики, чтобы иметь возможность оценить, насколько неоднороден состав группы и как указанные признаки влияют на референцию прозвища.

В «Словаре русской ономастической терминологии» прозвище отнесено к более крупным группировкам имен: имена земного пространства, бионимы, антропонимы [Подольская, 1988, с. 15]. Оно определено как «дополнительное неофициальное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством, по какой-либо аналогии, по происхождению и другим мотивам» [Там же, с. 111]. В процитированном определении наиболее важными являются факт называния другими людьми и наличие мотивов именования, которые связаны с называемым. Первый признак (называние другими людьми) позволяет отличать прозвище от псевдонима и клички (конспиративного имени), которые, будучи дополнительными именами, выбираются самим называемым. Наличие связи прозвища с характеристиками называемого является его различительным признаком с деминутивами, домашними именами и кличками (шутливыми прозвищами типа Палашка) [Подольская, 1988, с. 65 ; Вальтер, Макиенко, 2005, с. 55 ; Chopin, 2005, pp. 48–49]. Отделять кличку от прозвища позволяет также тенденция последнего к более общему номинативному диапазону: категориальная коннотативность клички делает ее специализированной характеристикой, распространенной в жаргоне и просторечии [Вальтер, Макиенко, 2005, с. 55].

Французские исследователи выделяют дополнительный критерий – отсутствие связи с личным именем или фамилией называемого [Chopin, 2005, pp. 48–49]. Это означает, что прозвище не должно содержать части имени или фамилии называемого (ср. русское прозвище Борода от фамилии Бородин). Между тем есть отечественные исследования, которые опровергают сказанное, демонстрируя примеры использования внутренней формы онимов для создания прозвищ с игрой слов во французском языке (например: Tsarkozy, Starkosy, Sarkow-boy, Sarkophage) [Тамразова, 2022, с. 608]. Указанное противоречие свидетельствует о том, что отечественная традиция в исследовании прозвищ опирается на русскую систему подобных слов, которая может рассматриваться как более широкая по сравнению с франкоговорящими странами. Различия в традициях использования изучаемых антропонимов отражаются в научных работах. Особенно это заметно при анализе предлагаемых классификаций отечественных и зарубежных ученых.

Мы не ставим перед собой задачи подробного рассмотрения классификации прозвищ во французском языке, поскольку исследования в данной области неоднократно проводились. Обзоры разного рода классификаций уже имеются в научной литературе (см., например: [Лангнер, Бочарова, 2013 ; Billy, 1994 ; Yermeche, 2002]). В нашей работе классификация является не целью, но служит инструментом в решении поставленных задач.

В ономастических исследованиях предлагают классификации прозвищ по основной семантике (различным характеристикам называемого), по зависимости от ситуации, по составу и структуре, по характеру коммуникативной сферы использования, по количеству называемых и по уникальности референта, по характеру эмоциональной оценки, по происхождению, по степени распространенности, по способу мотивации и прочим признакам [Лангнер, Бочарова, 2013]. Для изучения референтных отношений особый интерес представляют следующие критерии: семантика (характерные черты называемого), состав и структура (количество и семантика компонентов), количество называемых, характер эмоциональной оценки. Перечисленные критерии неоднородны, поскольку они могут быть ориентированы не только на называемого, но и на называющего, а также на экспонент онима (материальную сторону знака).

Анализ обзоров классификаций прозвищ показал, что среди характеристик называемого ведущими являются особенности внешнего вида и речи, моральные и духовные качества, пол и возраст, умственные способности, привычки и особенности поведения, убеждения и взгляды, образ жизни, отношение к религии, деятельность, положение в обществе, яркие события в жизни, географическая, семейная, национальная и расовая принадлежность. Количество называемых (индивидуальные или групповые прозвища) также влияет на референтную соотнесенность, поскольку выводит на первый план вопрос о количестве референтов, обозначаемых тем или иным прозвищем [Лангнер, Бочарова, 2013 ; Billy, 1994 ; Yermeche, 2002].

Выбор характеристики для прозвища в равной степени достаточно показателен при оценке когнитивной сферы называющего, так как указывает на его способности к анализу и синтезу и отражает его картину мира. Для называющего мы рассматриваем также такой критерий, как характер эмоциональной оценки. Хотя оценка и дается носителю прозвища, но она показывает отношение называющего: восхищение дает толчок для образования мелиоративных или возвеличивающих прозвищ; негативный настрой выражается в уничижительных и насмешливых номинациях.

Немаловажны для нашего исследования состав и структура изучаемых единиц, поскольку необходимо учитывать количество компонентов и их качественные характеристики, включая семантику и тип семиозиса, при порождении прозвища как знака. Анализ языкового материала показал, что прозвища во французском, как и в русском, неодинаковы по составу и структуре. Например, личное имя или фамилия называемого может использоваться или не использоваться. Имя при этом бывает представлено без изменений (Philippe, Louis) или модифицируется (Nico, Sarko, Nono), но обязательно включается в конструкции с дополнительными элементами (именами нарицательными, прилагательными, субстантивированными прилагательными и причастиями, наречиями и т. п.), которые несут на себе основную семантическую нагрузку (Philippe le Bel, Louis d'Outremer, Saint-Louis) [La genéalogie des rois de France], Super-Sarko [Тамразова, 2022, с. 607–608], Nico le Nerveux, le Schtroumpf Sarko [Завьялова, 2018, с. 50], Nono le Bigorneau [Маликова, Клименченко, 2014, с. 2]). Иногда экспонент (материальная сторона знака) имени изменяется и включается в игру слов с целью достичь дополнительных эмоционально-оценочных эффектов (Micron, Tsarkozy, Starkosy, Sarkow-boy, Sarkophage, Sarkogne, Sarkolage [Тамразова, 2022, с. 607–608], Démagolène, Ségolhaine, Séguignol [Завьялова, 2018, с. 50]).

Если имя называемого не задействовано, при создании прозвища базовым становится метафорический перенос. В этом случае используются компоненты, указывающие на нужную характеристику либо напрямую (le Roi-Soleil, le Roi moine, le Roi de Fer, le Père du Peuple, le Roi Bourgeois [La genéalogie des rois de France], le Hongrois [Завьялова, 2018, с. 50], Pingouin, Pèpère [Тамразова, 2022, с. 606], Полковник Мотор, Бульдозер, Caméléon Bonaparte, la Girouette [Маликова, Клименченко, 2014, с. 2]), либо через дополнительные ассоциации с кем-то или чем-то общеизвестным (Mozart de la finance, taré du troisième étage, Bébé Hollande, Lapin Duracell, Pépé [Завьялова, 2018, с. 50], Monsieur Royal [Тамразова, 2022, с. 606], Rolex [Маликова, Клименченко, 2014, с. 2]).

Таким образом, видим, что прозвища — это крайне неоднородная группа единиц. Хотя они и входят в класс антропонимов, с точки зрения референции они сильно отличаются от других слов, входящих в указанный класс, поскольку связи, которые устанавливаются с действительностью, очень сложны и многогранны.

Идея о сложном характере референции прозвища не нова. Она была разработана А. В. Суперанской в одной из фундаментальных работ по ономастике «Общая теория имени собственного». На базе семантического треугольника Огдена — Ричардса ученый показала, что при образовании прозвища возникают многоуровневые, зачастую довольно сложные цепочки [Суперанская, 1973, с. 130–137]. Для того чтобы понять, как выстраиваются такого рода цепочки, как выводятся на первый план необходимые признаки, мы предлагаем воспользоваться методикой, комбинирующей семный анализ на основе метода Ф. Растье и подход к значению слова с позиций теории знака, которую мы разработали и применили при изучении имени-собственного антропонима во французском языке в нашем диссертационном исследовании и в монографии [Боровикова, 2015].

Базовой является идея о том, что референция включена в отношения между компонентами лингвистического знака. В составе знака учитывается четыре компонента: экспонент (материальная сторона знака) и референт (объект внеязыковой действительности) со стороны отраженного материального мира, десигнатор (отраженная материальная сторона знака, концепт экспонента) и значение со стороны отражающего идеального мира [Боровикова, 2015, с. 134]. Компонент «значение», в свою очередь, делится на традиционные сигнификат, денотат и коннотат. Сигнификат выражает сущность любого потенциального референта и включает родовые и видовые ингерентные (собственные) семы. В родовых семах отражены общие для всех референтов имени характеристики. Для имен собственных во французском языке такими семами являются «названный данным именем», «одушевленный», «человек». Видовые семы представляют более частные признаки носителей имени: «пол», «национальность», «региональная принадлежность» и для некоторых случаев «принадлежность к определенной исторической эпохе» [Там же, с. 139]. Денотат формируют афферентные (привносимые) денотативные семы, связанные с характеристиками конкретного референта. Эти семы всегда разные и индивидуальные для каждого отдельного референта. Они не закреплены на уровне языка, но входят в состав значения после имянаречения и выхода имени в речь. Именно эти семы являются основой для создания прозвищ, следовательно, представляют для нашего исследования особый интерес. Афферентные коннотативные семы формируют коннотат, в котором концентрируются дополнительные значения, эмоционально-эстетические оттенки, оценки и ассоциации [Там же, с. 68–69]. Базовая модель знака с учетом перечисленных компонентов представлена на рисунке 1.

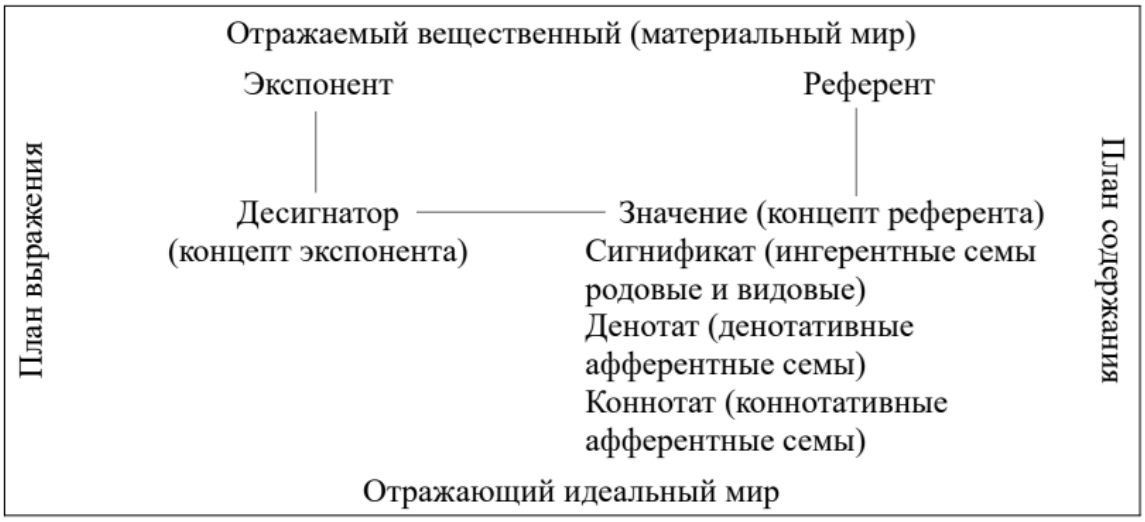

Рис. 1. Базовая модель знака

Опираясь на представленную методику и информацию, полученную в результате анализа работ по классификации прозвищ, мы можем увидеть все разнообразие референтных связей, которые устанавливаются в процессе создания изучаемой группы слов.

Начнем анализ с прозвищ, при создании которых имя называемого включается целиком без изменений, но дополнено либо именем нарицательным или прилагательными, либо субстантивированным прилагательным, причастием или единицами, выполняющими их функции (например: Philippe le Bel, Louis d'Outremer, Saint-Louis). Здесь мы видим двунаправленную референцию, связанную с называемым: прямое указание на него и на какую-либо его характеристику (см. классификации на основе основной семантики, представленные выше). Например, в прозвище Philippe le Bel (прозвище короля Франции Филиппа IV Красивого) первый референт (Philippe) является основным. Для него рассматриваются все традиционные компоненты значения, представленные выше (рис. 1). Второй референт (le Bel) надстраивается дополнительно, выделяя одну из афферентных денотативных сем — «красота». Есть еще дополнительная отсылка коннотативного плана — положительное отношение называющего к называемому. Этот компонент может быть рассмотрен в качестве коннотативной афферентной семы.

Таким образом, схема знака для прозвищ рассмотренного типа получает вид, представленный на рисунке 2.

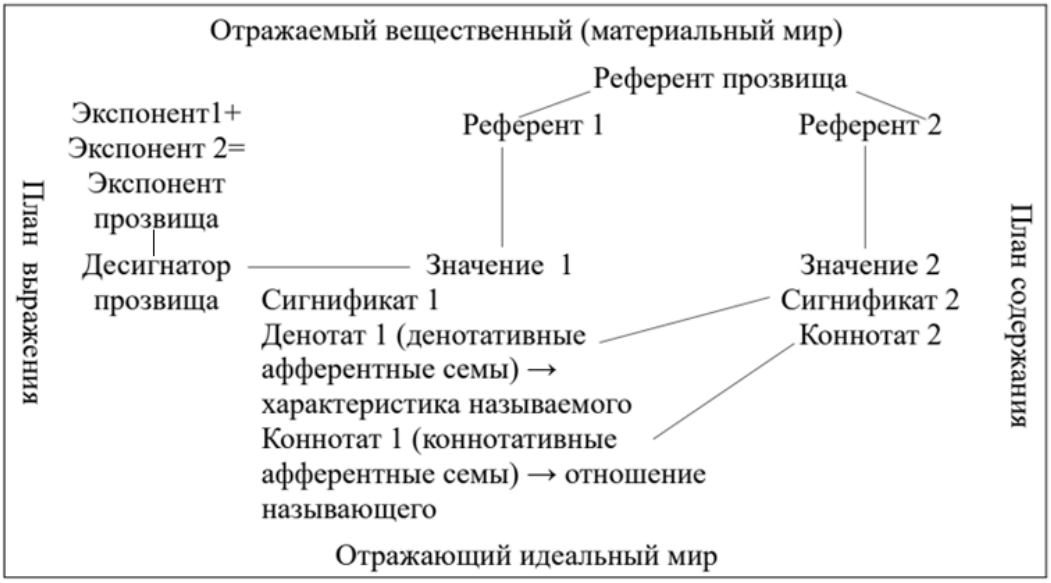

Рис. 2. Модель знака для прозвища, включающего имя называемого без изменений

Несколько иную картину наблюдаем для прозвищ, в которых имя называемого участвует в игре слов (например: Micron, Tsarkozy, Starkosy, Sarkophage, Démagolène, Ségolhaine). В отличие от прозвищ другой структуры, у данных единиц происходит совмещение планов выражения двух знаков. Например, в Micron объединены Macron и micron, в Tsarkozy — tsar и Sarcosy, в Ségolhaine — Ségolène (Royal) и haine. При создании такого типа единиц работают два фактора: идеальный (семантический) и материальный (совпадение материального облика слова). Основным является, как и в предыдущем случае, семантический критерий — указание на характеристики называемого. Удачное совпадение материального облика слова выполняет функцию своего рода «соединителя». Оно может быть полным или частичным. Совмещение планов содержания будет всегда частичным, поскольку ассоциации затрагивают только часть значения и имени собственного, и созвучного слова. Со стороны имени собственного в образовании новых связей участвуют афферентные семы, денотативные и коннотативные. В значении созвучного слова задействованы некоторые семы сигнификата и коннотата. Коннотат при этом играет важную роль, поскольку прозвище является по праву одним из самых эмоционально насыщенных способов обозначения человека. Модель знака для прозвищ такого типа представлена на рисунке 3.

Рис. 3. Модель знака для прозвища, включающего измененное имя называемого

Если имя называемого не задействовано при создании прозвища, прямая референтная связь с личностью называемого утрачивается. Отношение между экспонентом и референтом прозвища устанавливается через второе референтное отношение (например: le Hongrois, Pingouin, Pèpère, la Girouette). Если в состав прозвища входит более одной единицы, в процессе задействуется несколько равнонаправленных отношений (например: le Roi-Soleil, le Roi moine, le Roi de Fer, le Père du Peuple, le Roi Bourgeois). Выделенные признаки называемого соотносятся с нужными ингерентными и афферентными коннотативными семами подобранного для обозначения слова. Таким образом, через совмещение компонентов значения устанавливается новое референтное отношение. Модель знака для описанного типа референции представлена на рисунке 4.

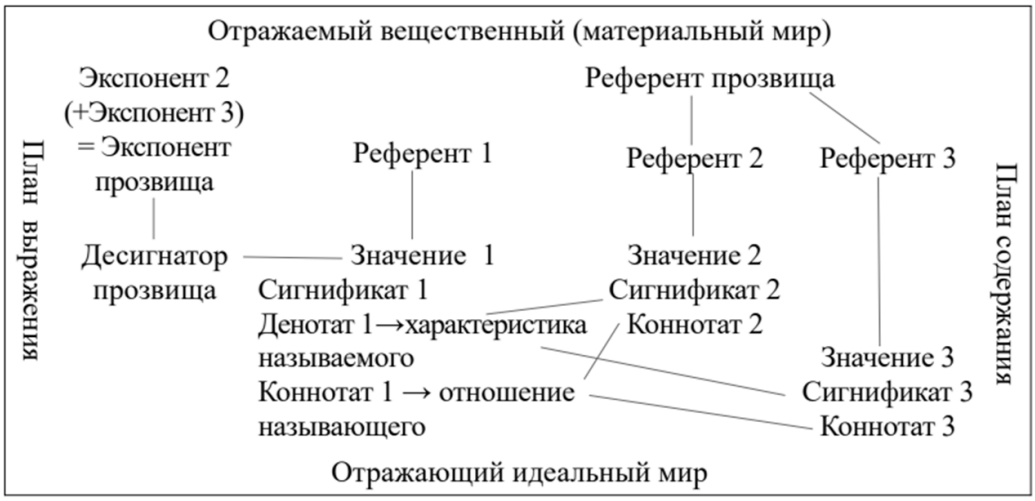

Рис. 4. Модель знака для прозвища, не включающего имени называемого или иных имен собственных

Особый интерес для изучения референции представляют случаи, когда при создании прозвища вторично используются иные имена собственные или конструкции, схожие с именами собственными (например: Mozart de la finance, Bébé Hollande, Lapin Duracell, Pépé, Monsieur Royal, Rolex). Отношение в этом случает выстраивается на основе признаков, которые заданы в денотатах и коннотатах первоначальных знаков. Сначала выделяются нужные характеристики называемого, далее происходит их соотнесение с характеристиками носителя другого имени. При этом семы второго знака, которые задействованы в процессе, уже должны переместиться в сигнификат, поскольку это является необходимым условием вторичного семиозиса. Сказанное может быть представлено следующим образом (см. рис. 5).

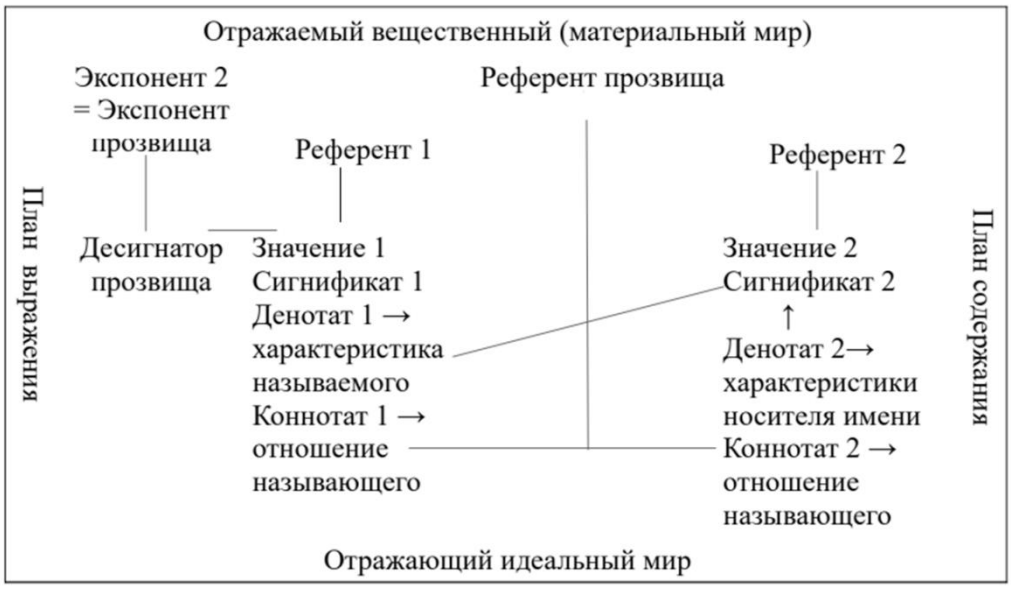

Рис. 5. Модель знака для прозвища с вторичным использованием иных имен собственных

Таким образом, единицы под названием «прозвище» представляют собой неоднородную группу слов по нескольким критериям, основными из которых можно считать состав и структуру, общую семантику и эмоционально-оценочный компонент. Указанные критерии позволяют провести анализ отношений прозвища к объектам внеязыковой действительности и показать, что референция рассматриваемой группы слов — сложное явление, которое обеспечивается множеством связей различного характера, задействованных при создании прозвища.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Референция // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. Н. В. Ярцева. — М. : Большая Рос. энцикл., 2002. — С. 411–412.

2. Боровикова Н. В. Референция имени собственного-антропонима: общее и частное. — Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. — 167 с.

3. Вальтер Х., Макиенко В. М. Русские прозвища как объект лексикографии // Вопросы ономастики. — 2005. — № 2. — С. 52–69. — URL : https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1924/1/VO-2005-02-06.pdf (дата обращения: 14.05.2023).

4. Завьялова Г. Н. Прозвищные наименования французских политиков (на материале французских электронных СМИ) // Эволюция романских языков: от языка народности к языку нации : материалы Междунар. научн. конф. / отв. ред. И. В. Скуратов. — М. : Московский гос. обл. ун-т, 2018. — С. 48–51. — URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36485101_38667123.pdf (дата обращения: 14.05.2023).

5. Лангнер А. Н., Бочарова Э. А. Классификация прозвищных наименований, функционирующих во французском языке современных африканских стран // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2013. — № 20 (163). — С. 111–118. — URL : https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-prozvischnyh-naimenovaniy-funktsioniruyuschih-vo-frantsuzskom-yazyke-sovremennyh-afrikanskih-stran (дата обращения: 14.05.2023).

6. Маликова А. В., Клименченко К. С. Вторичные антропонимы французских президентов // Архив электронных ресурсов СФУ. — 2014. — URL : https://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/17301/s34_006.pdf?sequence=1 (дата обращения: 14.05.2023).

7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. — М. : Наука, 1988. — 192 с.

8. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. — М. : Наука, 1973. — 366 с.

9. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал : дис. … д-ра филол. наук в форме науч. докл : 10.02.01. — Волгоград, 2000. — 76 с.

10. Тамразова И. Г. Персональный политический ad-hoc концепт во французском медиадискурсе // Медиалингвистика : материалы VI Междунар. науч. конф. / науч. ред. Л. Р. Дускаева ; отв. ред. А. А. Малышев. — СПб. : ООО «Медиапринт», 2022. — Вып. 9. — С. 605—609. — URL : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49028520_28363320.pdf (дата обращения: 14.05.2023).

11. Billy P. H. Typologie du surnom personnel // Nouvelle revue d'onomastique. — 1994. — No. 23/24. — Pp. 13—30. — URL : https://www.sfo-onomastique.fr/articles.php?lng=fr&pg=238&mnuid=31&tconfig=0 (дата обращения: 14.05.2023).

12. Chopin M.-P. La couleur des masques. Étude des fonctions du surnom dans une population de lycéens: reconnaissance et coexistence // Les Sciences de l'éducation. Pour l'Ère nouvelle. — 2005. — Vol. 38. — Pp. 47–67. — URL : https://www.cairn.info/revue-les-sciences-de-l-education-pour-l-ere-nouvelle-2005-2-page-47.htm (дата обращения: 14.05.2023).

13. La genéalogie des rois de France // Histoire de France. — URL : https://www.histoire-france.net/genealogie (дата обращения: 14.05.2023).

14. Yermeche Ou. Le sobriquet algérien: une pratique langagière et sociale // Insaniyat. — 2002. — No. 17–18, Mai–Décembre. — Pp. 97–110. — URL : https://www.insaniyat.crasc.dz/pdfs/n_17-18_yermeche.pdf (дата обращения: 14.05.2023).

References

1. Arutiunova N. D. Referentsiia. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopaedic Dictionary]. Iartseva N. V. (ed.). Moscow, The Big Russian Encyclopaedia Publ., 2002, pp. 411–412. (In Russian).

2. Borovikova N. V. *Referentsiia imeni sobstvennogo-antroponima: obshchee i chastnoe* [The referentiality of an anthroponym: the general and the particular]. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015, 167 p. (In Russian).

3. Val'ter Kh., Makienko V. M. Russian nicknames as an object of lexicography. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics]. 2005, vol. 2, pp. 52–69. Available at: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/1924/1/VO-2005-02-06.pdf (accessed 14.05.2023). (In Russian).

4. Zav'ialova G. N. The French language of the French politicians' nicknames (on French electronic media). *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Evoliutsiia romanskikh iazykov: ot iazyka narodnosti k iazyku natsii"* [Papers of the International scholarly conference "Evolution of Romance languages: from the language of the nation to the language of the nation"]. Skuratov I. V. (ed.). Moscow, Moscow State University of the Region Publ., 2018, pp. 48–51. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_36485101_38667123.pdf (accessed 14.05.2023). (In Russian).

5. Langner A. N., Bocharova E. A. Classification of nicknames functioning in the French language of modern African countries. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, iazykoznaniia* [Problems of Journalism, Pedagogy, Linguistics]. 2013, vol. 20 (163), pp. 111—118. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-prozvischnyh-naimenovaniy-funktsioniruyuschih-vo-frantsuzskom-yazyke-sovremennyh-afrikanskih-stran (accessed 14.05.2023). (In Russian).

6. Malikova A. V., Klimenchenko K. S. Secondary anthroponyms of French presidents. *Arkhiv elektronnykh resursov SFU* [SFU Electronic Resources Archive]. 2014. Available at: https://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/17301/s34_006.pdf?sequence=1 (accessed 14.05.2023). (In Russian).

7. Podol'skaia N. V. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 192 p. (In Russian).

8. Superanskaia A. V. *Obshchaia teoriia imeni sobstvennogo* [General theory of proper names]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 366 p. (In Russian).

9. Suprun V. I. *Onomasticheskoe pole russkogo iazyka i ego khudozhestvenno-esteticheskii potentsial* [The onomastic field of the Russian language and its artistic and aesthetic potential]. Volgograd, 2000, 76 p. (In Russian).

10. Tamrazova I. G. The personal political ad-hoc concept in French media discourse. *Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Medialingvistika"* [Papers of the VI International scholarly conference "Medialinguistics".]. Duskaeva L. R., Malyshev. A. A. (ed.). Saint Petersburg, "Mediaprint" Publ., 2022, vol. 9, pp. 605–609. Available at: https://www.elibrary.ru/download/ elibrary_49028520_28363320.pdf (accessed 14.05.2023). (In Russian).

11. Billy P. H. Typologie du surnom personnel. *Nouvelle revue d'onomastique.* 1994, vol. 23/24, pp. 13–30. Available at: https://www.sfo-onomastique.fr/articles.php?lng=fr&pg=238&mnuid=31&tconfig=0 (accessed 14.05.2023). (In French).

12. Chopin M.-P. La couleur des masques. Étude des fonctions du surnom dans une population de lycéens: reconnaissance et coexistence. *Les Sciences de l'éducation. Pour l'Ère nouvelle.* 2005, vol. 38, pp. 47–67. Available at: https://www.cairn.info/revue-les-sciences-de-l-education-pour-l-ere-nouvelle-2005-2-page-47.htm (accessed 14.05.2023). (In French).

13. La genéalogie des rois de France. *Histoire de France*. Available at: https://www.histoire-france.net/genealogie (accessed 14.05.2023). (In French).

14. Yermeche Ou. Le sobriquet algérien: une pratique langagière et sociale. *Insaniyat.* 2002, vol. 17–18, Mai—Décembre, pp. 97—110. Available at: https://www.insaniyat.crasc.dz/pdfs/n_17-18_yermeche.pdf (accessed 14.05.2023). (In French).

Информация об авторе

Боровикова Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков и русского языка как иностранного Северного государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Information about the author

Borovikova, Natalia — candidate of philology, senior lecturer at the Department of Foreign Languages and Russian as a Foreign Language, Northern State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 03.05.2023;
одобрена после рецензирования 11.05.2023;
принята к публикации 12.05.2023.

Submitted 03.05.2023;
approved after receiving 11.05.2023;
accepted for publication 12.05.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 2 (65). С. 13–20.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;2(65):13–20.

Научная статья
УДК 81’373.423
DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.002

Омонимическая парадигма китайских гастронимов в лингвокультурологическом аспекте

Галина Сергеевна Доржиева [1],
Гао Цзяньго [2]
[1,2] Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия
[1] galdor@yandex.ru
[2] gao2023@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается омонимическая парадигма китайских гастронимов как одна из семантических универсалий. Гастронимы (названия еды) в процессе исторического развития общества занимают важное место в материальной и духовной культуре человечества. Статья посвящена этнокультурным способам объективации китайских гастронимов как отражения опыта восприятия и осмысления геофизического пространства в процессе взаимодействия человека и его природной среды обитания. Авторы раскрывают причины появления омонимии в китайских гастрономических терминах.

Впервые гастронимы рассматриваются как показатель особенностей национального менталитета, психологического склада нации. Проведенное исследование доказывает, что для понимания мотива именования или переименования гастронима необходимо знание не только китайского языка и кулинарных традиций, но и китайского быта, народно-обрядовых праздников, истории и культуры Китая в целом.

Данный ареал исследования ранее не изучался в российской и китайской науке в лингвокультурологическом и ономасиологическом аспектах. Материал исследования углубляет и дополняет исторические, этнографические и лингвокультурные сведения о Китае.

Авторы выявили следующие факторы, повлиявшие на развитие омонимии китайских гастронимов: 1) внешние — суеверия, связанные с избеганием в речи слов, вызывающих негативные ассоциации, и заменой их синонимами с положительной коннотацией; 2) внутренние — фонетическая организация слова и морфологические особенности китайского языка.

Исследование показывает, что китайские гастронимы содержат глубокий пласт фоновых знаний, связанных с национальной культурой, национальным менталитетом, они хорошо известны и понятны носителям языка и культуры и, безусловно, отсутствуют у иностранцев. Исследование омонимии китайских гастронимов позволяет обратиться к национальной вербально-ассоциативной сети как к источнику культурологического, социально-исторического и ценностного фона тезаурусного уровня коллективной языковой личности. Китайская кухня — уникальное явление в истории человечества. Современные межнациональные культурно-языковые контакты требуют знания и соблюдения этикетных правил поведения с представителями другой культуры, перцептивную способность постигать иную ментальность и осмысливать информацию, затрагивающую любые стороны жизни носителей языка. Проведенное исследование выполнено в русле данных направлений научного поиска.

Ключевые слова: лингвокультурология, теория номинации, семантическая универсалия, парадигматика, классификация омонимов, китайские гастронимы.

Для цитирования: Доржиева Г. С., Гао Цзяньго. Омонимическая парадигма китайских гастронимов в лингвокультурологическом аспекте // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 2 (65). С. 13–20. DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.002.

Original article

Homonymic paradigm of Chinese gastronyms in the linguistic and cultural aspect

Galina S. Dorzhieva [1],
Gao Jianguo [2]
[1,2] Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia
[1] galdor@yandex.ru
[2] gao2023@mail.ru

Abstract. The article considers the homonymic paradigm of Chinese gastronyms as one of the semantic universals. Gastronyms (food names) in the process of the historical development of society occupy an important place in the material and spiritual culture of mankind. The article is devoted to ethnocultural ways of objectification of Chinese gastronyms as a reflection of

© Доржиева Г. С., Гао Цзяньго, 2023

the experience of perception and comprehension of the geophysical space in the process of interaction between a person and his/her natural habitat. The authors elucidate the reasons for the appearance of homonymy in Chinese gastronomic terms.

For the first time, gastronyms are considered as an indicator of the peculiarities of the national mentality, the psychological makeup of the nation. The conducted research proves that in order to understand the motive of naming or renaming a gastronym, knowledge of not only the Chinese language and culinary traditions is necessary, but also deep knowledge of Chinese life, folk ritual holidays, in particular, the history and culture of China in general.

This area of research has not been previously considered in Russian and Chinese science in linguoculturological and onomasiological aspects. The research material deepens and complements historical, ethnographic and linguocultural information about China.

The authors identified the following factors that influenced the development of homonymy of Chinese gastronyms: 1) external factors — superstitions associated with avoiding words in speech that cause negative associations and replacing them with synonyms with positive connotation; 2) internal factors — phonetic organization of the word and morphological features of the Chinese language.

The study shows that Chinese gastronyms contain a deep layer of background knowledge related to national culture, national mentality, they are well known and understandable to native speakers of the language and culture and, of course, are absent from foreigners. The study of the homonymy of Chinese gastronyms allows us to turn to the national verbal-associative network as a source of cultural, socio-historical and value background of the thesaurus level of the collective linguistic personality. Chinese cuisine is a unique phenomenon in the history of mankind. Modern interethnic cultural and linguistic contacts require knowledge and observance of etiquette rules of behavior with representatives of another culture, the perceptual ability to comprehend a different mentality and comprehend information affecting any aspects of the life of native speakers. The conducted research was carried out in line with these areas of scientific research.

Keywords: linguoculturology, nomination theory, semantic universality, paradigmatics, classification of homonyms, Chinese gastronyms.

For citation: Dorzhieva G. S., Gao Jianguo. Homonymic paradigm of Chinese gastronyms in the linguistic and cultural aspect. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 2(65):13–20. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.002.

Введение

Парадигматика — один из двух аспектов изучения языка, определяемый выделением и противопоставлением двух типов отношений между элементами и (или) единицами языка. В более широком смысле это то же, что языковая система, понимаемая как совокупность лингвистических классов — парадигм [Кубрякова, 1990, с. 366–367]. Выделяют несколько типов лексико-семантических парадигм, например, омонимический, синонимический, антонимический, тематический, лексико-семантическая группа слов и др. Понятие парадигматических отношений употребляется в отношении омонимии, поскольку системность омонимического ряда проявляется в наличии интегральных (плана выражения) и дифференциальных (плана содержания) признаков. Поэтому омонимическая парадигма — явление формально-семантического порядка.

Лексические омонимы — это одинаково звучащие слова, не имеющие общих элементов смысла (сем) и не связанные ассоциативно [Шмелев, 1990, с. 344–345]. Явление омонимии изучается в трудах таких известных лексикографов и исследователей лексики, как Н. И. Греч, Я. К. Грот, Л. А. Булаховский, С. О. Карцевский, Л. В. Щерба, А. А. Реформатский, В. В. Виноградов, В. И. Абаев, А. И. Смирницкий, О. С. Ахманова, Н. М. Шансий, Н. П. Колесников, Ю. С. Маслов, М. И. Фомина, Л. В. Малаховский, Н. Ф. Алифиренко, И. С. Тышлер, А. Я. Шайкевич, М. А. Алексеенко, Ю. Н. Гребенева, L. Philipon de La Madelaine, O. Jespersen и мн. др.

О неослабевающем интересе к вопросу омонимии свидетельствуют публикации последних лет, в которых данное явление рассматривается на материале различных языков. Так, О. М. Жиляева (2002) исследовала несловарные омонимы в фундаментальном и прикладном аспектах; И. А. Богданова (2003) и Л. М. Дударова (2006) обратились к структурно-семантическим характеристикам омонимических единиц; М. А. Дудина (2003) предприняла анализ омонимии на морфемном уровне; М. Н. Пономарева (2005) рассмотрела омонимию в русском и английском языках в переводческом аспекте; Р. В. Кузьмина (2007) провела фонетико-лексикографическое исследование омонимии в английском языке; П. М. Рамазанова (2002) изучала омонимию в аварском языке, Б. Ш. Беширов — в кумыкском (2002), Ф. К. Аппаева (2003) — в балкарском, З. Ш. Никатуева (2003) — в даргинском, О. А. Табутарова (2004) — в бурятском, Ч. А. Давлятова (2017) — в таджикском. Различные вопросы омонимии в современном китайском языке актуализируются в классических трудах В. М. Солнцева (1957), Ю. В. Рождественского (1958), И. Н. Гальцева (1962), а также в исследованиях последних лет: А. Л. Семенас (2005), П. А. Осмоловской (2014), Ван Хайяня (2017) и др.

Цель статьи — выявить взаимообусловленность языковых и ментальных аспектов в процессе лексической номинации на примере омонимов в китайской гастрономической терминологии. Предлагается когнитивно-дискурсивный подход к процессу выявления причин омонимии в данной лексической категории китайского языка. Таким образом, помимо социальной характеристики явления омонимии китайского языка выделяется и ее когнитивная составляющая.

Корпус эмпирического материала статьи составили гастронимы, отобранные из лексикографических источников и специальной литературы о китайской кулинарной культуре, обычаях и традициях. Наряду с основными методами научного познания — наблюдением, сравнением, классификацией, интерпретацией и систематизацией — методология анализа опирается на положения когнитивно-дискурсивного анализа, позволяющего рассмотреть языковые факты как порождаемое человеческой мыслью ментальное образование и одну из важнейших систем репрезентации знаний носителей языка.

Основная часть

Обсуждение

В современном языкознании общепризнанным считается мнение о том, что омонимия относится к числу семантических универсалий. Она свойственна всем языкам и в каждом из них в той или иной степени представлена ее различными структурно-семантическими типами.

Китайский язык фонетически небогат и включает чуть более 400 слогов и, соответственно, чуть более 1 600 тонированных слогов. Его особенная фонетическая организация является одной из основных причин омонимии, поэтому китайский считается одним из самых омонимичных языков в мире. По данным Ван Хайяня, количество омонимов составляет от 10 до 16 % лексического состава (которые, как правило, представлены однослоговыми и двуслоговыми словами) [Ван Хайянь, 2017, с. 85–87.]. В китайском языке омонимы (同音词 tóngyīncí) — это слова, которые имеют одинаковое звучание, но разное значение. При этом под одинаковым звучанием имеется в виду не только идентичный состав фонем, но и один и тот же музыкальный (этимологический) тон. Это связано прежде всего со слоговым типом китайского языка, в котором каждое слово состоит не из отдельных букв, а из слогов, причем каждый слог тоже является словом. Слоговая морфема является минимальной значимой единицей (далее смысловое деление не осуществляется), элементарной просодической смысловой и морфологической единицей. Ограниченное число слогов приводит к их высокой повторяемости, что и оказывается важнейшей причиной большого числа омонимов. Разные тоны выступают смыслоразличительными признаками и служат основанием для выделения разных типов омонимов.

Омонимия отразилась в языковой картине носителей китайского языка. Анализ теоретического и практического материала позволил сделать вывод, что одним из главных экстралингвистических факторов данного явления послужили суеверия, связанные с избеганием в речи слов, вызывающих негативные ассоциации, и заменой их синонимами с положительной коннотацией. Как известно, суеверия — это универсальная форма фиксации, избирательного сохранения и закрепления социокультурного опыта этноса. Будучи неотделимой составляющей наивной картины мира, суеверия представляют собой ценный материал для проведения лингвокультурологического исследования. Как отмечает В. А. Маслова, в языковой картине мира создается «…лишь специфическая окраска этого мира, обусловленная национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [Маслова, 2001, с. 66–69].

Национальные суеверия в контексте мифолого-религиозного сознания этноса и проявлений этнической лингвокультуры являются единицами культурного знания и запечатлевают особенности мировидения и миропонимания, характерные для данного лингвосоциума. Суеверия оказывают существенное влияние на повседневную жизнь людей, представляя собой культурный феномен, исследование которого помогает установить особенности взаимосвязи национального языка, этнической культуры и этнического сознания [Калинина, 2019, с. 131–132]. Например, существительное *часы* (钟 zhōng) со значением «башенные, настенные, настольные часы» (кроме наручных) является омонимом слова *смерть* (终 zhōng), по этой причине часы не принято дарить. Устойчивые ассоциации в сознании носителей китайского языка наблюдаются с числами от 1 до 9, которые, кроме своего номинативного значения, образуют омонимы: числительное *восемь* (八 bā) созвучно со словом *разбогатеть* (发 fā); числительное *девять* (九 jiǔ) выступает в качестве омонима к слову *долго* (久 jiǔ).

Появление омонимов связано с природой человеческого мышления, способного показывать окружающий мир в его различных взаимосвязях. К внутриязыковым причинам отнесем слова-омонимы, которые наблюдаются чаще всего в односложных словах, что обусловлено не только фонетической организацией слова, но и морфологическими особенностями китайского языка в целом (прежде всего спецификой слогоделения).

Исследование гастронимов предполагает изучение не только названий национальных блюд, но и их тесной связи с природно-географическими и климатическими особенностями среды обитания, а также лингвокультурными и религиозными традициями питания различных народов. Приведем примеры, подтверждающие существование табу на некоторые продукты. Так, созвучные существительные *расставание* (离 lí) и *груша* (梨 lí) имеют взаимосвязанные причинно-следственные отношения. Согласно суеверию, поедание одной груши несколькими людьми обязательно приведет к их разлуке, поэтому на различных праздничных мероприятиях гости всегда отказываются есть этот фрукт. Отправляясь в гости, китайцы никогда не возьмут с собой груши, так как принести их означает *расстаться; проститься* (分离 fēnlí). В кругу семьи груши (lí) не нарезают кусочками (fēn) — это прямой намек на *расставание* (fēnlí), а китайцы боятся разлучиться со своими родными [Юй Пэн, Цзяо Юймэй, 2020, с. 26].

Рассмотрим еще несколько подобных случаев. Бизнесмены с юга Китая стараются не называть *свиной язык* словом 猪舌头 (zhūshétou), созвучным со словом 折本 (shéběn) — *разориться*, вместо этого они говорят 头条 (kǒutiáo). В провинции Гуандун не произносят название тыквы *люффа* (丝瓜 sīguā), так как слог *сы* ассоциируется с *ши*, означающим *проигрыш*, а «тыкву проигравшего» никто не пожелает есть. Этот овощ называют 胜瓜 (shèngguā) — *тыква победы*. Тот же способ используют жители провинции Хунань: 芹菜 (qíncài) — *сельдерей* переименовали в 富菜 (fùcài) — *овощ богатства,* чтобы избежать ассоциации со словом *бедность* (穷 qióng), которое созвучно слогу 芹 (qín) [Юй Пэн, Цзяо Юймэй, 2020, с. 26–27].

Перейдем к примеру со словом *рыба* (鱼 yú), которое омонимично слову *прибавка* (余 yú) в чем бы то ни было: в семье, в деньгах, в карьере. В китайской традиции выделяется отдельная церемония переворачивания поданной на стол цельной рыбы. Если нужно попросить кого-либо перевернуть рыбу, то ни в коем случае нельзя произносить 翻 (fān) — *перевернуть*. В прежние времена считалось, что это слово, сказанное за столом, может накликать беду на рыбака, чья лодка перевернется. По современным поверьям, это может принести неудачу водителю — навлечь на него аварию с перевернутыми машинами. Вместо этого, переворачивая рыбу, нужно громко произнести 划过来 (huáguòlai) — буквально *переплыть*. Это не просто корректно, но даже приветствуется, поскольку в просторечии划 (huá) означает *приносить прибыль* [Плескачевская, 2018, с. 278].

Завершим серию примеров, обратившись к происхождению названия кисло-сладкой свинины *гулаожоу* (咕咾肉 gūlǎoròu), которое можно перевести с кантонского или гуандунского диалекта как «древнее мясо» или «мясо по-старинке». Существует две версии появления названия. Согласно первой, повара, несмотря на то, что кушанье было новым, приготовили его по старинным рецептам кисло-сладких блюд провинции Гуандун, выразив дань традиции. Другая версия этимологически восходит к звуку урчания *гулу-гулу* (咕噜-咕噜 gūlu), которое будто бы раздавалось при одной мысли о предвкушении вкуса блюда, из-за чего изначально его называли «мясом урчащих животов» *гулужоу* (咕噜肉 gūluròu). Позже название преобразилось в более утонченное, чему способствовала трансформация его в омонимичное *гулаожоу* (咕咾肉 gūlǎoròu) [Щепин, 2021, с. 29].

Таким образом, мы солидарны с В. А. Масловой, которая пишет, что культура — это все свойственные данному народу способы жизни и деятельности в мире, а также отношения между людьми (обычаи, ритуалы, особенности общения и др.) и способы видения, понимания и преобразования мира [Маслова, 2001, с. 16]. Языковая культура Китая отражает его национальную культуру. На основе омонимии в сознании китайского народа появлялись соответствующие ассоциации, которые затем стали частью китайской культуры и традиций.

Рассмотрим классификацию омонимов, в которой выделяется три типа [Шао Цзинминь, 2016 ; Ван Хайянь, 2017 ; Хуан Божун, Ляо Сюйдун, 2017], и перечислим мотивы их появления.

1. ***Лексические***, или ***полные омонимы*** — это слова, совпадающие по звучанию (включая инициалы, финаль и тон) и написанию. В этом случае один и тот же иероглиф записывает одинаково звучащие слова. Их называют 同形同音词 (tóngyīn tóngxíng) [Шао Цзинминь, 2016, с. 87]. Приведем несколько примеров.

Кантонские *димсам* (点心 diǎnxin) — легкие блюда и закуски, имеющие множество разновидностей (примерно 2 тыс. видов) — известны во всем мире. Происхождение собирательного названия этих

закусок восходит к династии Восточная Цзинь (317–420 годы). Легенда происхождения названия следующая. Во время очередной междоусобицы один из генералов был настолько поражен мужеством стоявших насмерть солдат, что в благодарность повелел отослать на передовую целый обоз любимых воинами горячих закусок. В напутствие генерал просил передать, что отвагой бойцов *сердечно тронут* (点点心意 diǎndiǎn xīnyì). Название *дяньсинь* (点心 diǎnxin) по-кантонски произносится как *димсам* (点心). На пекинском наречии такие слова, как *сладости и закуски* (点心 diǎnxin) и *закуски* (小吃 xiǎochī) — не одно и то же, и в этом состоит отличие их употребления от южных регионов. Китайский писатель Юань Мэй (родом из Чжэцзяня) в сочинении «Рецепты сада Суйюань» причислял к сладостям такие блюда, как клецки из рисовой муки со сладкой начинкой, лепешки, посыпанные кунжутом, пончики из рисовой муки, обвалянные в кунжуте, и даже блюда из клубня лотоса. Однако пекинцы относятся к ним не иначе, как к закускам, поскольку эти блюда ни к чему не обязывают, их можно есть в любое время, существует даже выражение «столкнуться с едой». В отличие от закусок, сладости считаются куда более изысканными лакомствами, поскольку заключают в себе важную ритуальную составляющую. По традиции во время празднования Нового года и других торжественных событий родственникам и друзьям преподносят две коробочки со сладостями.

Другое предание повествует о том, как была придумана *каша бабаофань* (八宝饭 bābǎofàn), или *рисовая каша восьми сокровищ*, которую принято есть в День Лабацзе во многих местах Китая, особенно в районе Цзяннань. Рецепт приготовления каши практически везде одинаковый: клейкий рис смешивают и варят вместе с финиками, зернами коикса, семенами лотоса, плодами драконьего глаза, другими семенами и фруктами. В прежние времена бабаофань была императорским блюдом. Считалось, что рисовая каша восьми сокровищ появилась еще во времена династий Шан и Чжоу. Чжоу-ван, последний правитель династии Шан, был жестоким тираном и вызывал большое недовольство народа. В 1123 году до н. э. чжоуский У-ван (основатель династии Чжоу; известен как мудрый и добродетельный правитель) возглавил поход местных князей на восток. На месте сегодняшнего города Муе в уезде Хун провинции Хэнань войско под предводительством У-вана разбило армию Чжоу-вана, сам правитель обратился в бегство, взобрался на гору Лутай и совершил самосожжение. В борьбе с неприятелем, созидая великую Поднебесную, У-ван отметил восьмерых воинов, которых должен прославлять народ. Это были Бо Да, Бо Ши, Чжун Ту, Чжун Ху, Шу Е, Шу Ся, Цзи Суй и Ли Гуа. По этому случаю императорский повар приготовил кашу восьми сокровищ, где сокровища (перечисленные выше ингредиенты) олицетворяли восьмерых смелых воинов, а ягоды боярышника — самосожженца Чжоу-вана [Хуан Паньпань, 2017, с. 231–232].

2. ***Омофоны (фонетические омонимы)*** (异形同音词 tóngyīnyìxíngcí, или 等音词 děngyīncí) — слова, которые совпадают по звучанию, но не совпадают по написанию. Китайский язык богат омофонами, это свойство легло в основу многих традиций, религиозных ритуалов и суеверий. Например, слог 苹 (píng) из слова *яблоко* (苹果 píngguǒ) созвучен со слогом 平 (píng) из слов *спокойствие* (平安 píng'ān) и *устойчивость* (平稳 píngwěn); на письме эти слоги обозначаются разными иероглифами. Именно поэтому китайцы часто дарят друг другу яблоки. Одно или несколько яблок можно увидеть на передней панели автомобиля, что служит пожеланием доброй дороги и поездки. Считается, что удачу приносят также *мандарины* (桔子júzi), созвучные со словом *благополучие* (吉利 jílì), и *драконий глаз*, китайское название которого, 桂圆 (guìyuán), звучит как сокращенное выражение *большая удача в кругу семьи* 香桂团圆 (xiāngguì tuányuán).

В давние времена в округе Уси омофонические ребусы задавали тем, кто сдавал государственный экзамен: им дарили *кисть* (笔 bǐ), *рисовые сладости* (年糕 niángāo) и *клейкий рис в тростниковых листьях* (粽子 zòngzi), желая *непременно пройти на следующую ступень* (必定高中 bìdìng gāozhōng) [Юй Пэн, Цзяо Юймэй, 2020, с. 26].

3. ***Графические омонимы***, или ***омографы*** — это частичные омонимы, то есть слова, которые одинаково пишутся, но различаются значением и звучанием. В качестве подходящего примера приведем название лакомства на маньчжурском языке *сачима* (萨琪玛 sàqímǎ). Согласно традиционной технологии его приготовления, кусочки слоеной яичной лапши нарезают на мелкие кубики, добавляют орехи, кунжут и заливают сладким сиропом, затем выкладывают в рост один на другой. Название производно от слов *резать* (切 sàqímbi) и *расти; умножаться* (增长 madambi). В результате соединения частей этих слов появилось сложное слово *сачима* (萨琪玛), которое в иероглифической записи имеет такие варианты, как 赛利马 (sài lìmǎ) либо 沙其马 (shā qímǎ). Благодаря популярности этого лакомства в Гонконге и адаптации к местным обычаям у него появилось еще одно название — *мацзай* (马仔 mǎzǎi). В то время так назывались модные тотализаторы на скачках, поэтому у местных жителей постепенно вошло в традицию перед соревнованиями лакомиться на удачу этой сладостью, что нашло отражение в соответствующем выражении *съесть сачима и выиграть гонки* (食马仔, 赢马仔 chī mǎzǎi, yíng

mǎzǎi) [Цуй Дайюань, 2020, с. 117]. Известно, что изначально сачима не предназначалась для пищи, а использовалась как обязательный элемент для подношения предкам маньчжурской династии Цин, в частности гробницам Фулин (захоронение императора Нурхаци), Чжаолин (захоронение императора Тайцзуна), Юнлин (захоронение четырех предков цинских императоров: Чжао, Син, Цзин и Сянь). Эти жертвоприношения совершались трижды в год во время Большого и Малого жертвоприношения, а также императорского инспекционного объезда.

Следует отметить, что почти все пекинские сладости первоначально предназначались для разного рода подношений либо служили ритуальными предметами во время свадеб или похорон. Например, для подношений умершим использовали хворост, пропитанный медом, большой и малый наборы из восьми сортов фигурного печенья, на свадьбу готовили китайские пряники с изображением дракона и феникса, во время прихода в дом зятя пекли пончики в сахарной пудре и т. д. [Цуй Дайюань, 2020, с. 119].

В двадцать восьмой год правления цинского императора Даогуана (в 1848 году) была поставлена стела в храме Машэньмяо, регламентирующая правила подношения сладостей, где указывалось, что так называемые маньчжурские булочки бобо должно использовать как подношение во время национальных праздников, как жертвоприношение божествам в храмах предков, а также в ходе проведения дворцовых экзаменов и высоких приемов гостей. Кроме того, буддийские и даосские монахи из числа маньчжур и китайцев могли преподносить их в качестве угощения Будде, на свадебных пиршествах или похоронах. Бобо — не что иное, как сладости дяньсинь. В эпоху Цин среди наказаний существовала пытка, когда человека разрезали на куски, и последним и решающим маневром палача считалось «вырезание сердца» — это звучало как «дяньсинь». Поэтому у коренных жителей Пекина это слово оказалось под запретом, из-за чего, вслед за маньчжурами, для обозначения разного рода сладостей они вместо слова «дяньсинь» стали употреблять слово «бобо». Соответственно, и лавки, в которых делались и продавались сладости, также были переименованы. Такие булочки можно было принести в жертву или подарить родным и друзьям.

Еще одно лакомство, *вареные колобки из клейкой рисовой муки с начинкой* (元宵 yuánxiāo), символизирует полную луну. На Праздник фонарей (元宵节 yuánxiāojié) на севере Китая принято угощаться перволунными колобками юаньсяо, которые сперва не были названием блюда, а означали ночь первого полнолуния в году, то есть вечер 15-го числа 1-го лунного месяца. *Юань* (元yuán) переводится как «начало», а *сяо* (宵 xiāo) — «ночь». Во время династии Мин (XIV–XVII века) в сочинении «Общие хроники правящей династии Мин» появилась запись: «Угощение, сделанное из сброженного рисового теста, в которое обертывают сахарную начинку и отваривают в воде до готовности, называется “сладкие колобки”» [Цуй Дайюань, 2020, с. 107]. По преданию, в свете полной луны можно увидеть летящих в небе духов. Чтобы подсветить им путь, в древности люди зажигали фонари — так возник Праздник фонарей, которому более двух тысяч лет [Щепин, 2021, с. 283].

Таким образом, китайская кулинария — удивительный и уникальный феномен, один из столпов китайской цивилизации, подтверждением чему служит известная китайская пословица 民以食为天 (mínyǐshíwéitiān) — *люди почитают пищу, как небо*.

Заключение

Китай — древнейшая цивилизация планеты. Иероглифическое письмо, произношение звуков, приметы и суеверия жителей — тысячелетнее наследие страны, истории народа, его культуры, философии, традиций и религии. В статье гастронимы впервые рассматриваются как показатель особенностей национального менталитета, психологического склада нации, свидетельство национальных склонностей и национального характера народа. Проведенное исследование доказывает, что для понимания мотива именования или переименования гастронима необходимо знание не только китайского языка и кулинарных традиций, но и китайского быта, народно-обрядовых праздников, а также истории и культуры Китая в целом. Данный ареал исследования актуализируется в российской и китайской науке в лингвокультурологическом и ономасиологическом аспектах.

В центре рассмотрения лингвокультурологии и ономасиологии находятся знаки языка как вербальная часть кода культуры, как экспоненты закодированных в них культурных смыслов. Культурный код в широком смысле — это способ сохранения и передачи информации, тип культурной памяти.

Китайский язык считается одним из самых омонимичных языков в мире, что связано прежде всего с его слоговым типом. Разные музыкальные (этимологические) тоны выступают смыслоразличительными признаками и служат основанием для появления омонимов. В классификации омонимов выделяется три типа: 1) лексические омонимы — слова, совпадающие по звучанию (включая инициаль,

финаль и тон) и написанию: *бабаофань* (八宝饭) — *рисовая каша восьми сокровищ*; 2) фонетические омонимы — слова, совпадающие по звучанию, но не совпадающие по написанию: слог 苹 (píng) из слова *яблоко* (苹果 píngguǒ) созвучен со слогом 平 (píng) из слов *спокойствие* (平安 píng'ān) и *устойчивость* (平稳 píngwěn); 3) графические омонимы — слова, которые одинаково пишутся, но различаются значением и звучанием: *вареные колобки из клейкой рисовой муки с начинкой* и *ночь первого полнолуния в году* (元宵 yuánxiāo).

Именно контекст уточняет смысловую структуру омонимов, исключая неуместное толкование. Как показывает практика, омонимы, принадлежащие к разным сферам употребления и обладающие неоднозначной экспрессивной окраской, различной функциональной отнесенностью, как правило, четко дифференцируются в речи. Знание способов образования китайских омонимов и их использование в языке и речи свидетельствует о высоком уровне владения китайским языком.

Исследование гастрономической лингвокультуры представляет интерес для многих гуманитарных наук: философии, культурологии, социолингвистики, психолингвистики, истории национальной кухни, этнолингвистики, литературоведения, фольклористики и др., открывая тем самым новые перспективы научных изысканий.

Список источников

1. Ван Хайянь. Полисемия и омонимия в китайском и русском языках // Весці БДПУ. Сер. 1. — 2017. — № 2. — С. 84–87. — URL : https://www.elib.bspu.by/bitstream/doc/40441/1/120172084.pdf (дата обращения: 19.10.2022).

2. Калинина А. А. Французские суеверия как отражение социокультурной природы национального сознания // Франкофония: рациональное и эмоциональное в развитии языков и культур / под ред. Т. Ю. Загрязкиной. — М. : Наука, 2019. — Вып. 10. — С. 130–142.

3. Кубрякова Е. С. Парадигма. Парадигматика // Лингвистический энциклопедический словарь. — М. : Сов. энцикл., 1990. — С. 366–367.

4. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для вузов. — М. : Академия, 2001. — 208 с.

5. Плескачевская И. Н. Поднебесная страна. — М. : Шанс, 2018. — 311 с.

6. Хуан Паньпань. Китайские традиции и обычаи. — М. : Шанс, 2017. — 264 с.

7. Цуй Дайюань. Словарь китайского гурмана / пер. с кит. Е. И. Митькина, А. А. Родионов, О. П. Родионова. — СПб. : ИД «Гиперион», 2020. — 368 с.

8. Шмелев Д. Н. Омонимия // Лингвистический энциклопедический словарь. — М. : Сов. энцикл., 1990. — С. 344–345.

9. Щепин К. Китай кулинарный. — М. : Шанс, 2018. — 286 с.

10. Юй Пэн, Цзяо Юймэй. Китайская кухня в рецептах и историях / пер. с кит. М. А. Беляевой. — М. : Шанс, 2020. — 103 с.

11. 点心//百度百科. 让人类平等地认知世界 (Dim sum. Baidu Encyclopedia. Let mankind recognize the world equally) [Десерт // Энциклопедия Байду]. — URL : https://is.gd/1ol4pt (дата обращения: 19.10.2022).

12. 邵敬敏. 现代汉语通论，上海教育出版社，2016. — 304 页 [Шао Цзинминь. Общая теория современного китайского языка. — Изд-во просвещения Шанхая, 2016. — 304 с.].

References

1. Wan Hayan. Polysemia and homonymy in Chinese and Russian. *Vesci BDPU. Ser. 1* [Vesz BDPU. Ser. 1.]. 2017, no. 2, pp. 84–87. (In Russian). Available at: https://www.elib.bspu.by/bitstream/doc/40441/1/120172084.pdf (accessed 19.10.2022).

2. Kalinina A. A. French superstitions as a reflection of the sociocultural nature of national consciousness. *Frankofoniya racionalnoe i emocionalnoe v razvitii yazikov i kultur* [Francophony: rational and emotional in the development of languages and cultures]. Ed. T. Yu. Pantyazkina. Moscow, Science Publ., 2019, iss. 10, pp. 130–142. (In Russian).

3. Kubryakova E. S. Paradigm. Paradigmatics. *Lingvisticheskii enciklopedicheskii slovar* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1990, pp. 366–367. (In Russian).

4. Maslova V. A. *Lingvokulturologiya* [Linguoculturology]. Moscow, Academy Publ., 2001, 208 p. (In Russian).

5. Pleskachevskaya I. N. *Podnebesnaya strana* [The Celestial Country]. Moscow, Chance Publ., 2018, 311 p. (In Russian).

6. Juan Panpan. *Kitaiskie tradicii i obichai* [Chinese traditions and customs]. Moscow, Chance Publ., 2017, 264 p. (In Russian).

7. Tsuy Dayuan. *Slovar kitaiskogo gurmana* [Dictionary of the Chinese Gurman]. Transl. by Chinese E. I. Mitkina, A. A. Rodionov, O. P. Rodionov. Saint Petersburg, Hyperion Publ., 2020, 368 p. (In Russian).

8. Shmelev D. N. Omonymia. *Lingvisticheskii enciklopedicheskii slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1990, pp. 344–345. (In Russian).

9. Schepin K. *Kitai kulinarnii* [China Culinary]. Moscow, Chance Publ., 2018, 286 p. (In Russian).

10. Yu Pan, Jiao Yumei. *Kitaiskaya kuhnya v receptah i istoriyah* [Chinese cuisine in recipes and stories]. Transl. by Chinese M. A. Belyaeva. Moscow, Chance Publ., 2020, 103 p. (In Russian).

11. 点心. 百度百科. 让人类平等地认知世界 [Dim sum. Baidu Encyclopedia. Let mankind recognize the world equally]. Available at: https://is.gd/1ol4pt (accessed 19.10.2022). (In Chinese).

12. 邵敬敏. 现代汉语通论，上海教育出版社，2016, 304 页 [Shao Jingmin. A General Theory of Modern Chinese. Shanghai Education Press, 2016, p. 304]. (In Chinese).

Сведения об авторах

Доржиева Галина Сергеевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкого и французского языков института филологии, иностранных языков и массовых коммуникаций Бурятского государственного университета имени Д. Банзарова; заслуженный профессор Бурятского государственного университета; почетный работник высшего профессионального образования.

Гао Цзяньго — аспирант кафедры немецкого и французского языков института филологии, иностранных языков и массовых коммуникаций Бурятского государственного университета имени Д. Банзарова.

Information about authors

Dorzhieva, Galina — doctor of philology, professor, professor of department of the German and French languages, Banzarov Buryat State University; merited professor of Buryat State University; honorary professor of higher professional education.

Gao Jianguo — postgraduate student of the German and French languages, Banzarov Buryat State University.

Статья поступила в редакцию 10.03.2023;
одобрена после рецензирования 10.04.2023;
принята к публикации 14.04.2023.

Submitted 10.03.2023;
approved after reviewing 10.04.2023;
accepted for publication 14.04.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 2 (65). С. 21–26.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;2(65):21–26.

Научная статья
УДК 81-114.2
DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.003

Латинский термин в современной медицинской коммуникации

Татьяна Яковлевна Кузнецова [1],
Лариса Сергеевна Заиченко [2]
[1, 2] Северный государственный медицинский университет, Архангельск, Россия
[1] tk409866@gmail.com
[2] zaichenko.larisa@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению медицинского термина-словосочетания. Новизна исследования состоит как в выборе объекта — многокомпонентного медицинского термина, так и в определении теоретической базы.

Использование психосистематики, занимающейся изучением механизмов языковых единиц и их употребления в речи, дало возможность определить платформу для сопоставительного исследования многокомпонентных медицинских терминов в латинском, русском, немецком, французском языках. В этом качестве выступает понятие инциденции как мыслительного механизма, устанавливающего содержание и структуру медицинского термина (определяемое — определяющее), обеспечивающего перевод медицинского термина с латинского языка. Рассмотрение словосочетания как воспроизводящего движение мысли позволило увидеть существительное в процессе субстантивации и определить его как опору (объект мысли) для части речи, прилагательного или имени существительного в генитиве, несущего вклад значения (признак) к опоре.

Исследованы следующие типы многокомпонентных латинских терминов и их переводы: 1) трехкомпонентные термины-словосочетания, репрезентирующие опору и вклад значения, выраженный прилагательными; 2) трехкомпонентные термины-словосочетания, репрезентирующие опору и вклад значения, выраженный именем существительным в генитиве и прилагательным; 3) четырехкомпонентные термины-словосочетания, репрезентирующие опору (первые два компонента) и вклад значения к опоре (вторые два компонента).

Ключевые слова: теория психосистематики, когнитивная лингвистика, ментальные репрезентации, механизмы построения речевых структур, инциденция, мыслительный механизм.

Для цитирования: Кузнецова Т. Я., Заиченко Л. С. Латинский термин в современной медицинской коммуникации // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 2 (65). С. 21–26. DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.003.

Original article

Latin term in modern medical communication

Tatyana Ya. Kuznetsova [1],
Larisa S. Zaichenko [2]
[1, 2] Northern State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Arkhangelsk, Russia
[1] tk409866@gmail.com
[2] tk409866@gmail.com

Abstract. The paper considers the study of the medical term-phrase. The novelty of the research lies both in the choice of the object, a multi-component medical term, and in the definition of a theoretical base.

The use of psychosystematics, which studies the mechanisms of language units and their employment in speech, made it possible to identify a platform for a comparative study of multi-component medical terms in Latin, Russian, German, and French. In that capacity, the concept of the incident was considered as the mechanism of thought that determines the content and the structure of a medical term, the signified — the signifier, providing for translating a medical term from Latin. The phrase as representing the movement of thought made it possible to consider the noun in the process of the substantiation and define it as the support (the object of thought) for the part of speech, the adjective or the noun in the genitive case that contributes the meaning (sign) to the support.

There are three different types of multi-component Latin terms and their translations: 1) three-component term-phrases, that represent the support and contribution of the meaning, expressed by the adjective; 2) three-component term-phrases, that

© Кузнецова Т. Я., Заиченко Л. С., 2023

represent the support and contribution of the meaning, expressed by the noun in the genitive and the adjective; 3) four-component term-phrases, that represent the support (the first two components) and the contribution of the meaning to the support (the second two components).

Keywords: theory of psychosystematics, cognitive linguistics, mental representations, mechanisms of the speech structure formation, incident, mechanism of thought.

For citation: Kuznetsova T. Ya., Zaichenko L. S. Latin term in modern medical communication. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 2(65):21–26. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.003.

Теория психосистематики как научная основа исследования

Целью нашего исследования является изучение ментальных механизмов построения многокомпонентных медицинских терминов в латинском, русском, немецком и французском языках. Для рассмотрения того, как состав, структура и порядок слов латинских терминов находят отображение в соответствующих современных языках, предстоит решение следующих задач:

1) обратиться к теории психосистематики как основы нашего исследования;

2) определить специфические лексические и структурно-функциональные особенности многокомпонентных терминов-словосочетаний в исследуемых языках, исходя из этапов формирования термина как предмета мысли;

3) выяснить влияние специфики формирования национальных языков на перевод многокомпонентного медицинского термина.

Исследование проводится на основе теории психосистематики, основоположником которой является Гюстав Гийом. Заслуга Гийома состоит в том, что в эпоху структурализма, когда объектом исследования была провозглашена форма языка, он поставил субъекта (в его терминологии — лицо) не только в центр говорения, но и в центр языковой системы, утверждая, что она основана на обращении к тому, что происходит в мыслях говорящего в ходе речевого акта.

Психосистематику можно было бы сравнить с когнитивной лингвистикой, которая изучает язык с позиций отражения в нем мыслительного содержания. Ту и другую теорию объединяет признание концепта (у Гийома — идеи) как основополагающей единицы языка. Когнитивисты, как и Гийом, считают, что концепт может быть репрезентирован лексической, морфологической единицами: существительным, прилагательным, глаголом, словосочетанием. Гийом представляет механизм этого процесса в развитии. Он полагает, что, прежде чем заниматься изучением речевых структур, лингвистика должна подчиняться предварительному изучению слова как потенциальной языковой единицы. Синтаксис является вторичным и зависимым от морфологии [Скрелина, 2009, с. 100]. Исследователь видит в основе формирования слова две составляющие: 1) выбор из множества концептов (в теории Гийома — идей) одного, удовлетворяющего условиям и требованиям речевого акта; 2) выбор морфологической формы для репрезентации этого концепта. Речь идет об отборе тех категорий, которые характеризуют некую часть речи, будь то имя существительное, прилагательное, наречие, глагол. Эти движения мысли говорящего субъекта не фиксируются сознанием и определяются лишь по окончании речевого акта. «В построенном состоянии языка мы имеем, к счастью, образ процесса построения» [Гийом, 2004, с. 166].

Выбор слова как части речи есть действие инциденции — мыслительного механизма, приводящего в движение определение и определяемое. В основе лежит теория, рассматривающая концепт в процессе формирования двух элементов: опоры как объекта мысли и вклада как привносимого к нему в процессе речевой деятельности значения, неоформленного категориально. Аристотель в теории категорий отмечал, что язык возник из потребности высказать нечто по поводу чего-то. И сегодня Рок Вален говорит: “La condition d’existence la plus générale du langage à savoir que quelque chose soit dit de quelqu’un ou de quelque chose” [Valin, 1994, p. 351] («Самое распространенное объяснение необходимости языка — это желание знать, что говорят о ком-то или о чем-то»). Формирование концепта в момент привнесения вклада значения к опоре (объекту мысли) приводит к образованию имени существительного: имя существительное инцидентно (лат. incidĕre — «попадать») самому себе: вклад в процессе рождения слова падает, попадает на опору. Это — внутренняя инциденция. Имя прилагательное находит в имени существительном опору, необходимую для вклада, привносимого им значения, которое присоединяется к вкладу имени существительного, обогащая его. Это — внешняя инциденция. В отличие от внутренней инциденции имени существительного, инциденция прилагательного называется внешней, поскольку опора помещается за его границами [Скрелина, 2009, с. 173].

Психосистематика как теоретическое направление исследования, заключающееся в анализе термина с позиций его формирования, представляет адекватную основу для изучения многокомпонентного термина. Инциденция, процесс и механизм соотнесения элементов значения целого, применима как к единице языка, так и к ее функционированию в речи [Скрелина, 2009, с. 202]. Механизму инциденции в языке соответствует отношение зависимости между членами словосочетания и предложения. Изучение структуры медицинского термина, представляющей собой определяемое — определяющее, мы начинаем с выяснения формирования мысли от опоры (предмета мысли) к вкладу значения (то есть к привнесению к опоре невыраженного категориально значения), независимо от того, каким языком осуществляется перевод с латинского языка, установленного анонимным коллективным адресантом (гуманистами эпохи Возрождения) как язык профессиональной медицинской коммуникации [Кузнецова, 2017].

Рассмотрим примеры многокомпонентного термина с позиций его формирования.

1. Трехкомпонентные термины-словосочетания, репрезентирующие опору и вклад значения, выраженные прилагательными

Os cuneiforme laterale. Первый этап формирования термина-словосочетания — это инциденция прилагательного *cuneiforme* к существительному *Os*, служащего для него опорой. Однако вклад значения прилагательного *cuneiforme* не дает полного понимания опоры (клиновидная кость может иметь иную форму). *Os cuneiforme* становится опорой для вклада *laterale*, привнесения дополнительного понятийного значения локализации к вкладу значения *cuneiforme*. Дадим следующую схему инциденций (рис. 1):

Рис. 1. Схема инциденций Os cuneiforme laterale

Обратим внимание на то, что порядок слов в трехэлементном термине-словосочетании полностью воспроизводит движение мысли от основного к менее значимому. Первое место принадлежит предмету мысли, опоре-имени существительному *Os*, второе место занимает прилагательное, составляющее вместе с существительным основополагающую базу термина *Os cuneiforme*, выражающую медицинское понятие-термин. Прилагательное, обозначающее положение органа, *laterale*, стоит на последнем месте.

1) Перевод на русский язык — *«боковая клиновидная кость»*.

На первом месте стоит прилагательное, передающее локализацию опоры *«боковая»*, на втором месте — прилагательное, передающее форму медицинского объекта *«клиновидная»*, которая вместе с его наименованием *«кость»* занимает последнее место. Как можно заметить, термин-трехкомпонентное словосочетание в русском языке строится по принципу, противоположному тому, который характерен для латинского языка. Здесь движение мысли идет от наименее значимого — локализации медицинского объекта *«боковая»* — к основному значению формы *«клиновидная»* — вклада, привносимого к существительному-опоре *«кость»*, занимающему последнее место в словосочетании.

2) Перевод на немецкий язык — *"Keilbein"*.

В немецком языке первый и второй компоненты латинского термина-словосочетания сливаются в один однословный термин — композит *Keilbein*. Опора, репрезентированная существительным *bein*, начинающим процесс формирования термина, занимает в нем конечную позицию, а вклад к опоре, репрезентированный именным корнем *Keil*, передающим форму медицинского объекта, занимает в композите начальную позицию. Актуализируется архаическая черта индоевропейских языков: определяющее слово не является ни существительным, ни прилагательным, а имеет форму чистой именной основы [Жирмунский, 1956, с. 344]. Вклад как дополнительное значение локализации äußeres (внешняя) оформляется в препозиции к композиту.

3) Перевод на французский язык — *"Os cunéiforme latéral"*.

Синтаксис словосочетания полностью воспроизводит порядок слов в латинском термине. Однако в процессе формирования французского языка на базе латинского произошли изменения, которые внесли диссонанс в строгое соответствие грамматического и лексического значений. Прилагательное, формирующее с именем существительным базис термина, склоняется в латинском языке по одному и тому же с ним типу склонения (1-му или 2-му) и имеет то же окончание — *-a* или *-us, -um*; прилагательное, передающее местоположение объекта, склоняется по другому типу (3-му) и имеет другое окончание — *-is, -e* [Чернявский, 2008]. Во французском термине не сохранена дифференциация в передаче значения грамматическими средствами.

2. Трехкомпонентные термины-словосочетания, репрезентирующие опору и вклад значения, выраженные именем существительным в генитиве и прилагательным

Arcus pedis transversal. Первый этап формирования словосочетания — это вклад значения существительного *pedis* к значению существительного *arcus*, которое становится для него опорой. На первом этапе закладывается основополагающая база термина. Следующий этап — привнесение вклада *transversal* к значению опоры *arcus*, уже являющегося таковым в результате действия первого этапа и формирования словосочетания *arcus pedis* (рис. 2).

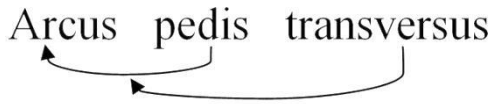

Рис. 2. Схема инциденций Arcus pedis transversus

Порядок слов в рассматриваемом термине-словосочетании воспроизводит движение мысли от существительного-определяемого к определениям, расположенным в порядке убывания значимости: от наименования медицинского объекта *arcus pedis* к указанию его формы *transversus*.

1) Перевод на русский язык — *«поперечный свод стопы»*.

Как можно видеть, первое место принадлежит прилагательному, обозначающему формальный признак *«поперечный»* и занимающему в латинском словосочетании последнее место. Далее идет базовое словосочетание *«свод стопы»*, полностью повторяющее порядок слов базового словосочетания *arcus pedis*, но не в начале словосочетания, а в конце. Следование определения, выраженного именем существительным в генитиве, за определяемым в том и другом языках, свидетельствует о том, что речь идет об одном и том же значении, а именно: структура «опора — вклад» выражает часть от целого. Вклад значений привносится именно в опору *«свод»*, но через вклад стопы, что очень наглядно выражено в латинском словосочетании порядком слов. Здесь же семантическая связь слов выражается морфологическим способом.

2) Перевод на немецкий язык — *"Fußlängsgewölbe"*.

В немецком языке возникает композит, состоящий из трех элементов, — *Fußlängsgewölbe*. Первый этап формирования термина — это привнесение вклада значения *-längs* к опоре *-gewölbe*, которые в совокупности создают основополагающую базу термина *-längsgewölbe* (лат. arcus transversus), не совпадающую с аналогичной структурой латинского языка. Следующий этап — привнесение вклада *Fuß* к значению опоры *gewölbe*, которое уже обогатилось за счет вклада *-längs*. Если рассматривать последовательность в расположении составляющих композита, то можно констатировать расхождение между развитием мысли и ее выражением с той картиной, которую мы наблюдаем в латинском термине. Кроме того, трехэлементный термин чаще всего заменяется усеченным, двухкомпонентным термином Längsgewölbe.

3) Перевод на французский язык — *"L'arc transversal du pied"*.

Хотя значение термина узнаваемо, обращает на себя внимание отступление от синтаксической структуры оригинала. Вклад значения существительного *l'arc* служит опорой для вклада значения, вносимого определением, выраженным существительным *du pied*, которое может существовать только в зависимости от опоры, в которую он привносит дополнительное значение [Valin, 1994, p. 259]. Если в латинском языке морфология частей речи с развитой системой флексий была основой синтаксиса, то во французском языке при имеющейся системе имен существительных и прилагательных синтаксические функции выполняются не только порядком слов, но и предлогами, и артиклями, что мы наблюдаем в данном случае. Позицией определения-прилагательного подчеркивается форма стопы *transversal* в противовес существующей *longitudinal*.

3. Четырехкомпонентные термины-словосочетания, репрезентирующие опору (первые два компонента) и вклад значения к опоре (вторые два компонента)

Incisura cardiaca pulmonis sinistri. Многокомпонентный термин может быть образован в результате действия двух групп инциденций, первая из которых формирует опору, вторая привносит вклад значения к опоре (рис. 3).

Первый этап формирования термина-словосочетания — это инциденция прилагательного *cardiaca* к существительному *Incisura*, служащего для него опорой. *Incisura cardiaca* — основополагающий

базис термина. Однако вклад значения прилагательного *cardiaca* как «имеющего отношение к анатомии сердца» не дает полного понимания опоры. Необходимо уточнение расположения сердечной вырезки в грудной клетке. Это значение создается второй группой инциденций, в которой прилагательное *sinistri* инцидентно существительному *pulmonis*. *Pulmonis sinistri* репрезентирует вклад дополнительного понятийного значения локализации, обогащая вклад значения *cardiaca* первой группы инциденций *Incisura cardiaca*.

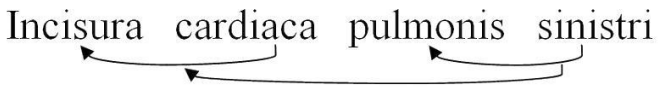

Рис. 3. Схема инциденций Incisura cardiaca pulmonis sinistri

Порядок слов в термине-словосочетании полностью воспроизводит движение мысли от основного к менее значимому. Первое место принадлежит предмету мысли, опоре-имени — существительному *Incisura*, второе место занимает вклад-прилагательное *cardiaca*, составляющее вместе с существительным основополагающую базу термина *Incisura cardiaca*, формирующую первую группу инциденций. Локализация термина, включающая опору *pulmonis* и вклад, репрезентированный прилагательным *sinistri*, формирует вторую группу инциденций и заключает четырехкомпонентный термин.

1) Перевод на русский язык — *«сердечная вырезка левого легкого»*.

В переводе сохраняются обе группы инциденций. Вместе с тем в первой группе, с которой начинается четырехкомпонентный термин, на первом месте стоит не имя существительное, репрезентирующее опору, а имя прилагательное, передающее вклад, дополнительное значение к опоре — *«сердечная вырезка»*. Нарушен основной принцип латинского словосочетания, передающего движение мысли от основного к менее значительному. Во второй группе инциденций точно так же прилагательное, передающее вклад к опоре, обозначающее ее локализацию, занимает первое место — *«левого легкого»*.

2) Перевод на немецкий язык — *"Herzkerbe der linken Lunge"*.

В немецком языке данному латинскому четырехчастному термину соответствует трехчастный термин *Herzkerbe der linken Lunge*, состоящий из двучленного композита и дополнения, выраженного существительным в родительном падеже с зависимым качественным прилагательным. Таким образом, первая часть термина, *incisura cardiaca*, оформляется в сложное существительное *Herzkerbe* («сердечная вырезка»), где к опорному компоненту *-kerbe* («вырезка») присоединяется частеречно недифференцированный именной компонент *Herz-* («сердце»). Вторая часть данного латинского термина, *pulmonis sinistri*, представляющая собой словосочетание «существительное в родительном падеже + качественное прилагательное в родительном падеже» и имеющая значение указания на местоположение описываемого анатомического объекта, остается в немецком языке в виде синтаксической структуры и композита не образует.

3) Перевод на французский язык — *"Incisure cardiaque du poumon gauche"*.

Четырехкомпонентное словосочетание также указывает на образование термина в результате действия двух групп инциденций: первая из них формирует опору *Incisure cardiaque*, вторая привносит вклад значения *du poumon gauche* к опоре. *Incisure cardiaque*, основополагающий базис термина, не имеет, в отличие от латинского термина, морфологического способа выражения согласования (единства в окончании *-a*). Объединяющая инциденция указанных двух групп создается существительным с предлогом *de*, выражающим характеризацию сердечной вырезки *Incisure cardiaque* как части медицинского органа, левого легкого *du poumon gauche*.

Заключение

Исследование медицинского термина-словосочетания на основе инциденции — мыслительного механизма, приводящего в действие опору и вклад, приводит к следующему заключению. Медицинские термины в русском, немецком, французском языках, будучи результатом перевода латинского термина, в разной степени воспроизводят его основной принцип: от сущего (опоры) к значению (вкладу), реализуемый на лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях. Различия в репрезентациях ментальной основы обусловлены расхождениями в историческом развитии национальных языковых систем.

Список источников

1. Арсеньева М. Г., Балашова С. П., Берков В. П., Соловьева Л. Н. Введение в германскую филологию : учеб. — М. : «ГИС», 1998. — 314 с.
2. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — 224 с.
3. Жирмунский В. М. История немецкого языка. — М. : Изд-во лит. на ин. яз., 1956. — 387 с.
4. Кузнецова Т. Я. Формирование медицинской латыни (когнитивно-дискурсивный подход) // Когнитивные исследования языка. — 2017. — Вып. 31. — С. 275—279.
5. Скрелина Л. М. Школа Гийома: психосистематика : учеб. пособие. — М. : Высш. шк., 2009. — 367 с.
6. Скрелина Л. М., Становая Л. А. Теоретическая грамматика французского языка : учеб. пособие. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. — 386 с.
7. Чернявский М. Н. Латинский язык и основы медицинской терминологии. — М. : ЗАО «Шико», 2008. — 448 с.
8. Valin R. L'envers des mots: analyse psychomécanique du langage. — Québec : Les Presses de l'Université Laval, 1994. — 396 p.

References

1. Arsen'eva M. G., Balashova S. P., Berkov V. P., Solov'yova L. N. Vvedenie v germanskuyu filologiyu: ucheb. [Introduction to German philology: textbook]. Moscow, "GIS" Publ., 1998, 314 p. (In Russian).
2. Guillaume G. Principy teoreticheskoj lingvistiki [Principles of theoretical linguistics.] Moscow, Editorial URSS Publ., 2004, 224 p. (In Russian).
3. Zhirmunskij V. M. Istoriya nemeckogo yazyka [History of German]. Moscow, Foreign Languages Literature Publ. House, 1956, 387 p. (In Russian).
4. Kuznetsova T. Ya. Cognitive-discursive approach to Latin medical vocabulary evolution. Kognitivnyye issledovaniya yazyka [Cognitive studies of language]. 2017, vol. 31, pp. 275—279. (In Russian).
5. Skrelina L. M. Shkola Gijoma: psihosistematika: ucheb. posobie [Guillaume's School: Psychosystematics: textbook]. Moscow, Higher School Publ., 2009, 367 p. (In Russian).
6. Skrelina L. M., Stanovaya L. A. Teoreticheskaya grammatika francuzskogo yazyka: ucheb. posobie [Theoretical grammar of the French language: textbook]. Saint Petersburg, RSPU named after A. I. Herzen Publ., 2012, 386 p. (In Russian).
7. Chernyavskiy M. N. Latinskiy yazyk i osnovy meditsinskoy terminologii [The Latin Language and foundations of medical terminology]. Moscow, ZAO "Shiko" Publ., 2008, 448 p. (In Russian).
8. Valin R. L'envers des mots: analyse psychomécanique du langage. Québec , Les Presses de l'Université Laval, 1994, 396 p. (In French).

Информация об авторах

Кузнецова Татьяна Яковлевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков и русского языка как иностранного Северного государственного медицинского университета.

Заиченко Лариса Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и русского языка как иностранного Северного государственного медицинского университета.

Information about the authors

Kuznetsova, Tatyana — doctor of philology, professor, professor of the Department of Foreign Languages and Russian as a Foreign Language of the Northern State Medical University.

Zaichenko, Larisa — candidate of philological sciences, associate professor of the Department of Foreign Languages and Russian as a Foreign Language of the Northern State Medical University.

Статья поступила в редакцию 21.04.2023;
одобрена после рецензирования 28.04.2023;
принята к публикации 29.04.2023.

Submitted 21.04.2023;
approved after reviewing 28.04.2023;
accepted for publication 29.04.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 2 (65). С. 27–33.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;2(65):27–33.

Научная статья
УДК 81’37
DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.004

Топонимы Шотландии как предмет историко-семантического и структурного исследования

Мария Михайловна Пенцова
Московский городской университет, Москва, Россия
pentsova-698@mgpu.ru

Аннотация. Современные топонимические исследования исходят из устоявшегося понимания топонима как единицы языка и как структуры знания, аккумулирующей разноплановые исторические и социокультурные сведения. В имеющихся работах, посвященных топонимам Шотландии, основное внимание уделяется национально-культурному компоненту в их значениях и проблеме принадлежности к германским или кельтским языкам. Актуальность предпринятого исследования продиктована потребностью в изучении зависимости содержания топонима от его структуры и смыслов структурных элементов. Цель работы заключается в раскрытии характера связи между апеллятивом и мотивирующей лексемой в двухсоставной модели топонима и в определении наличия или отсутствия изменений семантики названия географического объекта в случае односоставного топонима. Исследование сфокусировано на топонимах с апеллятивами *borg* и *dun*. В работе использованы лексикографический поиск топонимических единиц, этимологический и историко-культурный анализ. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в состав рассмотренных топонимов входили переосмысленные апеллятивы, подвергшиеся метонимическому сдвигу. Мотивирующий признак проанализированных топонимических единиц характеризовал отношение места к человеку. Со структурной точки зрения мотивирующая лексема занимает первое место в двухсложных топонимах с *borg* и второе — в двухсложных топонимах с *dun*.

Ключевые слова: топоним, Шотландия, апеллятив, географический объект, метонимический сдвиг, генитивное словосочетание, borg, dun.

Для цитирования: Пенцова М. М. Топонимы Шотландии как предмет историко-семантического и структурного исследования // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 2 (65). С. 27–33. DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.004.

Original article

Historical-semantic and structural research of Scotland place-names

Maria M. Pentsova
Moscow City University, Moscow, Russia
pentsova-698@mgpu.ru

Abstract. Contemporary toponymic research accepts a conventional understanding of a toponym as a language unit and as a knowledge structure, that accommodates various historical, social and cultural information. So far papers on toponyms of Scotland have dwelt upon national and cultural peculiarities of these linguistic units and their etymology. Now it is evident that toponymic research has to be supplemented with the study of the interrelation between the structure and the meaning of a toponym and with the analysis of the interconnection between the senses of its structural components. The article aims at establishing the link between appellatives and qualifying elements within the two-element structure and revealing the presence or absence of semantic shifts in appellatives in case of one-word structure. The research is focused on place-names with *borg* and *dun* which are studied with the help of lexicographic, etymological, historical and cultural analysis. The research results show that appellatives in the place-names under study underwent a metonymic change, and modifying elements exhibited the relation of a place to a person. From the structural point of view, modifying element occupies the first position in two-element model of place-names with *borg* and the second position in two-element model of place-names with *dun*.

Keywords: toponym, Scotland, appellatives, metonymic shift, genitive word combination, borg, dun.

For citation: Pentsova M. M. Historical-semantic and structural research of Scotland place-names. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 2(65):27–33. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.004.

Введение

Топонимы привлекают внимание исследователей в разных областях гуманитарного знания — истории, археологии, агиографии, литературоведения и лингвистики. Как знаки языка, «топонимы являются

© Пенцова М. М., 2023

одним из активных элементов, определяющих систему знаний о мире и участвующих в формировании мировоззрения человека» [Шадикова, 2017, с. 327]. Развитие антропоцентрической и когнитивной парадигм лингвистического знания во многом обусловило изменение отношения к «основной единице топонимики — топониму, который трактуется не только как единица языка (лингвистический знак), но и как лингвокультурологический знак, как этнокультурное явление (этнокультурный текст), как структура знания» [Корнева, 2016, с. 150].

На современном этапе развития топонимии сформировалось устойчивое представление о топониме как об этнокультурной единице языка [Фаткуллина, 2015], в содержании которой соединены значение топонима как ономастической единицы и знание об обозначаемом им месте как о локусе в историческом, культурном, политическом, религиозном, географическом пространстве народа, нации или этноса. Топонимы изучаются как элементы «определенной топонимической системы в его отношении с другими топонимами» [Храпченкова, 2018, с. 66] и рассматриваются как составляющие топонимической картины мира носителей того или иного языка. Благодаря такому подходу топоним «обретает свое «место» в системе языка за счет установления его многообразных связей с другими, то есть за счет вхождения в разноплановые внутриязыковые и межъязыковые ряды» [Устинова, 2010, с. 153]. Расширение топонимического поля исследования происходит за счет включения в него информации как о самом пространстве, так и о «стереотипах его восприятия и отражения в топонимии» [Васильева]. Как отмечают ученые, в большинстве топонимических исследований рассматривается этимология топонимов в ущерб изучению апеллятивов и мотивирующих признаков названий мест [Britannica]. Отсюда следует, что вопрос о взаимосвязи географического названия места и названия географического объекта становится важным в изучении топонимических единиц. Так, например, было установлено, что развитие топонимической лексики в славянских языках происходит благодаря «трем основным ономастическим процессам», ведущим из которых является «онимизация апеллятива» [Лукьянова, 2012, с. 8]. В английском языке преобладающим источником географического названия является двухчастная модель, в которой на втором месте стоит апеллятив, а первое занимает лексема, специализирующая и модифицирующая значение всего топонима [Britannica]. В рамках когнитивной лингвистики была предложена трехчастная структура топонима, состоящая из «ономасиологического (когнитивного) базиса, ономасиологического (когнитивного) признака и связывающего их в единое целое когнитивного предиката» [Корнева, 2016, с. 151]. Если сопоставить обе модели, то можно заметить, что языковым представлением когнитивного базиса служит название географического объекта (природного объекта), тогда как когнитивный признак должен соотноситься с определенной мотивирующей лексемой. По наблюдениям исследователей, в основе топонимов лежат три мотивировочных признака: признак, присущий самому природному объекту, признак, определяющий его соотношение с другими природными объектами, и признак, проявляющийся по отношению к человеку [Лукьянова, 2012, с. 17]. В. В. Корнева утверждает, что соединение апеллятива и модифицирующей лексемы как семантический процесс и соединение базиса и признака как когнитивный процесс не носят «обязательного, стереотипного характера» [Корнева, 2016, с. 151].

Основная часть

Материал и методы исследования

В работе были использованы «метод целенаправленного поиска топонимической единицы» [Исаева] древнегерманского и прото-индоевропейского происхождения, этимологический и историко-культурный анализ. Эмпирический материал исследования был собран из английских и шотландских топонимических словарей, этимологических и исторических словарей прото-индоевропейского, английского, исландского и прото-кельтского языков.

Постановка проблемы

Топонимы Шотландии неоднократно становились предметом лингвистических и лингвокультурологических работ таких исследователей, как Д. И. Коткова (2021), М. М. Пенцова (2021), А. В. Шадикова (2017), W. J. Watson (1973), S. Taylor (1998), W. F. Nicolaisen (2001), A. E. Grant (2003), B. Sandnes (2010), P. McNiven (2016). Полученные к настоящему времени результаты подобных исследований нуждаются в новом ракурсе лингвистического рассмотрения. Проблема заключается в необходимости раскрыть характер взаимодействия значения апеллятива (наименования географического объекта)

и мотивирующего признака в семантике шотландского топонима. Исследование исходит из предположения, что семантика названия географического места формируется за счет сохранения или переосмысления названия географического объекта. Мотивирующий признак отражает восприятие географического объекта как выделяющегося среди своего класса по наиболее значимым характеристикам. Благодаря мотивирующему признаку топоним как структура знания аккумулирует разные по времени сведения об историко-культурном пространстве, на фоне которого протекала жизнь конкретного места.

Обсуждение результатов

Предпринятая работа сфокусирована на шотландских топонимах, структура которых содержит лексемы *borg* и *dun*, исходно обозначавших в древнеанглийском и древнескандинавских языках географический объект «холм, возвышенное место».

Топонимы с элементом *borg* и его вариантами многочисленны в шотландском топонимическом пространстве, в особенности на юго-западе и севере Шотландии, на Гебридских, Шетландских и Оркнейских островах. По данным словаря Indogermanisches etymologisches Wörterbuch [Pokorny, 1959, S. 144], *borg*, возможно, восходит к одному из вариантов прото-индоевропейского корня *bheregh-/bher-/bhrhgüu-s/bhergho-*, для которых общим было значение «высокий, возвышающийся» (здесь и далее перевод наш. — *М. П.*). В древнеанглийском языке существительное *burg*/*beorg* в значении «холм» встречается только в составе сложных слов [Bosworth, 1898, p. 134]. Другой древнеанглийский лексико-семантический вариант приведенного выше корня — слово *burh*/*burg* (мн. ч. *burga*) — ученые рассматривают как производное от древнеанглийского глагола *beorgan* — «защищать, спасать» [Bosworth, 1898, p. 134 ; Pokorny, 1959, S. 148]. Оправданно предположить, что в содержании *burh*/*burg* произошло наложение смыслов «возвышенность, холм» и «защита» и сформировалось значение «укрепленное для защиты место, крепость» [Bosworth, 1898, p. 134]. Вероятно, что подобное изменение произошло и в древнескандинавском языке, в котором у слова *borg* были два значения: «холм» и «укрепленный холм, укрепленное возвышенное место, крепость» [An Icelandic-English Dictionary]. Среди топонимов Шотландии есть название *Borg(ue)*, обозначающее поселение в административной области *Galloway*. Согласно историческим сведениям, в раннем Средневековье оно использовалось римлянами, всегда готовыми отразить исходившую от кельтского населения острова угрозу, в качестве военного лагеря. Древние скандинавы, появившиеся на острове после римлян и также бывшие готовыми противостоять угрозе со стороны кельтов, превратили лагерь в укрепленное место, построив крепость, и дали ему название *Borg* [Nicolaisen, 2001, p. 144]. Апеллятив *borg* «холм» был переосмыслен как «крепостной холм», метонимический сдвиг завершился образованием значения «крепость»: «холм» → «холм с крепостью» → «крепость (на холме)» → «крепость». Смыслы «холм как природный объект» и «защита» как характеризующий этот объект признак совпали в содержании топонима *Borg(ue)*. Таким образом, географический объект был выделен из класса «холм, возвышенность», получил собственное название, трансформировавшееся впоследствии в название населенного пункта.

Мотивирующий признак (отличительная характеристика) сохраняется в содержании фонетического варианта *Borve* <древнесканд. *borg* [Johnston, 1892, p. 40], который распространен на Гебридских островах, где находится пять населенных пунктов с таким наименованием [Dorward, 2001, p. 32]. Извлечь знания из этого топонима помогают данные, полученные археологами, которые связывают название долины *Borve* и деревни *Borve* на острове *Barra* с первыми поселениями на нем, возникшими в IV веке до н. э. Поселенцы занимались фермерством и скотоводством. Из-за неблагоприятных климатических условий и ухудшения почвенного покрова островитяне возводили укрепленные ограждения на холмах (hill-forts) вокруг своего места жительства и места деятельности с целью защититься от влияния непогоды и сохранить нетронутыми жилища и почву для ведения фермерского хозяйства. На этом острове было построено около двенадцати подобных сооружений [Branigan, 1989]. Учитывая археологические сведения, можно утверждать, что в содержании названия географического места *Borve* сохранялся семантический признак «защита», хотя историко-культурный контекст бытования этого топонима существенным образом отличался от рассмотренного выше топонима *Borg(ue)*.

Ойконим *Boreraig* (название разрушенного поселения на острове Скай) исторически представляет собой двухчастную модель, вторым элементом которой является древнескандинавский апеллятив vik/vig>ig — «остров», а первый элемент, *Borer*<*borgar*, может быть истолкован либо как древнескандинавский апеллятив «холм», либо как характеризующая лексема «укрепленный холм, укрепленное возвышенное место» [An Icelandic-English Dictionary]. Достоверных сведений, подтверждающих первый или второй вариант, нет, но мы вправе заключить, что мотивирующий признак в двухчастной структуре

топонима мог быть выражен как апеллятивом, так и специализирующей лексемой. Иными словами, возможны две интерпретации исходного значения данного топонима: «остров с холмом, холмистый остров» и «остров с крепостью на холме, крепостной остров». Данный топоним интересен как предмет анализа содержащегося в нем исторического и культурного знания. Согласно историческим свидетельствам, в XIX веке *Boreraig* было местом обитания мелких фермеров (crofters). Дома в этом поселении отличались тем, что их замкнутая конфигурация — круглые крыши, низкие толстые стены — смягчали суровые природные условия, в первую очередь сильные юго-западные ветра, и защищали от них [Webster, 2013]. Используя эти сведения, легко выдвинуть предположение, что место получило свое название благодаря своеобразию бытовых построек на острове. Однако этому знанию предшествует более ранний историко-культурный срез: до XIV века на этом острове был замок клана МакДональда из Слита, и, соответственно, в отдаленную эпоху название *Boreraig* аккумулировало сведения о том, что на острове было возведено защитное сооружение, замок-крепость. Иными словами, *Boreraig* называло остров по характерному для него яркому признаку — замку, который прежде всего был предназначен для обороны, а переосмысленный апеллятив *Borer<borgar* выделял остров из класса подобных объектов. Семантическое изменение в данном случае можно было бы представить следующим образом: «остров» (vik/vig>ig) → «остров с холмом» (Boreraig) → «остров с крепостью на холме» → «крепостной остров» → «крепость (на острове)» → «крепость как поселение».

В словаре Scottish National Dictionary значение лексемы *dun*/*doon*/*doun* определено как «крепость на возвышенном или изолированном месте, состоящая из концентрических земляных или каменных строений» [Scottish National Dictionary]. В этимологическом словаре прото-кельтского языка Etymological Dictionary Of Proto Celtic приводится реконструируемое значение прото-индоевропейского корня, к которому восходит слово *dun* — «огороженное место», и содержится предположение о том, что *dun* по своему исходному значению было близко латинскому слову *funus* — «захоронение», возможно, от более раннего значения «похоронный холм». Там же утверждается, что из прото-кельтского оно попало в общегерманский язык [Etymological Dictionary of Proto Celtic]. В словаре древнеанглийского языка список когнатов в германских и романских языках сопровождается их значениями, ведущим среди которых оказывается «холм, возвышенность (из песка, вынесенного морем), укрепленный холм» [Bosworth, 1898, p. 218]. В этом же источнике фиксируется результат метонимического сдвига в древнеанглийском названии географического объекта *dun* — «холм, гора», благодаря которому обозначение целого было перенесено на его часть: *dun* — «холм, гора» → «холм, на котором стоит крепость» → «крепость (на холме)». Ойконим *Dumbarton* (*-m* является результатом ассимиляции *-nb*) < *dun breatainn* представляет собой название города на берегу реки *Clyde*. Он появился в результате переосмысления двусоставного описательного выражения «крепость бриттов» (dun — «крепость», breatainn — «бриттов») в качестве имени собственного. Базисом топонима служит семантически преобразованный апеллятив *dun*, а мотивирующим признаком, модифицирующим его содержание, выступает форма родительного падежа этнонима *Brytas, Bryten* («бритты»). В литературе утверждается, что исторически у поселения на берегу Клайда было два названия: *Alclut*, или *Alcluith* (из языка бриттов), что означало «скала на реке Клайд», и *Dunbreatainn*/*Dumbarton* — «крепость бриттов» (из языка шотландских гаэлов) [Place Names of West Dunbartonshire ; Britannica]. В сопоставлении этих названий раскрываются разные подходы к восприятию одного и того же места. В первом названии доминирует признак, присущий самому природному объекту: Al — «скала» + Cluith/Clut — «река Клайд», тогда как во втором доминирует признак отношения к человеку. Этноним *Brytas, Bryten* в названии *Dunbreatainn*/*Dumbarton* подчеркивает отличительную этнополитическую характеристику поселения-крепости, а именно — его историческую принадлежность бриттам, нередко отстаивавшим свои территории и вступавшим в сражения с другими племенами. *Alcluith* оставался названием столицы королевства бриттов до конца IX века, пока она не была разрушена скандинавами. В X веке вся территория стала субъектом англо-саксонских королей, за ее столицей окончательно закрепилось название *Dunbreatainn*. В Place Names of West Dunbartonshire упоминается, что в старых грамотах встречаются варианты названия *Dunbriton, Dunbertane, Dunbartan*e, которые в Викторианскую эпоху были заменены на *Dumbarton* как наиболее точно отражавшее его устное произношение [Place Names of West Dunbartonshire].

Топоним *Dunkeld* представляет собой название аббатства, духовного и церковного центра в Шотландии. Изначально, как и топоним *Dumbarton*, это название состояло из двух элементов: *dun* и *Keledei*, или *Culdees*. Первый элемент означал «замок», а второй, представлявший собой форму родительного падежа множественного числа, мог иметь одно из приводимых в словаре The Merriam-Webster Dictionary значений: «один из религиозных отшельников, впервые появившихся в Ирландии» или «ирландский или шотландский монах». В словаре Dictionaries of the Scots Language слово *Culdees* объяснено

следующим образом*:* члены аскетического религиозного движения в кельтской церкви в Ирландии и Шотландии VIII — начала XIV века, первоначально состоявшего из отшельников, затем организованного в независимые общины под руководством аббата и окончательно вошедшего в канонические ордена Римской церкви [Dictionaries of the Scots Language]. Поселение под названием *Dunkeld* возникло на пересечении дорог из равнинной части Шотландии в высокогорье. Известно, что первыми его поселенцами были пикты и римляне. Однако топоним *Dunkeld* отражает более поздний этап в развитии этого места, когда в VI веке святой Колумба начинает христианскую миссионерскую деятельность на этой территории. Христианство широко распространялось среди кельтских племен, и новую веру активно принимали. Слово *Culdee* появляется после ослабления влияния Церкви Колумбы, не ранее 800 года, вместе с несколькими анахоретами, прибывшими из Ирландии. Тогда же, в начале IX века, Константин, сын Фергуса, короля пиктов, основал на этом месте церковь. Он населил место религиозными людьми, которых в народе называли *Keledei*, или *Colidei* [History Of The Scottish Nation]. Таким образом возникло название места *Dunkeld* — «замок (крепость) анахоретов».

Dun в составе рассмотренных топонимов представляет собой переосмысленное название географического объекта: «холм или возвышенность» → «замок, крепость (на холме)». В диахронии данные топонимы были генитивными словосочетаниями, поскольку второй элемент был выражен родительным падежом соответствующего этнонима и религионима. По наблюдению Магги Скотт, в том случае, когда *dun* используется как название географического объекта в первом своем значении, оно занимает второе место в структуре топонимов и соотносится с родовым понятием. Подобное происходит в обозначениях мест, к отличительным характеристикам которых относится обитание в них каких-либо животных, например, *Graden <Graydoune* — «медвежий холм» и *Cunzierton<Cuniardon* — «кроличий холм, кроличий садок» в Роксбурге [Scott]. Если сопоставить данные М. Скотт и сведения, полученные в нашем исследовании, становится очевидным, что в зависимости от характера мотивирующего признака (определяющего соотношение объекта с другими природными объектами или проявляющегося в его отношении к человеку) различными будут как структура топонима, так и значение названия географического объекта.

Заключение

Изучение топонимов Шотландии с апеллятивами *borg* и *dun* показало, что как в односложных, так и в исторически двухсложных топонимах в семантике данных апеллятивов происходит метонимический сдвиг, результат которого влияет на значение топонима в целом. В двухсложных топонимах переосмысленный апеллятив *borg* занимает первое место и функционирует в качестве мотивирующей лексемы, значение которой специализирует название географического объекта. Апеллятив *dun* исторически входил в состав двусложных топонимов, представлявших собой генитивные словосочетания с этнонимом и религионимом, и функционировал как родовое понятие. В рассмотренных топонимах с апеллятивами *borg* и *dun* мотивирующий признак устанавливался по соотношению место — человек. Как структуры знания, рассмотренные топонимы представляют собой многослойное образование, аккумулирующее разные по времени проявления события в истории того этнического и культурного пространства, на фоне которого происходило развитие конкретного места Шотландии.

Список источников

1. Васильева С. П. Топоним как этнокультурная единица // Вестник Красноярского государственного университета им. В. П. Астафьева. — 2010. — № 3. — URL : https://cyberleninka.ru/article/n/toponim-kak-etnokulturnaya-edinitsa (дата обращения: 10.04.2023).

2. Исаева Т. Б, Пашин В. М. Валлийские топонимы как отражение лингвистического и этнокультурного наследия кельтов на территории Уэльса // Вестник Красноярского государственного университета им. В. П. Астафьева. — 2020. — № 4 (54). — URL : https://cyberleninka.ru/article/n/valliyskie-toponimy-kak-otrazhenie-lingvisticheskogo-i-etnokulturnogo-naslediya-keltov-na-territorii-uelsa (дата обращения: 18.03.2023).

3. Корнева В. В. Топонимические исследования в новой научной парадигме // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Лингвистика и МКК». — 2016. — № 1. — С. 150–154.

4. Лукьянова Е. А. Топонимическая лексика Владимирской области (структурно-грамматический и семантический аспекты) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01. — Иваново, 2012. — 21 с.

5. Устинова Е. С. «Голографичность» слова как результат его осмысления в различных «измерениях» // Иностранные языки в высшей школе. — 2010. — № 2 (13). — С. 153–157.

6. Фаткуллина Ф. Г. Топонимы как компонент языковой картины мира // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1-1. — URL : https://science-education.ru/ru/article/view?id=18126 (дата обращения: 12.04.2023).

7. Храпченкова И. И. Топонимическая картина историко-культурного развития нации (на материале немецкого языка) // Филология. — 2018. — № 5 (17). — С. 66–69.

8. Шадикова А. В. Ассоциативное восприятие топонимов Шотландии // Когнитивные исследования языка. — 2017. — № 30. — С. 327–330.

9. An Icelandic-English Dictionary. — URL : https://old-norse.net/ (дата обращения: 23.03.2023).

10. Bosworth and Toller. An Anglo-Saxon Dictionary. — 1898. — URL : http://lexicon.ff.cuni.cz/html/oe_bosworthtoller/b0218.html (дата обращения: 23.03.2023).

11. Branigan K. Mankind on the Margin // Archaeology. — 1989. — No. 42 (6). — Pp. 58–59.

12. Britannica. — URL : https://www.britannica.com/science/toponymy (дата обращения: 10.04.2023).

13. Dictionaries of the Scots Language. — URL : https://dsl.ac.uk/ (дата обращения: 10.04.2023).

14. Etymological Dictionary Of Proto Celtic. — URL : https://archive.org/details/EtymologicalDictionaryOfProtoCeltic/page/n112/mode/1up?q=dun (дата обращения: 10.04.2023).

15. Merriam-Webster Dictionary. — URL : https://www.merriam-webster.com/ (дата обращения: 15.04.2023).

16. Nicolaisen W. F. Scottish Place-Names. — Edinburgh : John Donald, 2001. — 320 p.

17. Place Names of West Dunbartonshire. — URL : https://www.west-dunbarton.gov.uk/libraries/archives-family-history/place-names/d/ (дата обращения: 12.04.2023).

18. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. — Band I. — 1959. — URL : https://archive.org/details/pokorny-indogermanisches-etymologisches-worterbuch-band-i-1959/page/n143/mode/1up?q=beorg (дата обращения: 12.02.2023).

19. Scott M. Place-names and the Scots language: the marches of lexical and onomastic research. — URL : https://usir.salford.ac.uk/id/eprint/9498/1/Publication_Version_2007.pdf (дата обращения: 01.03.2023).

20. Scottish National Dictionary. — URL : https://dsl.ac.uk/entry/snd/dun_n (дата обращения: 02.02.2023).

21. Webster H. On the Other Side of Sorrow: Reimagining the Highland Longhouse. Traditional Dwellings and Settlements Review. — 2013. — No. 25 (1) — Pp. 69–80.

References

1. Vasil'eva S. P. The toponym as an ethnocultural unit. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'yeva* [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev]. 2010, no. 3. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/toponim-kak-etnokulturnaya-edinitsa (accessed 10.04.2023). (In Russian).

2. Isaeva T., Pashin V. M. Welsh toponyms as reflection on linguistic and ethnocultural legacy of the Celts within the territory of Wales. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'yeva* [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev]. 2020, no. 4 (54). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/valliyskie-toponimy-kak-otrazhenie-lingvisticheskogo-i-etnokulturnogo-naslediya-keltov-na-territorii-uelsa (accessed 18.03.2023). (In Russian).

3. Korneva V. V. Toponimic studies within a new research paradigm. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya"* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication]. 2016, no. 1, pp. 150–154. (In Russian).

4. Luk'yanova E. A. *Toponimicheskaya leksika Vladimirskoj oblasti (strukturno-grammaticheskij i semanticheskij aspekty)* [Toponymic vocabulary of the Vladimir region (structural-grammatical and semantic aspects)]. Ph.D. thesis abstract, 10.02.01. Ivanovo, 2012, 21 p. (In Russian).

5. Ustinova E. S. Towards a "Holographic" Vision of Vocabulary Viewed in Multiple Dimensions. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2010, no. 2 (13), pp. 153–157. (In Russian).

6. Fatkullina F. G. Toponyms as a component of the linguistic world picture. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Contemporary issues of science and education]. 2015, no. 1-1. Available at: https://science-education.ru/ru/article/view?id=18126 (accessed 12.04.2023). (In Russian).

7. Hrapchenkova I. I. Toponymic picture of the historical-cultural development of the nation (on the material of the German language). *Filologiya* [Philology]. 2018, no. 5 (17), pp. 66–69. (In Russian).

8. Shadikova A. V. Associative perception of the Scottish toponyms. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive research of language]. 2017, no. 30, pp. 327–330. (In Russian).

9. An Icelandic-English Dictionary. Available at: https://old-norse.net/ (accessed 23.03.2023).

10. Bosworth and Toller. An Anglo-Saxon Dictionary. 1898. Available at: http://lexicon.ff.cuni.cz/html/oe_bosworthtoller/b0218.html (accessed 23.03.2023).

11. Branigan K. Mankind on the Margin. *Archaeology*. 1989, no. 42 (6), pp. 58–59.
12. Britannica. Available at: https://www.britannica.com/science/toponymy (accessed 10.04.2023).
13. Dictionaries of the Scots Language. Available at: https://dsl.ac.uk/ (accessed 10.04.2023).
14. Etymological Dictionary Of Proto Celtic. Available at: https://archive.org/details/EtymologicalDictionaryOfProtoCeltic/page/n112/mode/1up?q=dun (accessed 10.04.2023).
15. Merriam-Webster Dictionary. Available at: https://www.merriam-webster.com/ (accessed 15.04.2023).
16. Nicolaisen W. F. Scottish Place-Names. Edinburgh, John Donald, 2001, 320 p.
17. Place Names of West Dunbartonshire. Available at: https://www.west-dunbarton.gov.uk/libraries/archives-family-history/place-names/d/ (accessed 12.04.2023).
18. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Band I. 1959. Available at: https://archive.org/details/pokorny-indogermanisches-etymologisches-worterbuch-band-i-1959/page/n143/mode/1up?q=beorg (accessed 12.02.2023).
19. Scott M. Place-names and the Scots language: the marches of lexical and onomastic research. Available at: https://usir.salford.ac.uk/id/eprint/9498/1/Publication_Version_2007.pdf (accessed 01.03.2023).
20. Scottish National Dictionary. Available at: https://dsl.ac.uk/entry/snd/dun_n (accessed 02.02.2023).
21. Webster H. On the Other Side of Sorrow: Reimagining the Highland Longhouse. Traditional Dwellings and Settlements Review. 2013, no. 25 (1), pp. 69–80.

Информация об авторе

Пенцова Мария Михайловна — старший преподаватель кафедры английской филологии Института иностранных языков Московского городского университета.

Information about the author

Pentsova, Maria — senior teacher of English philology department, Institute of Foreign Languages, Moscow City University.

Статья поступила в редакцию 20.04.2023;
одобрена после рецензирования 24.04.2023;
принята к публикации 24.04.2023.

Submitted 20.04.2023;
approved after reviewing 24.04.2023;
accepted for publication 24.04.2023.

РАЗДЕЛ II

РОЛЬ ПАРАВЕРБАЛЬНЫХ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ КАК СМЫСЛОВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ОБЩЕНИЯ

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 2 (65). С. 34–39.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;2(65):34–39.

Научная статья
УДК 81’42 +81’255.4+378
DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.005

Интонация художественного текста и способы ее выражения

Елена Леонидовна Марьяновская
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия
e.maryanovskaya@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Интонация художественного текста формируется, прежде всего, за счет выразительности синтаксиса и пауз, играющих зачастую смыслообразующую роль в пространстве текста. В статье на примере фрагментов художественных произведений автор рассматривает феномен интонации и образующей ее паузы, которая не только поддерживает ритм, но и обеспечивает единство формы и содержания, а значит, и реализацию поэтической функции. Декодирование имплицитного смысла формальных и содержательных пауз принципиально важно для переводчика, так как позволяет подобрать способы их выражения на языке перевода.

Ключевые слова: интонация, пауза (паузация), выразительность синтаксиса, фасцинация, формосодержание.

Для цитирования: Марьяновская Е. Л. Интонация художественного текста и способы ее выражения // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 2 (65). С. 34–39. DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.005.

Original article

The intonation of prose and ways of expressing it

Elena L. Maryanovskaya
Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Ryazan, Russia
e.maryanovskaya@365.rsu.edu.ru

Abstract. The intonation of prose is realized first and foremost due to the expressiveness of syntax and pausation, which acquires a semantic function in a literary text. The article focuses on the phenomenon of intonation and pausation as an inseparable component of it, responsible for creating rhythm and form-content fusion. With this in view, the author of the article analyses several examples to show the realization of the poetic function via a pause in the text. Exploring the implied meaning of the formal and semantic pauses is of paramount importance for a translator, because it facilitates the search for adequate equivalents in the target language.

Keywords: intonation, pause (pausation), expressiveness of syntax, fascination, form-content fusion.

For citation: Maryanovskaya E. L. The intonation of prose and ways of expressing it. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 2(65):34–39. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.005.

Трактуя в своих работах понятие предпереводческого анализа и кумулятивного аналитико-синтетического подхода к исследованию художественного текста, мы объясняем синтаксис текста как явление не только грамматическое, но и риторическое, а также культурное, которое можно характеризовать как глубинный семантический синтаксис — синтаксис, создающий значение не только по структуре, но и по смыслу. Кроме того, в предыдущих статьях мы рассматривали природу эмотивного синтаксиса, который формируется за счет так называемых синтаксических «нарушений», существенно влияющих

© Марьяновская Е. Л., 2023

на линейность прозы, но при этом усиливающих ее выразительность и позволяющих реализовывать поэтическую функцию текста. Вслед за Я. М. Колкером и Е. С. Устиновой мы полагаем, что именно она главенствует над остальными функциями текста и «обеспечивает единство формосодержания, ибо отвечает за обоснованность появления знака и его роль в дискурсивном пространстве текста» [Колкер, Устинова, 2021, с. 47].

В данной статье речь пойдет еще об одном феномене, создающем «дыхание» прозы и неразрывно связанным с выразительностью синтаксиса, а именно об интонации художественного текста. Ее изучение поможет понять «не только углубленный смысл художественного произведения, но и почувствовать дыхание писателя или поэта… Это приведет к сопереживанию пишущего и читающего, к тому "соавторству", о котором давно пишут и говорят…» [Иванова-Лукьянова, 2009, с. 78].

Безусловно, когда речь заходит об интонации письменного текста, то подразумевается прежде всего порядок следования элементов предложения и пунктуационные знаки. При этом не вызывает сомнений тот факт, что последние могут считаться своеобразной семиотической системой, дополняющей емкость текста на синтаксическом уровне и непосредственно участвующей в создании эмотивного пространства текста. Н. С. Валгина отмечает: «Знаки не только членят текст, но и сами несут смысловую, эмоциональную, модальную информацию» [Валгина, 1996, с. 42].

О смыслопорождающей роли пунктуационных знаков пишет в работе «Интерпретация текста» и В. А. Кухаренко, подчеркивая, что за каждым знаком препинания закрепилась способность актуализироваться, добавлять данному отрезку текста дополнительный семантический смысл [Кухаренко, 1988, с. 63–67].

Нам же представляется важным рассмотреть феномен интонации художественного текста через призму паузы как смыслообразующего компонента выразительности синтаксиса, поскольку именно пауза, создаваемая тем или иным знаком препинания или порядком следования элементов предложения несет дополнительный смыл и поддерживает ритм повествования (а ритм — это неотъемлемый компонент интонации), а от глубины и длины пауз зависит внутренняя мыслительная активность читателя-переводчика. Именно пауза обеспечивает каждое новое продвижение текста, так как во время паузы начинается тот самый диалог между автором и читателем, о котором пишет М. М. Бахтин. Именно паузы стимулируют читателя-переводчика задавать вопросы и выдвигать гипотезы, заполняя их содержательной информацией и проникая в замысел автора. Наконец, если обратиться к теории фасцинации Ю. В. Кнорозова, то именно ритм, а точнее его перебои за счет пауз, — это сильнейший фасцинативный фактор, позволяющий количеству информации перейти в семантически значимое качество [Кнорозов, 1973, с. 324–334].

Наиболее очевидной роль паузы становится в дискурсивном пространстве, создаваемом писателями-модернистами, которые рассчитывают на активное «сотворчество» с читателем. Так, например, Дж. Джойс в известном отрывке из первой главы романа «Улисс» намеренно чередует физическую активность воды, за которой наблюдает главный герой, и его мыслительную активность как реакцию на это. Паузы различной длины, не только графические (пунктуационные), но и содержательные, стимулируют процесс выдвижения и верификации гипотез, на который и рассчитывает писатель: "In long lassoes from the Cock Lake the water flowed full, covering greengoldenly lagoons of sand, rising, flowing. My ashplant will float away. I shall wait. No, they will pass on, passing chafing against the low rocks, swirling, passing" [Joyce, 2000, p. 62].

Прежде всего, резкий перепад длин предложений организует так называемый «пуант» — ритмо-интонационный сбой, вызванный соседством длинного предложения с очень короткими. При этом паузация несет огромный имплицитный смысл, обеспечивая глубину создаваемого образа на синтаксическом и семантическом уровнях и выполняя фасцинативную функцию, стимулирующую мыслительную активность. В первом предложение приведенного нами отрывка обособленное определение находится в постпозиции, что сразу же создает первую паузу, придающую предложению особую интонацию: сначала восходящую, затем ровную, снова восходящую и нисходящую (covering, rising, flowing). Дополненная аллитерацией [l, n, f], интонация этого предложения приобретает особую музыкальность и эмоциональность. Переход от первого предложения ко второму сопровождается более длинной паузой, чем внутри первого предложения. Это объясняется тем, что происходит смена фокуса повествования: объективный наблюдатель уступает место герою, который следит за физической активностью воды. Кроме того, смена фокуса знаменует и переход от внешнего плана, в котором все эксплицитно, к внутреннему, заключенному в сознании героя. Для того чтобы заполнить паузу и восстановить пропущенный компонент смысла, читатель-переводчик должен «вскрыть» подтекст, восстановив мыслительную активность человека, стоящего на обрыве над озером и наблюдающего за движением воды. Опираясь на общечеловеческий

опыт, несложно предположить, что в такой ситуации естественное желание человека — бросить что-нибудь вниз. «Поскольку вода находится в постоянном движении, логично предположить, что этот предмет сразу унесет потоком. Поэтому второе предложение отрывка представляет именно эту мысль героя: My ashplant will float away» [Марьяновская, 2011, с. 29].

Легкую трость из ясеня быстро унесет водой. Поэтому следующее короткое предложение — не просто дальнейшее продолжение ассоциативного подтекста, а содержательная пауза: “I shall wait”. Когда стоишь на краю, нужно какое-то время не смотреть вниз, подождать, чтобы не закружилась голова. Отметим, что и здесь действует теория фасцинации Ю. В. Кнорозова: «Некоторые раздражители, особенно ритмически повторяющиеся, приводят к некоторому затормаживанию анализатора. Такое воздействие (фасцинация) широко используется для усыпления и приведения адресата в состояние гипнотического сна» [Кнорозов, 1973, с. 330]. Гипнотическое, завораживающие свойство воды основано именно на этом. Но герой не собирается прыгать, поэтому ему нужно подождать, сделать паузу, не смотреть вниз.

Третье предложение, снова отделенное длинной паузой, предполагает восстановление имплицитного вопроса «А что если… ?», и именно на него дается ответ в начале: “No…”. После этого Дж. Джойс снова делает паузу, ставя запятую, но, поскольку она разделяет внутреннюю речь героя и внешний план, физическую активность воды, глубина ее усиливается. Отметим, что синтаксически предложение после запятой идентично первому предложению выбранного отрывка: простое распространенное с причастным оборотом и обособленным определением в постпозиции. Такая симметрия позволяет писателю воссоздать движение волн, бьющихся о скалы. Тот факт, что местоимение “they” замещает именно существительное “waves”, не вызывает сомнений, а естественное движение волн именно такое: большая, поменьше, маленькая, затем снова большая. Именно этот образ создается за счет паузации, обеспечивающей выразительность синтаксиса, передающего не просто «дыхание» прозы, а дыхание воды.

В следующем примере, в первом предложении рассказа К. Мэнсфилд «Блаженство» (*Bliss*), за счет паузации создается эффект человеческого дыхания.

ALTHOUGH Bertha Young was thirty she still had moments like this when she wanted to run instead of walk, to take dancing steps on and off the pavement, to bowl a hoop, to throw something up in the air and catch it again, or to stand still and laugh at — nothing — at nothing, simply [Mansfiled, 1998, p. 67].	Берте Янг было уже тридцать, но иногда совершенно неожиданно она не могла ходить степенно, ей нужно было бежать, танцевать вдоль тротуара, катать обруч, подбрасывать что-нибудь высоко-высоко, ну а потом ловить, или вдруг остановиться и рассмеяться — просто так — безо всякой причины, просто так. (пер. наш. — *Е. М.*)

Именно за счет паузы К. Мэнсфилд предлагает едва уловимое наблюдение за внутренними порывами героини, которые совсем не соответствуют факту ее возраста. Писательница перечисляет порывы героини от наиболее взрослых к практически детским и подводит читателя к формальной и содержательной кульминации. Паузы, которые окружают эту кульминацию, — это паузы, необходимые человеку, чтобы перевести дыхание после бега, танца, катания обруча, остановки и смеха. Практически самые длинные паузы, переданные на письме за счет тире, с одной стороны, усиливают эмоциональный посыл предложения, а с другой стороны, актуализируют местоимение “nothing”, которое само становится и содержательной паузой, и ответом на имплицитный вопрос «над чем же смеяться». Тире в подобных случаях называют «усиленной запятой» [Кудряшева, 2014, с. 911], которое в данном случае подхватывается заключительной паузой-выдохом перед наречием “simply”. Эта пауза также необходима и на физиологическом, и на семантическом уровне, чтобы «оправдать» отсутствие причины такого легкомысленного, несоответствующего возрасту поведения. Получается, что в данном примере К. Мэнсфилд графически за счет пауз разной длины воссоздает внутреннюю речь героини и имитирует неровный ритм прерывистого дыхания запыхавшегося человека. Так, ритм, а точнее пауза, из формального компонента организации рассказа переходит в смысловой, то есть приобретает и содержание, обеспечивая единство «формосодержания». Тем самым фасцинация, являющаяся неотъемлемым признаком внутренней речи, «не только инициирует внутреннюю речь, но и поддерживает ее существование. Вплоть до того, что не позволяет от нее отвлечься» [Мусхелишвили, Шрейдер, 1997, с. 3].

В рассказах У. Сарояна пауза разной длины играет не менее важную смыслообразующую роль. Так, например, в конце рассказе «Война и мир» (*War and Peace*) писатель намеренно замедляет повествование за счет удлинения пауз, ставя вместо естественных запятых точки:

“Do you feel bad?” she said. “Not bad” he said. Absurd. Ridiculous. Pathetic. Stuff like that [Saroyan, 2002, p. 138].	— Тебе плохо? — спросила она [мать]. — Да нет, — ответил он. Нелепо. Смешно. Жалко. Что-то вроде того… (пер. наш. — *Е. М.*)

Такой рубленный синтаксис делает эти паузы настолько глубокими, что читатель может почувствовать всю бездну смысла, а точнее, наоборот, бессмысленности существования, как его видел герой рассказа Сэмми, сомневающийся, «задавленный» чувством собственной неполноценности и постоянным желанием убежать от этого мира, и поэтому неслучайно снова и снова ищущий утешение у Л. Н. Толстого, на этот раз — в романе «Война и мир».

В рассказе Р. Брэдбери «Время уходить» (*The Time of Going Away*) паузы становятся почти бесконечными за счет того, что появляются там, где должна быть просто точка в конце предложения, но писатель каждый раз начинает новый абзац:

She went to the door and waited for a knock. None came. She waited a full minute. Outside on the porch a great bulk stirred and shifted from side to side uneasily. Finally she sighed and called sharply at the door. “Will, is that you breathing out there?” No answer. Only a kind of sheepish silence behind the door. She snatched the door wide [Bradbury].	Она подошла к двери и стала ждать стука. Но никто не постучал. Она прождала целую минуту. За дверью на крыльце послышался шум, как будто кто-то грузный неловко переминался с ноги на ногу. В конце концов, она вздохнула и резко спросила: — Уилл, это ты там дышишь? Ответа не последовало. Только робкое молчание. Она широко распахнула дверь. (пер. наш. — *Е. М.*)

Так растягивается время, когда очень ждешь, ждешь, а ожидание тянется и тянется бесконечно, хотя потом понимаешь, что оно заняло всего несколько часов, а самыми мучительными были последние тридцать минут. Р. Брэдбери, будучи тонким психологом, опускает из канвы повествования практически весь период ожидания, но очень подробно и скрупулезно выписывает эти полчаса, практически останавливая темп повествования. Только так, заполняя эти глубокие паузы, читатель сможет почувствовать вместе с главной героиней все бремя напряжения, смятения, волнения, всю палитру ее переживаний.

В рассказе Э. Хемингуэя «Столица мира» (*The Capital of the World*) роль паузы совершенно иная, но также выполняющая фасцинативную функцию. Матадор, вспоминая один из боев, как бы на одном дыхании, интонационно, практически ровно нанизывает одну за другой детали, встающие в памяти, и Хемингуэй намеренно убирает паузу там, где она логически должна была бы находиться, и шок от случившегося наступает с буквально секундной задержкой, но он тем сильнее и тем более приближен к реальному и у героя, и у читателя: только спустя мгновение через болевой шок матадор понимает, что бык поднял его на рога:

He could remember the weight of the heavy gold-brocaded fighting jacket on his shoulders on that hot afternoon in May… and how the sword pushed in as easy as into a mound of stiff butter with the palm of his hand pushing the pommel, his left arm crossed low, *his left shoulder forward, his weight on his left leg, and then his weight wasn’t on his leg.* His weight was on his lower belly and as the bull raised his head the horn was out of sight in him and he swung over on it twice before they pulled him off it [Hemingway, 1987, p. 41].	Он помнил тяжесть расшитой куртки матадора в тот знойный майский день... и как шпага вошла, легко, словно в застывшее масло, а он стоял, нажимая ладонью на рукоять, левая рука за спиной наперекрест, левое плечо вперед, *тяжесть тела на левой ноге, — и вдруг нога перестала чувствовать тяжесть тела.* Вся тяжесть была теперь внизу живота, и когда бык поднял голову, одного рога не было видно, рог был весь в нем, и он два раза качнулся в воздухе, прежде чем его сняли. (пер. наш. — *Е. М.*)

В рабочем варианте перевода напрашивается тире, которое в русском языке настолько усиливает эмфазу, выполняет в полной мере ту самую фасцинативную функцию, что за счет резкого выделения

следующей синтагмы воссоздает тот же эффект секундного шока, замешательства, а потом развязки, что и в оригинале.

Итак, синтаксис порождает ритм, а интонация художественного текста, в виде пауз различной длины, выступает в роли актуализаторов различных смысловых центров, интенсифицируя в них определенные эмоциональные состояния. Таким образом, происходит приращение смысла, «увеличение информации» за счет ее «самовозрастания» (термины Ю. М. Лотмана), обеспечивающее единство «формосодержания» и реализацию поэтической функции текста.

Список источников

1. Валгина Н. С. Русская пунктуация; эмоциональность, модальность. — М. : МГУ, 1996. — 200 с.
2. Иванова-Лукьянова Г. Н. Художественный текст как искусство. — М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2009. — 144 с.
3. Кнорозов Ю. В. К вопросу о классификации сигнализации // Основные проблемы африканистики. — М. : Наука, 1973. — С. 324—334.
4. Колкер Я. М., Устинова Е. С. О неявных проявлениях поэтической функции: переводческий взгляд // Слово.Ру: Балтийский акцент. — 2021. — Т. 12, № 3. — С. 34–53.
5. Кудряшева Ф. С. Экспрессивная пунктуация в художественном тексте // Вестник Башкирского университета. — 2014. — Т. 19, № 3. — С. 909–914.
6. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. — М. : Просвещение, 1988. — 192 с.
7. Марьяновская Е. Л. Аналитико-синтетический подход к исследованию дискурса, характерного для писателя-модерниста // Иностранные языки в высшей школе. — 2011. — Вып. 2 (17). — С. 27–34.
8. Мусхелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Автокоммуникация как необходимый компонент коммуникации // Научно-техническая информация. — 1997. — № 5. — С. 1–10.
9. Сароян Уильям. Избранные рассказы : сб. — М. : Радуга, 2002. — 368 с.
10. Bradbury Ray. A Medicine for Melancholy And Other Stories. — URL : https://www.rulit.me/books/a-medicine-for-melancholy-and-other-stories-read-388715-22.html (дата обращения: 29.05.2023).
11. Joyce James. Ulysses. — London : Penguin Classics, 2000. — 947 p.
12. Mansfield Katherine. Bliss and Other Stories. — Hertfordshire : Wordsworth Classics, 1998. — 157 p.
13. The Complete Short Stories of Ernest Hemingway. — New York : Scribner, 1987. — 535 p.

References

1. Valgina N. S. *Russkaya punktuatsiya; emotsional'nost', modal'nost'* [Russian Punctuation; Emotionality, Modality]. Moscow, MGU Publ., 1996, 200 p. (In Russian).
2. Ivanova-Lukyanova G. N. *Khudozhestvennyi Tekst kak Iskusstvo* [A Literary Text as Art]. Moscow, MSLU “Rema” Publ., 2009, 144 p. (In Russian).
3. Knorozov Yu. V. On the Classification of Signaling. *Osnovnye Problemy Afrikanistiki* [Main Issues of African Studies]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 324–334. (In Russian).
4. Kolker Ya. M., Ustinova E. S. On the Less Obvious Manifestations of the Poetic Function: A Translator’s View. *Slovo.ru: Baltyskiy akcent* [Slovo.ru: Baltic accent]. 2021, vol. 12, no. 3, pp. 34–53. (In Russian).
5. Kudryasheva F. S. Expressive Punctuation In Literary Text. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University]. 2014, vol. 19, no. 3, pp. 909–914. (In Russian).
6. Kukharenko V. A. *Interpretatsiya teksta* [Text Interpretation]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1988, 192 p. (In Russian).
7. Maryanovskaya E. L. Analysis of Discourse Typical of a Modernist Writer: an Analytical-Synthetic Approach. *Inostrannyie yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2011, iss. 2 (17), pp. 27–34. (In Russian).
8. Mushelishvili N. L., Shreider Yu. A. Autocommunication as an Inseparable Part of Communication. *Naushno-Technicheskaya Informatsia* [Science-Technical Information]. 1997, no. 5, pp. 1–10. (In Russian).
9. Saroyan William. *Selected Short Stories*. Moscow, Raduga Publ., 2002, 368 p.
10. Bradbury Ray. *A Medicine for Melancholy And Other Stories*. Available at: https://www.rulit.me/books/a-medicine-for-melancholy-and-other-stories-read-388715-22.html (accessed 29.05.2023).
11. Joyce James. *Ulysses*. London, Penguin Classics, 2000, 947 p.
12. Mansfield Katherine. *Bliss and Other Stories*. Hertfordshire, Wordsworth Classics, 1998, 157 p.
13. *The Complete Short Stories of Ernest Hemingway*. New York, Scribner, 1987, 535 p.

Информация об авторе

Марьяновская Елена Леонидовна — кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации, директор института иностранных языков, директор научно-образовательного подразделения «Институт Конфуция» Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Information about the author

Maryanovskaya, Elena — candidate of pedagogic sciences, associate professor, director of the Institute of Foreign Languages, head of the department of Linguistics and Intercultural Communication, director of Confucius Institute at Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023;
одобрена после рецензирования 12.05.2023;
принята к публикации 15.05.2023.

Submitted 05.05.2023;
approved after reviewing 12.05.2023;
accepted for publication 15.05.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 2 (65). С. 40–46.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;2(65):40–46.

Научная статья
УДК 81-114.2
DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.006

Жанровая обусловленность жестового поведения в комедийном постановочном дискурсе [*]

Анастасия Алексеевна Ржешевская
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
arlen_nastya@rambler.ru

Аннотация. В статье приводится контрастивный анализ активности жестикуляции в устном драматургическом дискурсе на примере телеспектаклей-постановок комедийного и некомедийного жанров на основе пьес современных российских драматургов. Теоретическая новизна исследования состоит в сопоставлении частотности жестовых проявлений, сопровождающих реплики актеров-персонажей в телеспектаклях двух видов жанров для определения роли жестов в создании (не)комедийной тональности спектакля. Установлено, что большую жестовую интенсивность демонстрируют актеры-персонажи в телеспектаклях комедийного жанра.

Ключевые слова: драматургический дискурс, нарративный дискурс, аргументативный дискурс, инструктивный дискурс, экспозитивный дискурс, дескриптивный дискурс, жесты, параметрическое аннотирование.

Для цитирования: Ржешевская А. А. Жанровая обусловленность жестового поведения в комедийном постановочном дискурсе // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 2 (65). С. 40–46. DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.006.

Original article

Genre predetermined gesture behaviour in comedy staged discourse

Anastasia A. Rzheshevskaya
Moscow state linguistic university, Moscow, Russia
arlen_nastya@rambler.ru

Abstract. The article manifests gesture activity data in oral drama discourse based on the examples of oral comedy and non-comedy genres taken from the staged screen versions of contemporary Russian playwrights' works. Theoretical novelty in the carried-out research comprises the activity of co-speech gestures in the two genres to determine the role of gestural behaviour in creating (non)comic effect of the staged play. The research proves higher gestural intensity demonstrated by actors in the plays of the comedy genre.

Keywords: drama discourse, narrative discourse, argumentative discourse, instructive discourse, explanatory discourse, descriptive discourse, gestures, parametric annotation.

For citation: Rzheshevskaya A. A. Genre predetermined gesture behaviour in comedy staged discourse. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 2(65):40–46. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.006.

В устном постановочном дискурсе жестам отведена особая роль, поскольку именно в речевых моделях, определяемых в качестве многоуровневых семиотических систем, с одной стороны, находят воплощение структурные законы языка, с другой — проявляются семиотические признаки [Лотман, 1992]. Семиотической природе жеста как структурному компоненту устного дискурса посвящен целый ряд исследований, которые определяют не только сценарии коммуникативных ситуаций, но и особые корреляции между речью и жестом, раскрывающими отношение к событию, объекту или участнику коммуникативного события [McNeil, 1992], взаимосвязь типа дискурса и сопровождающими жестами в театральном дискурсе [Логинова, Ржешевская, 2021 ; McConahie, Hart, 2011 ; Parril, 2012], а также

[*] Исследование выполнено в Московском государственном лингвистическом университете в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Полимодальный анализ коммуникативного поведения говорящего в разных типах устного дискурса», № АААА-А20-120071690041-3.

© Ржешевская А. А., 2023

в других видах устного дискурса [Киосе, 2021 ; Прокофьева, 2022 ; Cienki, Iriskhanova, 2018 ; Iriskhanova, Kiose, Leonteva, Agafonova, 2022].

Настоящее исследование устанавливает как дискурсивные, так и жестовые количественные и качественные характеристики устного драматургического дискурса в двух жанровых видах — комедийном и некомедийном — в экранизированных постановках спектаклей по пьесам российских авторов второй половины XX века.

Материалом исследования послужили отрывки из десяти телеспектаклей, представляющих собой разновидность устного драматургического дискурса, в частности комедии «Часы с кукушкой» (Л. Филатов), «Пена» (С. Михалков), «Таблетку под язык» (А. Макаёнок), «Миллион за улыбку» (А. Софронов), «Старомодная комедия» (А. Арбузов), и экранизированные версии пьес некомедийного жанра: «Гнездо глухаря» (В. Розов), «Пощечина» (С. Михалков), «Ретро» (А. Галин), «Смотрите, кто пришел!» (В. Арро), «Перед ужином» (В. Розов). Единицей анализа служит предложение в рамках высказывания актера-персонажа.

Указанные фрагменты телеспектаклей были проаннотированы по дискурсивным и жестовым параметрам, что позволяет установить тип дискурса в той или иной единице анализа, а также тип сопровождающего данное высказывание жеста. К дискурсивным параметрам относятся: дескриптивный тип дискурса, представляющий описание какого-либо события или объекта; нарративный тип дискурса, несущий определенную информацию о событии, субъекте или объекте высказывания; инструктивный тип дискурса, устанавливающий временные координаты события или указывающий на какие-либо действия; экспозитивный тип дискурса, раскрывающий более подробную информацию о событии или коммуниканте; аргументативный тип дискурса, отражающий персонализированную позицию участника коммуникативного события [Кибрик, 2009]. Жестовые параметры включают в себя репрезентирующие жесты, прагматические жесты, жесты-биты, жесты-адаптеры, дейктические жесты [Cienki, 2005 ; Müller, 2014].

Данные параметрической активности были обработаны с помощью статистической программы *HETEROSTAT* [Киосе, Ефремов, 2020]. Параметрическая интенсивность указывает на степень выраженности дискурсивных и жестовых параметров в комедийном и некомедийном жанрах устного драматургического дискурса и позволяет установить различия между названными жанрами. Так, наибольшая активность дискурсивных параметров наблюдается в комедийном жанре в таких типах дискурса, как аргументативный и дескриптивный. С незначительным преобладанием обнаруживается большая степень выраженности экспозитивного и инструктивного типов дискурса также в произведениях комедийного жанра, в то время как нарративный дискурс оказывается более характерным для произведений некомедийного жанра (рис. 1).

Рассмотрим в качестве примеров высказывания актеров-персонажей, относящиеся к дескриптивному дискурсу, в частности высказывание, содержащее морально-этическую характеристику молодого поколения: *«Они теперь такие, они же наглые, ничего не стесняются»* (некомедийный телеспектакль «Перед ужином»), реплики, описывающие внешний вид участника: *«Здоровый такой!»* и отражающие свойство субъекта: «*Как Бриджит Бардо!*» (некомедийное произведение «Пощечина»).

Примерами высказываний нарративного типа дискурса становятся реплики, сообщающие о каком-либо событии: *«В этом году семь таких школ закрывают в маленьких деревнях, как наша. Да, у меня в третьем классе пять человек, во втором классе трое, а в первом — двое, близнецы»* (комедийный телеспектакль «Таблетку под язык»). Нарративная реплика также имеет свойство передачи информации: *«Она говорила, она совершенно недвусмысленно предупреждала. Разговор был зимой, но я его прекрасно помню»* (некомедийный спектакль «Смотрите, кто пришел!»).

К инструктивному дискурсу следует отнести высказывания, содержащие императивные конструкции: *«Извини за позднее время! Разреши побеспокоить! Сейчас расскажу. Дай отдышаться»* (комедийный телеспектакль «Пена»), а также реплику, задающую пространственно-временные координаты места события: *«В понедельник в клинике в 9 утра»* (некомедийный телеспектакль «Пощечина»).

Экспозитивный дискурс представлен уточняющими и поясняющими вопросительными и утвердительными высказываниями. Например, вопросы, уточняющие условия события — визита гостя: *«Ты чего задохнулся-то? Что, у нас лифт не работает?»* (комедия «Пена»), место назначения: *«И тоже в город?»* (комедийный телеспектакль «Таблетку под язык»), или пояснения времени события в реплике *«Я кормлю чаек, кормлю ежедневно, сразу после завтрака»* (комедийный телеспектакль «Старомодная комедия»).

Аргументативный дискурс демонстрирует реплика, отражающая индивидуальный опыт персонажа и квантор общности: *«Вообще, я все делаю самостоятельно»* («Старомодная комедия»); высказывания персонажа, представляющие систематизацию и связность эмоционального высказывания:

«Я давно ей хотел стекло высадить, да все не долетало, а сейчас прямо до пятого, какой удар!» (телеспектакль «Перед ужином»), а также отражающие устоявшееся отношение к процессу воспитания: *«Ну, мы, родители, сами понимаете, хотим, как лучше обеспечить, как понадежнее, сколько бы ни стоило! На родное дитя ничего не пожалеешь!»* (некомедийный телеспектакль «Пощечина»).

Жестовое разнообразие в двух названных видах жанра проявляется в комедийном жанре в присутствии прагматических эмфатических жестов, значительном преобладании прагматических жестов, структурирующих дискурс (перечисление, сопоставление), дейктических указательных жестов, жестов-битов и самоадаптеров. Прагматические контактоустанавливающие жесты становятся наиболее частотными для некомедийного жанра. Показатели прагматических жестов, выражающих отношение к событию или объекту коммуникативной ситуации, репрезентирующие жесты придания формы или объема, манипулятивные жесты или действия с какими-либо предметами, предметные адаптеры имеют схожие данные в комедийном и некомедийном жанрах (рис. 2).

Обратимся к примерам, демонстрирующим жестовое поведение актеров-персонажей в комедийном и некомедийном спектаклях. Одним из примеров прагматического эмфатического жеста является высказывание *«Какое там сердце! Прям не знаю, с чего начать!»*, сопровождаемое активной жестикуляцией, отражающей высокую степень эмоциональной напряженности актера-персонажа, и дополненное жестами-битами (произведение «Пена») (рис. 3). Прагматический контактоустанавливающий жест усматривается в диалоге между актерами-персонажами, исполняющими роли отца и дочери. Дочь, объясняя свою позицию *(«Ты пойми, ведь я же тебя забрала, потому что ты… потому что за тобой уже смотреть нужно»)*, подходит к отцу и, продолжая говорить *(«Ты плохо спишь и ты все время разговариваешь вслух»)*, прикасается и приобнимает отца, проявляя таким образом заботу и создавая доверительную атмосферу для беседы, которая следует далее (рис. 4).

Для выявления не только количественных отличий употребления жестов в комедийном и некомедийном жанрах, но и более детального установления разновидности жеста и типа дискурса были определены численные показатели жестов во всех типах дискурса, что позволяет идентифицировать относительные данные параметрической активности жестов в том или ином типе дискурса (рис. 5).

Рассмотрим показатели совместной активности жестовых параметров с каждым типом дискурса. В частности, доля репрезентирующих жестов в аргументативном типе дискурса в отрывках из некомедийных жанров составляет 21 %, в то время как в отрывках комедийного жанра — 13 %. Доля прагматических жестов в высказываниях аргументативного типа некомедийного жанра составляет 40 %, в комедийном — 46 %. Доля дейктических жестов в аргументативном типе некомедийного жанра равна 15 %, в комедийном — 19 %. Жесты-биты занимают 13 % от общего количества реплик аргументативного характера некомедийного жанра и 14,5 % — комедийного. Адаптеры составляют 10 % аргументативных высказываний в некомедийных произведениях и 6 % – в комедийных.

В дескриптивном типе дискурса комедийного жанра наибольшую часть занимают прагматические жесты — 47,5 %, жесты-биты составляют 21 %, дейктические жесты — 14 %, доля репрезентирующих жестов равна 10 %, адаптеров — 7,5 %. В дескриптивном типе дискурса некомедийного жанра доля прагматических жестов насчитывает 35 %, репрезентирующие жесты занимают 26 %, дейктические — 15 %, жесты-биты — 11,5 %, адаптеры — 19 %.

В нарративном типе дискурса в высказываниях из произведений комедийного жанра наиболее частотными являются прагматические жесты — 42 %, дейктические жесты и биты занимают 19 % и 18 % соответственно, доля репрезентирующих жестов составляет 12 %, адаптеров — 9 %. В некомедийном жанре в репликах нарративного типа доля прагматических жестов составляет 34 %, репрезентирующих — 31 %, дейктических — 17 %, адаптеров — 11 %, битов — 7 %.

Инструктивный тип дискурса в комедийном жанре имеет преимущество в прагматических жестах — 40 %, жесты-биты насчитывают 17 %, доля репрезентирующих жестов равна 16 %, дейктические жесты набирают 15 %, адаптеры — 12 %. В некомедийном жанре прагматические жесты занимают 39 %, доля репрезентирующих жестов равна 23,5 %, дейктических — 16 %, жестов-битов и адаптеров — по 10,5 %.

Высказывания экспозитивного характера в комедийном жанре чаще всего сопровождались прагматическими жестами — 42 %, реже – репрезентирующими жестами, их доля насчитывает 18 %, дейктические жесты занимают 17 %, жесты-биты — 15 %, адаптеры — 7 %. В некомедийном жанре, наоборот, экспозитивный дискурс чаще сопровождается репрезентирующими жестами (27 %), несколько реже – прагматическими жестами (23 %), адаптерами (21 %), дейктическими (19 %), битами (10 %).

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о сходствах и различиях дискурсивных и жестовых характеристик отобранных фрагментов из комедийных и некомедийных телеспектаклей.

Наблюдается преимущество прагматических жестов, свойственное постановочному дискурсу в целом и театральному в частности. Значительные отличия отмечаются в сопровождении реплик актеров-персонажей комедийных и некомедийных телеспектаклей отдельными видами репрезентирующих и прагматических жестов. Например, в комедийном жанре установлено более частотное обращение актеров к таким репрезентирующим жестам, как придание формы или объема, а также манипулятивные действия с какими-либо предметами. В комедийном жанре также выделяется полное преобладание прагматических эмфатических жестов, более интенсивные жесты структурирования дискурса, выражения оценки или отношения к событию, дейктические жесты, адаптеры и жесты-биты. В экранизированных версиях произведений устного драматургического дискурса некомедийного жанра становятся более проявленными контактоустанавливающие жесты.

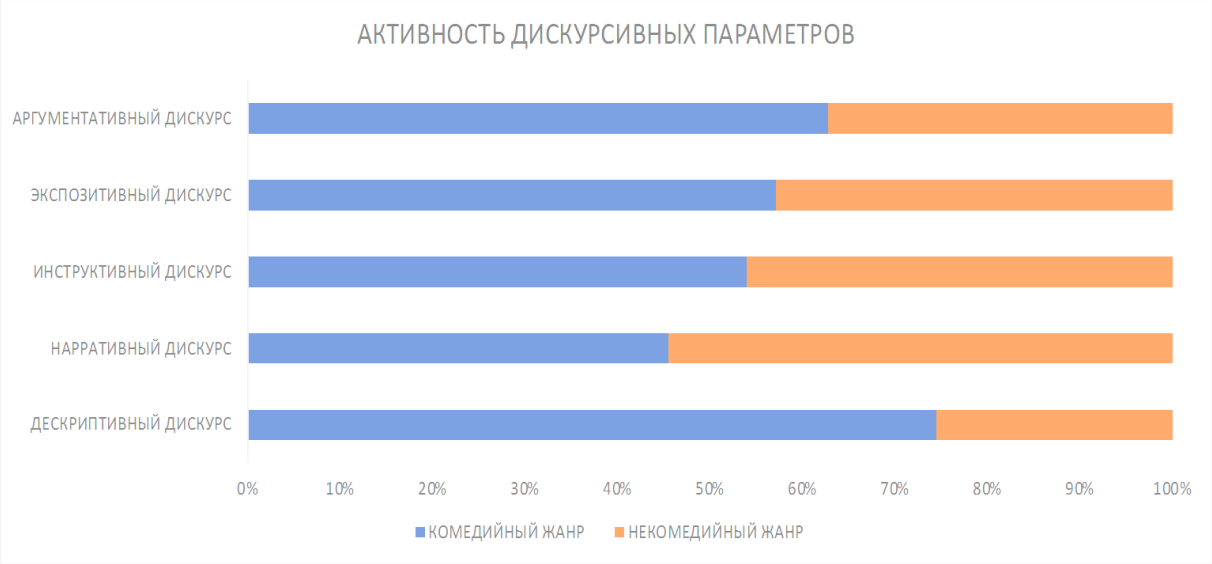

Рис. 1. Активность дискурсивных параметров в устном драматургическом дискурсе комедийного и некомедийного жанров

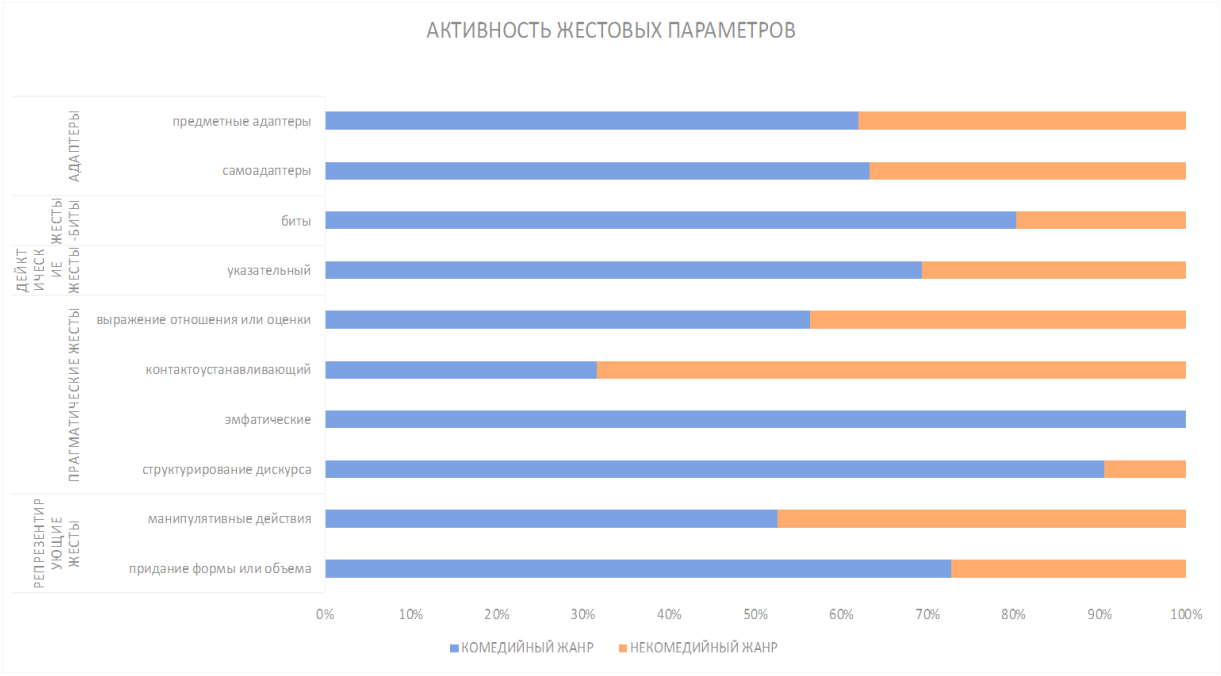

Рис. 2. Активность жестовых параметров в устном драматургическом дискурсе комедийного и некомедийного жанров

Рис. 3. Пример прагматического эмфатического жеста, сопровождающего реплику *«Какое там сердце! Прям не знаю, с чего начать!»* (телеспектакль «Пена»)

Рис. 4. Пример прагматического контактоустанавливающего жеста, сопровождающего реплику *«Ты плохо спишь…»* (телеспектакль «Ретро»)

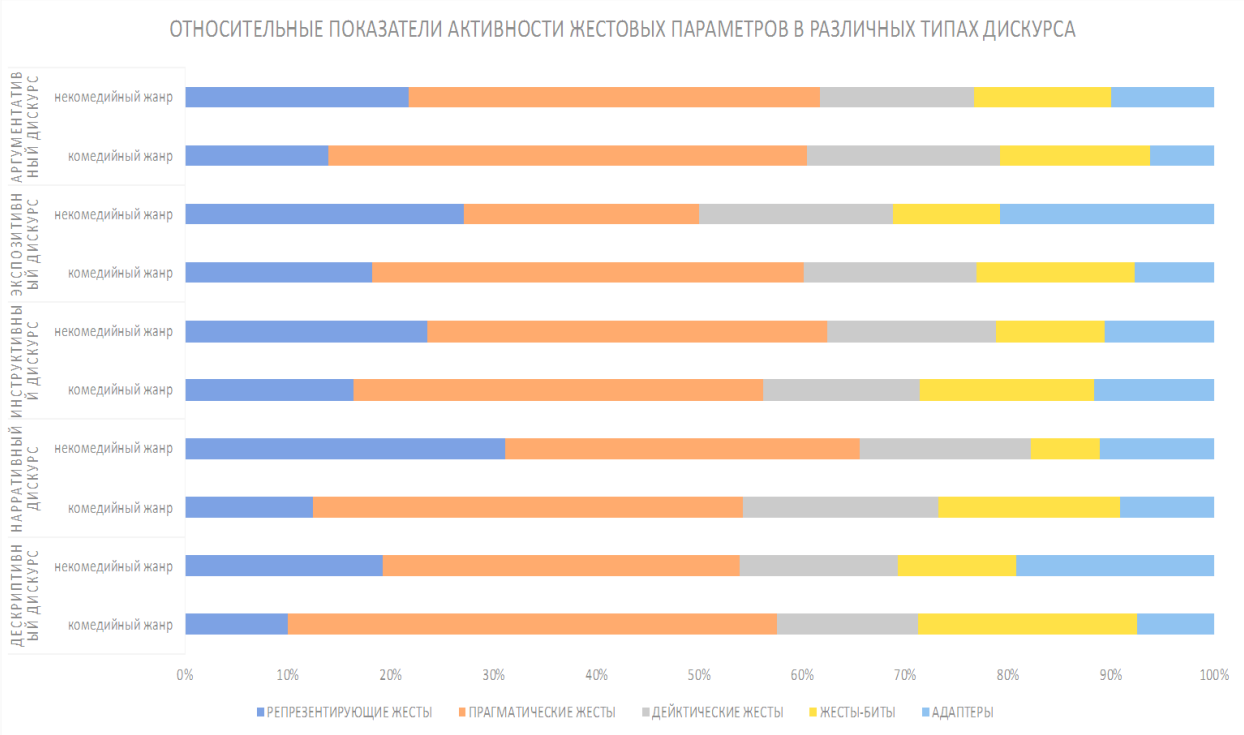

Рис. 5. Относительные данные активности жестовых параметров в аргументативном, нарративном, инструктивном, экспозитивном, дескриптивном типах дискурса в комедийном и некомедийном устном драматургическом дискурсе

Список источников

1. Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. — 2009. — № 2. — С. 3–21.

2. Киосе М. И. Оркестры речи и жеста в кинокадре. Аргументативный и описательный дискурсе // Когнитивные исследования языка. — 2021. — № 4 (47). — С. 255–270.

3. Программа HETEROSTAT комплексного расчета параметров дискурса : гос. номер регистрации : 2020661240 : дата регистрации 21.09.2020 : опубл. 21.09.2020 / Киосе М. И., Ефремов А. А.

4. Логинова Е. Г., Ржешевская А. А. Речь и жесты в дискурсе драмы. Полимодальные измерения дискурса. — М. : ЯСК, 2021. — С. 110—153.

5. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста. Статьи по семиотике и типологии культуры // Избранные статьи. — Таллинн : Александра, 1992. — Т. 1. — 479 с.

6. Прокофьева О. Н. Когнитивные и прагматические факторы совместного употребления вербальных и жестовых средств в описательном дискурсе : дис. … канд. филол. наук : 5.9.8. — М., 2022. — 247 с.

7. Cienki A. Image Schemas and gesture // From Perception to meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics / ed. by J. Grady. — Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2005. — Pp. 421–442.

8. Cienki A., Iriskhanova O. (eds.) Aspectuality across Languages: Event construal in speech and gesture. — Amsterdam : John Benjamins Publ. Comp., 2018. — 221 p.

9. Iriskhanova O., Kiose M., Leonteva A., Agafonova O. Staged and natural gesturing in argumentation and description. Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2022). Issue 21. Supplementary volume. — Moscow : RGGU, 2022. — Pp. 1055–1068.

10. McConahie B., Hart F. E. (eds.) Performance and Cognition: Theatre studies and the cognitive turn. — London ; New York : Routledge, 2011. — 256 p.

11. McNeil D. Hand and mind: What gestures reveal about thought. — Chicago : University of Chicago Press, 1992. — 423 p.

12. Müller C. Gestural Modes of Representation as Techniques of Depiction // Body — Language — Communication: An International Handbook on Mulimodality in Human Interaction. Vol. 2 / ed. C. Muller, A. Cienki, E. Fricke [et al.]. — Berlin : Mouton De Gruyter, 2014. — Pp. 1687–1702.

13. Parril F. Interactions between discourse status and viewpoint in co-speech gesture // Viewpoint in Language: A Multimodal Perspective / B. Dancygier, E. Sweetser (eds.). — Cambridge : Cambridge University Press, 2012. — Pp. 97–112.

References

1. Kibrik A. A. Mode, genre and other parameters of discourse classification. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language]. 2009, no. 2, pp. 3–21. (In Russian).

2. Kiose M. I. Orchestrations of speech and gesture in cinematic shots. Discourse of argumentation and description. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. 2021, vol. 4 (47), pp. 255–270. (In Russian).

3. *HETEROSTAT software*. Registration number 2020661240, registered in FIPI 21.09.2020, publ. 21.09.2020. M. I. Kiose, A. A. Efremov.

4. Loginova E. G., Rzheshevskaya A. A. Speech and gestures in drama discourse. *Polimodalnie izmerenia diskursa* [Polymodal changes in discourse]. Moscow, YSK Publ., 2021, pp. 110–153. (In Russian).

5. Lotman Y. M. (1992). Semiotics of culture and the concept of text. Articles on semitoca and typology of culture. *Izbrannie statii* [Selected articles.]. Tallinn, Aleksandra Publ., vol. 1, 479 p. (In Russian).

6. Prokofieva O. N. *Kognitivnie i pragmaticheskie factory sovmestnogo upotreblenia verbalnyh i zhestovyh sredstv v opisatelnom diskurse* [Cognitive and pragmatic factors of joint use of verbal and gesture means in descripitive discourse]. PhD thesis, 5.9.8. Moscow, 2022, 247 p. (In Russian).

7. Cienki A. Image Schemas and gesture. *From Perception to meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics*. Ed. by J. Grady. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2005, pp. 421–442.

8. Cienki A., Iriskhanova O. (eds.) *Aspectuality across Languages: Event construal in speech and gesture*. Amsterdam, John Benjamins Publ. Comp., 2018, 221 p.

9. Iriskhanova O., Kiose M., Leonteva A., Agafonova O. Staged and natural gesturing in argumentation and description. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue"* (2022). Iss. 21. Supplementary volume. Moscow, RGGU Publ., 2022, pp. 1055–1068.

10. McConahie B., Hart F. E. (eds.) *Performance and Cognition: Theatre studies and the cognitive turn.* London, New York, Routledge, 2011, 256 p.

11. McNeil D. *Hand and mind: What gestures reveal about thought.* Chicago, University of Chicago Press, 1992, 423 p.

12. Müller C. Gestural Modes of Representation as Techniques of Depiction. *Body — Language — Communication: An International Handbook on Mulimodality in Human Interaction*. Vol. 2. Ed. C. Muller, A. Cienki, E. Fricke [et al.]. Berlin, Mouton De Gruyter, 2014, pp. 1687–1702.

13. Parril F. Interactions between discourse status and viewpoint in co-speech gesture. *Viewpoint in Language: A Multimodal Perspective*. B. Dancygier, E. Sweetser (eds.). Cambridge, Cambridge University Press, 2012, pp. 97–112.

Информация об авторе

Ржешевская Анастасия Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и перевода института международных образовательных программ Московского государственного лингвистического университета.

Information about the author

Rzheshevskaya, Anastasia — candidate of philology, assistant professor at the department of foreign languages and translation, the Institute of international educational programmes, Moscow state linguistic university.

Статья поступила в редакцию 28.04.2023;
одобрена после рецензирования 10.05.2023;
принята к публикации 12.05.2023.

Submitted 28.04.2023;
approved after receiving 10.05.2023;
accepted for publication 12.05.2023.

РАЗДЕЛ III

АНАЛИЗ И ПЕРЕВОД ПОЭЗИИ

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 2 (65). С. 47–53.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;2(65):47–53.

Научная статья
УДК 81’42+ 81’25
DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.007

Философская подоплека поэтического творчества и ее реализация в художественной детали

Яков Моисеевич Колкер
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия
kolker1937@yandex.ru

Аннотация. Цель данной статьи – выявить основные характеристики жанра, традиционно называемого философской поэзией. Новизна подхода состоит в интегративном учете композиционных и риторических характеристик, таких как: (1) способы организации деталей, создающих образную систему стихотворения; (2) взаимодействие внешней и внутренней фокализации; (3) архитектоника стихотворения с точки зрения коммуникативных блоков. В статье доказывается, что художественная деталь рождается не только из фактических (наблюдаемых) подробностей, но и из их метафорического представления, и что оба типа деталей работают либо по принципу аккумуляции, либо по принципу сильной позиции. В статье также доказывается, что членение поэтического текста на уравновешенные блоки предполагает относительное равенство не по длине, а по емкости содержания. Исследование выполнено на материале преимущественно (но не только) отечественной поэзии. Все приведенные художественные переводы принадлежат автору статьи.

Ключевые слова: философская поэзия, художественная деталь, фактуальность, метафорическая деталь, аккумуляция, сильная позиция, внешняя фокализация, внутренняя фокализация, коммуникативный блок.

Для цитирования: Колкер Я. М. Философская подоплека поэтического творчества и ее реализация в художественной детали // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 2 (65). С. 47–53. DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.007.

Original article

The philosophic background of poetic works and its implementation in the poetic detail

Yakov M. Kolker
Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Ryazan, Russia
kolker1937@yandex.ru

Abstract. The paper aims at revealing some of the significant characteristic features of the genre traditionally alluded to as philosophic poetry. The originality of our approach consists in treating the issue from the viewpoint of both compositional and rhetorical peculiarities, namely: (a) the arrangement of details accounting for the poem’s system of imagery; (b) interaction of internal and external focalization; and (c) the structure of the poem in terms of the discourse blocks and their interconnection. The paper seeks to prove that a poetic detail may have its origin in an observable factual detail, as well as in a metaphor, and that the total effect depends either on the accumulation of details or on placing the only poetic detail (whether factual or metaphorical) in a prominent position. The paper also argues that the subdivision of the whole text into balanced discourse blocks proceeds from their relative significance rather than from their approximate equality in length. The research is based largely (but not completely) on Russian poetry. All the translations supplied belong to the author of this paper.

Keywords: philosophic poetry, poetic detail, factuality, metaphorical detail, accumulation, strong position, focalization, internal, external, discourse block.

For citation: Kolker Ya. M. The philosophic background of poetic works and its implementation in the poetic detail. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 2(65):47–53. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.007.

© Колкер Я. М., 2023

Введение

Задача этой статьи — выявить основные характеристики жанра, традиционно называемого философской поэзией, которые не могут не учитываться в процессе художественного перевода.

Существование философской поэзии как жанра уже давно не подвергается сомнению. Принимается почти как аксиома и взаимная близость философии и поэзии. Более того, в целом ряде исследований подчеркивается *общность* философии и поэзии: «По сути, как философ, так и поэт в своих произведениях стремится создать мир, разве что философ обращен к познанию нашего Универсума, поэт же творит свой Универсум…» [Столетов, 2012, с. 673]. Почти ту же мысль находим у И. Н. Сиземской: «…представление о мире в понятиях (философия) и в “ощутительных образах” (поэзия) есть по своей сути различные проявления одного и того же, и потому дополняют друг друга» [Сиземская, 2007, с. 10]. Сложность определения понятия «философская поэзия» А. И. Столетов объясняет тем, что «философичность — в той или иной степени — присуща искусству слова вообще» [Столетов, 2012, с. 673]. При этом он не считает, что философской поэзии в обязательном порядке присущ дидактизм, «поскольку истинно философское стихотворение должно будить мысль читателя, а не преподносить готовые выводы» [Там же].

Основная часть

Фактическая подробность как художественная деталь и обусловленность ее роли архитектоникой стиха

Способность поэзии делать мир эмоционально окрашенным, а знание о нем — переживаемым и тем самым доступным и понятным [Сиземская, 2007, с. 10], осуществляется с помощью конкретных деталей.

Так, нарочитая фактуальность каждой детали экспозиции стихотворения Н. А. Заболоцкого «Некрасивая девочка» («напоминает лягушонка», «рот длинен, зубки кривы, черты лица остры и некрасивы») проверяема в каждой строке как утверждение жизни, ее счастья и одновременно — ее обескураживающей зависимости от того, что это счастье — не всем и не для всех, но оно существует как подтверждение того, что жизнь существует. Для маленькой девочки ее счастье заключается в том, что она — в окружении людей, и ей от этого комфортно и радостно:

Чужая радость так же, как своя,
Ее томит и вон из сердца рвется,
И девочка ликует и смеется,
Охваченная счастьем бытия.
[Заболоцкий, 1972, с. 291]

И пройдет еще много времени, пока она не осознает, что жизнь не всегда была справедлива к ней, а «слезы людские» (Ф. И. Тютчев) — неизбежная часть бытия.

Риторически стихотворение делится на два коммуникативных блока: (а) описание неприглядной внешности девочки и ее способности радоваться чужому счастью, переживать чужую радость как свою; (б) обобщение того разочарования, которое ее ждет, и надежда на то, что жизнь ее не сломит. При этом второй блок, в свою очередь, членится на два блока: нарративный, предвидящий разочарование лирической героини и выражающий надежду, что она выстоит, и блок-риторический вопрос. Концепция счастья бытия, как ее понимает Н. А. Заболоцкий, дается на всю жизнь. И тогда вполне закономерен вопрос «Что есть красота?» и ответ на него. Он предугадывается самим стихотворением, потому что автор прямо говорит об этом. Для Заболоцкого красота человека — это красота истины его существования и ясности ответа с самого начала.

Всю вторую часть стихотворения, пожалуй, можно счесть излишне дидактичной, но это искупается образной эмотивностью заключительного четверостишия. Приводим этот блок в оригинале и переводе.

…И не хочу я думать, наблюдая,
Что будет день, когда она, рыдая,
Увидит с ужасом, что посреди подруг
Она всего лишь бедная дурнушка!
Мне верить хочется, что сердце не игрушка,
Сломать его едва ли можно вдруг!
Мне верить хочется, что чистый этот пламень,
Который в глубине ее горит,
Всю боль свою один переболит
И перетопит самый тяжкий камень!
И пусть черты ее нехороши
И нечем ей прельстить воображенье, —
Младенческая грация души
Уже сквозит в любом ее движенье.
А если это так, то что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?
[Заболоцкий, 1972, с. 291–292]

…And I refuse to think that, in some years
Her laughter will forever disappear,
And she will wake, hysterical to know
That she among her friends looks like an impish brat.
You cannot break a heart like that,
Though she may feel abominably low.
And I would like to think that the transparent flame
That burns inside her pure soul
Will save her from the deadly pain
And melt the hardest blackest stone.
And even though her features may be plain,
And she is not an object of delight,
The grace of her benign and pure flame
Shines forth, — an ever-burning inner light.
If this be so, who knows what Beauty is
And what makes people love it, far and wide?
Is it a vase where empty silence lives
Or is it fire shimmering inside?
(пер. наш. — *Я. К.*)

Это стихотворение Заболоцкого — стихотворение детали. Поэт-наблюдатель объективно запечатлевает непривлекательность внешних черт девочки, наблюдает и за проявлением ее чувств: «за ними бегает по следу»; «чужая радость… вон из сердца рвется», «ликует и смеется»; «ни зависти, ни умысла худого»; «ей всё на свете так безмерно ново».

В стихотворении «Некрасивая девочка» мы наблюдаем ребенка со стороны, и это — один из способов детализации опыта. Здесь можно говорить о внешней фокализации [Женетт]. Иная перспектива избрана Заболоцким в стихотворении «Детство», где автор как бы смотрит на мир глазами ребенка, вбирающего в себя чудо обыкновенности:

…На что она глядит? И чем необычаен
И сельский этот дом, и сад, и огород,
Где, наклонясь к кустам, хлопочет их хозяин,
И что-то вяжет там, и режет, и поет?
Два тощих петуха дерутся на заборе,
Шершавый хмель ползет по столбику крыльца.
А девочка глядит. И в этом чистом взоре
Отображен весь мир до самого конца.
Он, этот дивный мир, поистине впервые
Очаровал ее, как чудо из чудес,
И в глубь души ее, как спутники живые,
Вошли и этот дом, и этот сад, и лес.
[Заболоцкий, 1972, с. 314].

Философское единство внешнего и внутреннего фокализаторов создает возможности для определения системы отношений нарождающихся образов. Так, например, это не только соответствие внутреннего внешнему и не столько несоответствие этих двух углов зрения, сколько проверка на совместимость человека и окружающего мира.

Суть содержания — в подробностях, нарочито прозаических и мало значимых, которые *только в совокупности* создают неповторимый опыт первого осознанного восприятия себя в мире (в немалой степени благодаря синергии зрительных, слуховых и тактильных ощущений). Этот опыт *уникален* для каждого, но у всех *одинаков* в том, что в памяти навсегда остается синтез впечатлений как первое прикосновение к разлитой повсюду красоте мира.

В стихотворении «Детство» изображаемая картина завершается у Заболоцкого строфой-обобщением, в которой, пожалуй, и нет необходимости, поскольку в приведенном фрагменте выражено все, что выражает всеобщность опыта познания мира.

Сравним со сходным способом поэтической аккумуляции опыта у Мэн Хаожаня, китайского поэта эпохи Тан. Стихотворение-люйши состоит из восьми строк, по пять односложных слов в каждой строке и со сквозной рифмой в конце каждой четной строки. Подчиненность форме оригинала с учетом

несопоставимости длины китайских и русских слов заставила переводчика передать лишь главные детали, поэтому приводим и более подробный построчник.

孟浩然。过故人庄。 Мэн Хаожань. Посещаю хутор старого друга

故人具鸡黍， 邀我至田家。 绿树村边合， 青山郭外斜。	gù rén jù jī shǔ, yāo wǒ zhì tián jiā lǜ shù cūn biān hé, qīng shān guō wài xiá.
开轩面场圃， 把酒话桑麻。 待到重阳日， 还来就菊花。	kāi xuān miàn cháng pǔ, bǎ jiǔ huà sāng má dài dào chóng yáng rì, huán lái jiù jú huā

Построчник	Литературный перевод
Старый друг приготовил желтое пшено с курицей, Пригласил меня прийти на свой хутор. Изумрудный лес окружает деревню, Темные горы находятся за пределами деревни. Открывая окно, смотрим на гумно и огород, Поднимая чарку, говорим о тутовнике и конопле. Еще до подъема на гору 9 сентября, Постараюсь посетить друга, полюбоваться хризантемами и выпить водку из хризантем. *(пер. Ван Цзиньлин)*	Друг пригласил на хутор пообедать. Меня кормили курицей с пшеном. Зеленый лес виднелся за окном, Зрел огород за небольшим гумном. Вино из хризантем мы пили... Нам с другом хорошо вдвоем. И осенью мы встретимся опять: Поговорим — и вновь вино попьем. (пер. наш. — *Я. К.*)

Подробнее см.: [Ван, Колкер, Устинова, Шань, Марьяновская, 2020, с. 134].

Итак, поэт-фокализатор окидывает взглядом все окружающее — и накрытый другом стол, и детали пейзажа, открывающие дали «уступами», как на полотнах средневековой китайской живописи, и словно со стороны прислушивается к неторопливой беседе с другом в предвкушении очередной встречи, синтезируя ощущение гармонии мира и человека в нем.

Однако в философской поэзии художественная деталь может и одна, в изоляции, нести на себе груз суммирования смысла произведения, но для этого она должна попасть в позицию обобщения. Так случилось, что при переводе стихотворения П. Б. Шелли *Ozymandias* пришлось, для воссоздания экспрессивного эффекта оригинала, расширить самовосхваление древнего тирана, вырезанное в камне на пьедестале. В результате вместо трех финальных строк сонета, оспаривающих право бывшего владыки на величие, остается только одна. Таким образом, в переводе смещается граница между двумя коммуникативными блоками, как бы спорящими друг с другом: самовосхвалением и констатацией результатов. Но иронический полемизм финальной строки от этого не ослабевает.

P. B. Shelley. Ozymandias

I met a traveller from an antique land
Who said: “Two vast and trunkless legs of stone
Stand in the desert. Near them on the sand,
Half sunk, a shattered visage lies, whose frown
And wrinkled lip and sneer of cold command
Tell that its sculptor well those passions read
Which yet survive, stamped on these lifeless things,
The hand that mocked them and the heart that fed.
And on the pedestal these words appear:
‘My name is Ozymandias, King of Kings:
Look on my works, ye mighty, and despair!’
Nothing beside remains. Round the decay
Of that colossal wreck, boundless and bare,
The lone and level sands stretch far away.”
[Shelley]

П. Б. Шелли. Озимандий

Мне пилигрим — он шел издалека —
Рассказывал, что видел на дороге:
«В пустыне африканской из песка
Торчат столпами каменные ноги.
А голова взирает свысока,
Хотя лежит в песке с ногами рядом,
На мир людей, мир страха и страстей,
И презирает всех незрячим взглядом.
И надпись украшает пьедестал:
“Великий Озимандий, царь царей,
Я всех согнул, в небытие втоптал.
Все сущие — мои рабы отныне!
Мои дела в веках, я Богом стал”.
Слова… Слова… И мертвая пустыня».
[Колкер, 2012, с. 27]

Метафора как художественная деталь

Наконец, в качестве художественных деталей могут выступать метафоры, в том числе и приобретающие статус символа. И, подобно одной художественной детали в сильной позиции, которая способна «уравновесить» значительную часть предыдущего поэтического текста, выступая как полемическая реплика, как обобщение или в какой-либо иной функции, точно так же единственная метафорическая деталь может противостоять всему предыдущему тексту. Примером является завершение стихотворения А. А. Тарковского «Первые свидания» («Свиданий наших каждое мгновенье / Мы праздновали, как богоявленье, / Одни на целом свете…»), основанное на внутренней фокализации, где счастье любить и быть любимым аккумулируется в образах свободного, счастливого единения с окружающим миром — и внезапно обрывается метафорой подстерегающей судьбы:

…Сама ложилась мята нам под ноги,
И птицам с нами было по дороге,
И рыбы подымались по реке,
И небо развернулось пред глазами…
Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.
[Тарковский, 1969, с. 185–186].

Это довольно длинное (но без единой длинно́ты!) стихотворение ретроспективно осмысляется как противопоставление двух блоков: первые 40 строчек и последние две, причем краткость завершения — необходимое условие достижения эмотивного и интеллектуального воздействия на читателя.

На символических метафорах полностью построено стихотворение Н. А. Заболоцкого «Бетховен». При всей плотности метафорической ткани стиха произведение не перегружено метафорами, — возможно, потому, что Заболоцкий почти слышимо претворяет слово в музыку.

В тот самый день, когда твои созвучья Преодолели сложный мир труда, Свет пересилил свет, прошла сквозь тучу туча, Гром двинулся на гром, в звезду вошла звезда.	This was the day when your harmonious sounds Had finished magic labour, true and hard, And light defeated light, a cloud pierced a cloud, And thunder broke thunder, a star came through a star.
И яростным охвачен вдохновеньем, В оркестрах гроз и трепете громов, Поднялся ты по облачным ступеням И прикоснулся к музыке миров.	The passionate whirlwind of cosmic inspiration, The orchestra of storms, the fluttering of light Took music up the steps of ever-time creation To join the world of wisdom and delight.
Дубравой труб и озером мелодий Ты превозмог нестройный ураган, И крикнул ты в лицо самой природе, Свой львиный лик просунув сквозь орган.	Your trumpets, like an autumn oak row, Defeated the disheveled hurricane, You threw at Nature your forbidding “No” And squeezed through grating your ferocious mane.
И пред лицом пространства мирового Такую мысль вложил ты в этот крик, Что слово с воплем вырвалось из слова И стало музыкой, венчая львиный лик.	And, facing the abyss of cosmic space, You heard the wailing of the changing world. The lion showed his crowned godlike face, And music added pain to wisdom of the word.
В рогах быка опять запела лира, Пастушьей флейтой стала кость орла, И понял ты живую прелесть мира И отделил добро его от зла.	The ox transformed his horns into a lyre, The eagle’s bone became a shepherd’s flute, The beauty of the world gave sense to your desire To separate the evil and the good.
И сквозь покой пространства мирового До самых звезд прошел девятый вал… Откройся, мысль! Стань музыкою, слово, Ударь в сердца, чтоб мир торжествовал. [Заболоцкий, 1972, с. 211]	And, through the peace of valley and green willow, To reach the stars, a giant wave will sail. Hearts, open up! And music, like a billow, Will wring the hearts and over word prevail. (пер. наш. — *Я. К.*)

В стихотворении «Бетховен» Заболоцкий суммирует не только, что есть созидание и жизнь, но и что такое мудрость, творчество и страсть.

Заключение

1. Присутствие дидактического обобщения в философской поэзии естественно, но не обязательно. В любом случае дидактичность не должна вырождаться в назидательность.

2. К художественным деталям можно причислять не только наблюдаемые факты, но и метафоры, в равной степени создающие образ либо за счет аккумуляции, либо за счет сильной позиции.

3. Философская поэзия предполагает уравновешенность коммуникативных блоков — но уравновешенность не по объему поэтического текста, а по значимости в концептосфере стихотворения, особенно за счет финального посыла. Это может быть баланс конкретного описания и философского обобщения («Некрасивая девочка»), баланс утверждения и его опровержения (*Ozymandias*), баланс тона основного повествования и опровергающего финала («Первые свидания») и т. д.

Список источников

1. Ван Цзиньлин, Колкер Я. М., Устинова Е. С., Шань Нина, Марьяновская Е. Л. Китайская поэзия эпохи Тан: голос гармонии. — М. : Совр. информ. системы, 2020. — 343 с.

2. Женетт Ж. Работы по поэтике. Фокализация. — URL : http://niv.ru/doc/zhenett-raboty-po-poetike/fokalizacii.htm (дата обращения: 20.04.2023).

3. Заболоцкий Н. А. Избранное. — М. : Худож. лит., 1972. — Т. 1. — 399 с.

4. Колкер Я. М. Что есть «фоновые знания» для переводчика художественной литературы // Иностранные языки в высшей школе. — 2012. — Вып. 3 (22). — С. 25–31.

5. Сиземская И. Н. Русская философия и лирическая поэзия: «согласие ума и сердца» // Поэзия как жанр русской философии : антол. / сост. И. Н. Сиземская. — М. : ИФРАН, 2007. — 340 с. — С. 5–28.

6. Столетов А. И. Философия и поэзия: точки пересечения // Вестник Башкирского университета. — 2012. — Т. 17, № 1 (I). — С. 672–676.

7. Тарковский А. А. Вестник. — М. : Сов. писатель, 1969. — 292 с.

8. Shelley P. B. Ozymandias. — URL : http://eng-poetry.ru/Poem.php?PoemId=298 (дата обращения: 20.04.2023).

References

1. Wang Jinling, Kolker Ya. M., UIstinova E. S., Maryanovskaya E. M. *Kitaiskaya poeziia epokhi Tang: golos garmonii* [Chinese poetry of the Tang Dynasty: the voice of harmony]. Moscow, Modern Information Systems Publ., 2020, 343 p. (In Russian).

2. Genette G. *Raboty po poetike. Fokalizatsiya* [Works in poetics. Focalization]. Available at: http://niv.ru/doc/zhenett-raboty-po-poetike/fokalizacii.htm (accessed 20.04.2023). (In Russian).

3. Zabolotsky N. A. *Izbrannoye* [Selected Works]. Moscow, Belles-lettres Publ., 1972, vol.1, 399 p. (In Russian).

4. Kolker Ya. M. What is “Background Knowledge” for a Translator of Fiction and Poetry? *Inostrannye yazyki v vysshey shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2012, iss. 3 (22), pp. 25–31. (In Russian).

5. Sizemskaya I. N. Russian philosophy and lyrical poetry: “a concord of the mind and the hear”. *Poeziya kak zhanre russkoi filosofii. Antologiya* [Poetry as a genre of Russian philosophy. Anthology]. Compiled by I. N. Sizemskaya. Moscow, IFRAN Publ., 2007, pp. 5–28. (In Russian).

6. Stoletov A. I. Philosophy and poetry: Intersecting points. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bashkirsky University Bulletin]. 2012, vol. 17, no. 1 (I), pp. 672–676. (In Russian).

7. Tarkovsky A. A. *Vestnik* [Messenger]. Moscow, Soviet writer Publ, 1969, 292 p. (In Russian).

8. Shelley P. B. *Ozymandias*. Available at: http://eng-poetry.ru/Poem.php?PoemId=298 (accessed 20.04.2023).

Информация об авторе

Колкер Яков Моисеевич — кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина; член Союза российских писателей (перевод поэзии).

Information about the author

Kolker, Yakov (Jacob) — candidate of pedagogic sciences, professor of Linguistics and Intercultural Communication Department, Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named for S. A. Yesenin; member of the Union of Russian writers (translation of poetry).

Статья поступила в редакцию 27.04.2023;
одобрена после рецензирования 04.05.2023;
принята к публикации 06.05.2023.

Submitted 27.04.2023;
approved after reviewing 04.05.2023;
accepted for publication 06.05.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 2 (65). С. 54–63.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;2(65):54–63.

Научная статья
УДК 81'255.4
DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.008

К проблеме обучения художественному переводу поэзии: осмысление слова в концептосфере стихотворения

Елена Сергеевна Устинова
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия
e.ustinova@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Основная цель статьи – предложить некоторые существенные параметры анализа текста на исходном языке и языке перевода (с английского языка на русский и с русского на английский) как пути к развитию чувства слова, к созданию собственных переводов на ином материале. Актуальность исследования мы видим во всепроникающем характере поэтической функции языка: способность подобрать точное, выразительное слово нужна в разных видах дискурса, и обучать этому можно на материале поэзии, учитывая смысловую емкость и текстуальную уместность каждой единицы текста. Новизна исследования состоит в следующем: во-первых, в статье предлагается (на ряде примеров) использовать переводы, выполненные преподавателем, обучающим студентов художественному переводу, что позволяет сопоставить черновик(и) с окончательным вариантом на предмет соответствия «голосу» поэта, естественности звучания перевода, наличия опущений и добавлений и степени их правомерности и т. д. В этих условиях студент становится объективным критиком, способным обосновать удачность или неудачность конкретного переводческого решения. Во-вторых, доказывается важность семы как единицы текстуального смысла, которая может выражаться с помощью иного лексического носителя, что позволяет объективнее оценивать функциональную адекватность конкретного перевода.

Ключевые слова: уровни понимания: фактологический, лингвокультурный, текстоцентрический, переводческие инференции, голос поэта, стилистический регистр, благозвучие, добавления, сема.

Для цитирования: Устинова Е. С. К проблеме обучения художественному переводу поэзии: осмысление слова в концептосфере стихотворения // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 2 (65). С. 54–63. DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.008.

Original article

On teaching to translate poetry: Comprehending the textual message of a word within the poem's conceptual sphere

Elena S. Ustinova
Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Ryazan, Russia
e.ustinova@365.rsu.edu.ru

Abstract. The aim of the paper is to outline some of the significant parameters for analysing poems and their translation (both from and into the foreign language) as a step towards raising translation competence and enabling students to venture their own translation of poetry. The topicality of our research proceeds from the all-pervading nature of the poetic function of language: a translator's skill of looking for the most precise, expressive, and compact form of rendering the message is equally indispensable in any kind of discourse. The approach suggested can be useful for teachers of translation if they themselves practice translation of fiction or poetry. Sharing the results of one's own efforts with the students gives the teacher an opportunity to teach them to compare the rough copies with the final draft and account for discarding the rough copy. Or the students can be asked to decide which of the versions was accepted by the translator as the final, or offer constructive, well-grounded criticism of either version or even suggest their own alterations. Thus, students learn to estimate the semantic capacity and the choice of every word as a textual unit, the euphony of translation, the observance of rhythm; they detect addition or deletion and justify or condemn them. Besides, they learn that relevant semantic features, seemingly lost in translation, may re-emerge in a different word. — in fact, even in a different part of speech. Thus, a semantic component, rather than a word, can be considered the essential unit for judging the adequacy of translation.

Keywords: levels of comprehension: factual, linguo-cultural, text-focused, translator's inferences, poet's voice, stylistic register, euphony, addition, semantic component.

For citation: Ustinova E. S. On teaching to translate poetry: Comprehending the textual message of a word within the poem's conceptual sphere. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 2(65):54–63. (In Russ.) DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.008.

© Устинова Е. С., 2023

Введение

Постановка проблемы в контексте обучения переводу

Художественный перевод заслуживает большего внимания в учебных планах подготовки лингвистов-переводчиков, даже не потому, что в переводчиках прозы и поэзии на родной и иностранный языки растет практическая потребность (хотя и это справедливо), но потому, что внимание к художественному слову прямо или косвенно работает на формирование большинства переводческих компетенций (пожалуй, за пределами строго регламентированных текстов, таких как техническая инструкция или деловое письмо о размещении оптового заказа). По словам Р. Якобсона, поэтика «занимается поэтической функцией не только в поэзии, где поэтическая функция выдвигается на первый план по сравнению с другими языковыми функциями, но и вне поэзии, где на первый план могут выдвигаться какие-либо другие функции» [Якобсон, 1975]. Поэтическая функция языка, доминирующая в художественных произведениях, особенно в поэзии, проявляется и в публицистике, и в языке рекламы, и в научном общении, и в бытовом. Поэтому оценка емкости и выразительности смысла лексической единицы оригинала помогает переводчику в подборе текстуального эквивалента, который может отличаться от языкового эквивалента; и обучать этому, *вне зависимости от будущей специализации переводчика*, можно на анализе поэзии. Например:

…Душе *грешно* без тела,
Как телу без сорочки:
Ни помысла, ни дела,
Ни замысла, ни строчки.
(«Эвридика») [Тарковский, 1969, с. 189–190]

«Грешно» как выражение укора, обвинения переводится эквивалентами “It’s a sin (It is sinful, improper)”. Но в контексте стихотворения звучит не упрек, а сочувствие душе, которая ощущает стыд, что не может более участвовать в созидании мира. И вторая строка оригинала («как телу без сорочки») подсказывает эпитет «обнаженная»:

…Yet *naked* is the soul
Without its earthly form:
No plan, design, or goal,
And nothing to perform.
(пер. наш. — *Е. У.*)

Текстуальный смысл лексемы «грешно» допускает и вариант “helpless”, но он звучит приглушенно и аккумулирует свистящие звуки: “helpless *is the* soul”. Возможна иная альтернатива: “Yet sinful *feels* the soul…”, при которой душа, покинувшая тело, сама чувствует, что «без вины виновата»; однако подобный тип стилистической инверсии звучит менее естественно. Как видим, в принятие решения вовлекаются и семантика, и звучание, и синтаксис (и многое другое, но в этом примере представлены только языковые уровни). «Изучение уровней поэтического сообщения — это изучение той логики означающих, благодаря которой произведение искусства и побуждает к разнообразию интерпретаций, и ограничивает их свободу» [Эко].

Итак, основная задача статьи — рассмотреть существенные параметры анализа перевода поэтического текста как пути обучения собственному художественному переводу (на материале англоязычной поэзии, в целях ее перевода на русский язык, и отечественной поэзии как объекта перевода на английский язык.) Результатом обучения на этом этапе может стать *построчный* перевод — не буквальный подстрочник, который больше нужен переводчику, не знакомому с языком оригинала, чтобы почувствовать его особенности, а *продукт осмысления* текста, с возможными вариантами переложения оригинала. Именно он является «заготовкой», которую далее предстоит не столько облечь как готовое содержание в поэтическую форму, сколько заново перевести построчник на язык поэзии с неразделимым единством ее «формосодержания».

Основная часть

Осмысление концептуальной структуры поэтического текста

Первый шаг — устранение трудностей понимания *прагматического* смысла оригинала, то есть обеспечение *фактологического* понимания текста. Здесь трудность может представлять неоднозначность

слова, которая либо может быть преднамеренной, либо ее текстуальный смысл может ускользнуть от читающего оригинал. Так, выполняя построчный перевод сонета 18 Шекспира, студент И. Ж. допустил две смысловых ошибки в результате неверного выбора лексико-семантического варианта слов:

But thy eternal summer shall not fade,
Nor lose possession of that fair thou *ow'st,*
Nor shall death brag thou wand'rest in his shade,
When *in eternal lines to Time thou grow'st*.
[Шекспир, 2005, с. 58]

Но твое вечное лето не угаснет,
И не утратит владения той красотой, которой ты **обязан,*
И смерть не похвастается тобой в ее тени,
Когда в вечных **рядах времени ты растешь*.

Первая ошибка («обязан») вызвана непониманием устаревшего значения глагола "owe" — "have, own, possess" [Owe]. Непонято и контекстуально обусловленное значение слова "lines": "eternal *line*s" означает не «вечные *ряды»*, а «бессмертные *строки*».

Синтаксические трудности прагматического понимания текста часто вытекают из неоднозначности трактовки структуры. Так, даже носитель английского языка, декламирующий шекспировский сонет 130, может сделать ошибку в трактовке последней строчки, если произносит ее с логическим ударением на "any" и безударным "she" (см., напр.: [Shakespeare, а]. Неверное ударение и паузация искажают смысл последней строки оригинала: «как и любая женщина, которую **она оболгала* неуместными сравнениями»:

And yet, by heaven, I think my love as rare
As *any / she belied* with false compare.

Правильное интонационное оформление последней строки (которое, увы, встречается реже): *"...As any she / belied..."*, где местоимение под ударением субстантивируется, обозначая любую женщину, чью естественную красоту поэты оболгали пышными сравнениями.

Неоднозначность структуры, в зависимости от ее пунктуационного оформления, находим в сонете 29: "When(,) in disgrace with fortune and men's eyes, I all alone beweep my outcast state…" [Shakespeare, б]. С запятой после "*When*," две первые строки воспринимаются как придаточное времени: «Когда, отвергнутый фортуной и людьми, я оплакиваю свою участь…», и после второй строфы читатель недоумевает, когда же дело дойдет до главного предложения. Вместо него идет вольта (поворот): "Yet in these thoughts, myself almost despising, haply I think on thee…" Без запятой после "*When*" [Шекспир, 2005, с. 80] вся первая строка — это эллиптическое придаточное, где опущены субъект и глагольная часть предиката: "When *I am* in disgrace…", за которым следует вторая строка — главное предложение: «В дни неудач и отверженности, *я оплакиваю свою судьбу*…»

В сфере языковых проблем понимания оригинала лежат и *лингвокультурные трудности*. Так, по свидетельству Ван Нин, в строках есенинской «Песни о собаке» «А вечером, когда куры / обсиживают шесток», слово «шесток» в ряде переводов на китайский язык неверно представлено не как насест, то есть жердочка для ночевки птиц в курятнике, а как «площадка перед устьем русской печи» [Ван, 2016].

Подобные проблемы могут возникнуть при трактовке не только иностранного, но и родного текста-источника при темпоральной отдаленности культур. Например, начало стихотворения А. А. Тарковского «Суббота, 21 июня» («Пусть роют щели хоть под воскресенье / В моих руках надежда на спасенье») А. Вагапов почему-то переводит так: "Let them dig a hole on *resurrection* / I have in my hand hope for salvation" [Тарковский], то есть трактует «воскресенье» как «воскрешение», что явно противоречит логике и знанию того факта, что суббота 21 июня — последний предвоенный день, и, может быть, еще не поздно вырыть укрытие, чтобы спастись от бомбежки.

Следующий и самый главный уровень анализа — *понимание текста как концептуального целого*, где каждая языковая единица участвует в создании смысла, а смысл каждой единицы обусловлен ее местом в семантической структуре произведения. Это в равной мере касается и прозы, и поэзии, будь то вещная деталь, реплика персонажа, авторский выбор глагола действия или иная подробность, приобретающая свой уникальный смысл именно в данном тексте. Здесь на первое место выходит поэтическая

функция языка. И тогда совершенно нейтральная или даже просторечная фраза приобретает иное звучание. Например, в стихотворении С. А. Есенина «Песнь о собаке» поэт выбирает просторечное слово «поклал»: «Вышел хозяин хмурый, / Семерых всех поклал в мешок». «Покласть» — это не «положить» и не «уложить», что предполагает аккуратность, боязнь причинить боль живому существу, и не «швырнуть», поскольку действие производится спокойно и деловито, без эмоций. Хозяин не жесток, он не испытывает удовольствия от утопления щенят, он просто прагматичен и не признает за нежеланным приплодом права на жизнь. В своем переводе Питер Темпест (см.: [Esenin]) использует нейтральный глагол “put” из-за того, что в английском языке просторечного аналога нет, а иные глаголы (например, thrust — запихнуть, dump — швырнуть, и т. п.) явно не подходят. Но тем самым утрачиваются обертоны смысла. Этот пример демонстрирует студентам неизбежность потерь, без которых художественный перевод вряд ли возможен в силу асимметричности языковых систем.

В ходе анализа оригинала студенты должны *увидеть, насколько многозначно может быть слово* — но не так, как многозначны каламбуры, а так, как при одном и том же буквальном значении сло́ва множатся его истолкования в тексте, что, например, происходит со словом “Limited” в одноименном стихотворении К. Сэндберга, где оно относится, помимо названия экспресса, и к замкнутости в пространстве купе, и к трагической ограниченности предела жизни (“All the coaches shall be scrap and rust, and all the men and women laughing in the diners and sleepers shall pass to ashes” [Sandburg]), и к ограниченности видения своего жизненного предназначения.

По емкому выражению С. Ф Гончаренко, «всякое слово в стихе одновременно означает все, что за ним закреплено в лексиконе, и сверх того еще массу окказиональных смысловых обертонов» [Гончаренко]. Например, стихотворение А. А. Тарковского «С утра я тебя дожидался вчера», заканчивается строками:

…И дождь, и особенно поздний час,
И капли бегут по холодным ветвям.
Ни словом унять, ни платком утереть…
[Тарковский, 1969, с. 29]

Последняя строчка просто сетует на непрерывность дождя, но одновременно имплицирует образ плачущей природы, поскольку только слезы можно вытереть платком или унять словом. Создан образ емкий и сдержанный — ни одного лишнего слова. Так в тесном поэтическом ряду слова, строки, строфы *взаимодействуют, обогащая друг друга*, причем «каждое слово начинает означать в одно и то же время не только *всё,* что оно значит само по себе, но как бы и вбирает в себя *все* значения близлежащих — по горизонтали и вертикали — слов» (курсив оригинала. — *Е. У.*) [Гончаренко].

Каждая единица текста должна рассматриваться обучающимися только в контексте всего поэтического произведения, где она обретает свой неповторимый смысл. Иначе стих может показаться абсурдным, нелогичным, бессмысленным. Например, можно ли благодарить за то, что тебя лишают утешенья и надежды?

…Благодарю за каждый
Глоток воды живой,
В часы последней жажды
Подаренный тобой,
За каждое движенье
Твоих прохладных рук,
За то, что утешенья
Не нахожу вокруг,
За то, что ты надежды
Уводишь, уходя,
И ткань твоей одежды
Из ветра и дождя.
(«Вечерний, сизокрылый…») [Тарковский, 1969, с. 97].

Благодарность — за *счастье, что есть, по кому тосковать*, за то, что эта женщина существует, хоть и кажется в отсутствии словно видением, в одежде «из ветра и дождя». Благодарность за то, что каждая встреча с нею — это «глоток воды живой».

Роль сопоставления оригинала и переводов

В рамках осмысления текста как концептуального единства огромная роль принадлежит аналитическим заданиям на сопоставление оригинала и перевода(-ов). С одной стороны, анализ учит замечать явные переводческие промахи. Но, что важнее, сопоставление вариантов перевода помогает вникнуть в причины, побудившие переводчика предпочесть то или иное слово, тот или иной образ в случае замены образности оригинала: ведь при сопоставлении оригинала с несколькими переводами может оказаться, что каждый переводчик имел веские основания для модификации образа, при которой смысловая верность оригиналу не нарушалась. С. Т. Золян считает, что допустимость множественной интерпретации «может быть рассмотрена как следствие таких глубинных характеристик самого перевода, как его многовариантность, неопределенность (недоопределенность), относительность, неполнота (неполная переводимость), дополнительность и контекстуализм» [Золян, 2020, с. 65]. Так, у Шекспира в сонете 30 есть неоднозначная метафора:

When to the sessions of sweet silent thought
I summon up remembrance of things past,
I sigh the lack of many a thing I sought,
And with old woes new wail my dear time's waste:
Then can I drown an eye, unused to flow,
For precious friends hid in death's dateless night…
[Шекспир, 2005, с. 82].

Метафора "*drown an eye"* может означать как «оплакивать», так и «погрузиться мысленным взором в прошлое». Скорее всего, поэт имел в виду и то, и другое, и это дает переводчику свободу выбора или совмещения обоих смыслов:

Из глаз, не знавших слез, я слезы лью
О тех, кого во тьме таит могила…
(пер. С. Я. Маршака)

Из вечной ночи призываю вновь
Друзей, давно ушедших безвозвратно...
(пер. Р. Бадыгова)

Я тщетно вызываю из могил
Друзей, что были на моем веку…
(пер. Я. М. Колкера)

Эффективным обучающим приемом, если преподаватель имеет переводческий опыт, может быть также вынесение на суд студентов *собственных переводов*, причем окончательного перевода вместе с его черновиком(-ами) — так, чтобы студенты либо обосновали отказ переводчика от чернового варианта, либо сами догадались, какой вариант черновой, а какой был принят как окончательный. Если комментарии студентов не слишком убедительны, дает пояснения сам переводчик. Это помогает студентам накапливать опыт чужих ошибок, то есть развивать «слух на верное слово». В ходе такого сопоставительного анализа студенты учатся улавливать чужеродный регистр слова или фразы и определять, оправдан ли он замыслом поэта (как есенинское «поклал») или являет собой стилистическую ошибку. Они учатся замечать «тяжеловесность», неудобочитаемость в фонетическом оформлении строки, выявлять избыточность, не оправданную поэтической задачей, видеть явно навязываемую и потому легко предугадываемую рифму.

Проиллюстрируем некоторые из этих переводческих проблем на собственном опыте.

Из перевода с литовского языка стихотворения Ю. Марцинкявичюса *Liepsnojantis krumas* («Пылающий куст»):

Надо верить — и верить всерьез, безоглядно и свято,
Что ударишь в скалу — и *исторгнешь чистейший родник*…

Я. М. Колкер справедливо отверг эту строку — и за изобилие шипящих, и за высокопарность слова «исторгнешь» — и тут же предложил вариант, который и был с благодарностью нами принят: «*и забьет животворный родник*». Этот вариант, помимо легкости и естественности звучания, буквально воспроизводит фразу оригинала: "gyvybingas vanduo" — «животворная вода».

Другая проблема — допустимость добавлений. Н. В. Беспалова считает добавления неизбежными в переводе на английский язык уже на том основании, что «длина русского слова в среднем 3–4 слога, английского же — 1–2 слога. Естественно, при таких раскладах английский текст, как правило, не заполняет всю строку русского оригинала» [Беспалова, 2015, с. 22]. Но где граница между «отсебятиной», не предусмотренной концептосферой авторского замысла, и оправданными добавлениями?

Рассмотрим строфу из стихотворения А. А. Тарковского «Жили-были» о временах Гражданской войны в двух вариантах нашего перевода:

Мать согнулась, постарела,
Поседела в сорок лет
И на худенькое тело
Рвань по-нищенски надела;
Ляжет спать — я то и дело:
Дышит мама или нет?
[Тарковский, 1983, с. 181–182]

Из приведенных ниже вариантов перевода первый — черновой, а второй — окончательный.

1	2
Mother, spent with want and weeping, Looked so frail that every night, Nervously my vigil keeping, I would now and then be creeping To her bed — was Mummy sleeping? Was she breathing and all right?	Mother, spent with want and woe, Old at less than forty-five, Made me sick with worry; so, As she lay down, I'd tiptoe Close, to hear her heartbeats slow, Just to know she was alive. (пер. наш. — *Е. У.*)

Студентам предлагается объяснить, почему переводчика не удовлетворил первый вариант.

Во-первых, буквальный перевод первой строки — «изможденная нуждой и слезами» — слишком волен, поскольку, хотя в тексте оригинала есть немало доказательств трагичности ситуации («Брата старшего убили, / И отец уже ослеп. / Все имущество спустили…») , поэт не говорит о слезах. Объективнее перевод первой строки в правой колонке: «изможденная нуждой и горем».

Во-вторых, третья строка черновика ("Nervously my vigil keeping"), хотя и отражает беспокойство мальчика, звучит слишком возвышенно, словно попала сюда из «Ворона» Эдгара По, поэтому по тону никак не сочетается с разговорной эллиптической фразой оригинала: «Ляжет спать — я то и дело: дышит мама или нет?»

И в-третьих, когда студентам предлагается мысленно изъять третью строку, они убеждаются в том, что эта строка избыточна: убрав ее, мы ничего не теряем. Однако такое опущение нарушило бы структуру строфы. Следовательно, необходимо заменять всю строфу.

Добавление оправдано, когда оно, поддерживая ритмику строки, не является «семантической пустышкой» и соответствует «голосу» поэта. Поэтому важно, чтобы студенты научились объективно оценивать уместность или неуместность добавлений в контексте стиха как единого целого. Хочется надеяться, что примером оправданного дополнения могут служить первая и третья строки из перевода стихотворения А. А. Тарковского «За хлеб мой насущный»:

За хлеб мой насущный, за каждую каплю воды
Спасибо скажу,
За то, что Адамовы я повторяю труды,
Спасибо скажу.
За этот пророческий, этот бессмысленный дар,
За то, что нельзя
Ни словом, ни птичьим заклятьем спастись от беды,
Спасибо скажу.
За то, что в родимую душную землю сойду,
в траву перельюсь,
За то, что мой путь — от земли до высокой звезды,
Спасибо скажу.
[Тарковский, 1991, с. 367].

For the relish of bread, pure water *in a crystalline jar*
I am grateful to life.
For toiling like Adam, *for every new blister and scar,*
I am grateful to life.
For the meaningless gift of prophetic perception of fate,
For knowing you can't
By a word or a spell keep away what is looming afar
I am grateful to life.
For the earth that will have me, to come up as grass in the spring,
For the distance to go — from the Earth to the far-away star —
I am grateful to life.
(пер. наш. — *Е. У.*)

Выделенные добавления сохраняют длину и размер строки и развивают заложенный автором образ, особенно образ «адамовых трудов», через детали «мозоли, шрамы». Добавление *"in a crystalline jar"* в какой-то степени интерсемиотично: там, где в фильмах Андрея Тарковского появляется образ Дома (например, «Зеркало», «Солярис»), вводится кадр приоткрытого окна с кувшином воды на подоконнике и с открытой книгой — как символ того, чем жив человек.

Этот перевод связан с еще одной проблемой: можно ли подчинять переводческие решения поиску рифмы? Конечно, переводчик не имеет права «идти на поводу у рифмы» (как это получилось со злосчастной строкой "*Nervously my vigil keeping*"). И все же рифма (как и ее отсутствие там, где она ожидаема) — неотъемлемая часть «формосодержания», поскольку «рифма играет колоссальную роль в эстетическом восприятии перевода» [Беспалова, 2015, с. 21]. В стихотворении «За хлеб мой насущный» именно рифма держит на себе все стихотворение, придавая ему целостность. И в переводе надо было идти от финальной рифмы "star" с ее открытостью и полнозвучием.

Думается, что оправданные замены, добавления, опущения можно признавать как проявления «естественной эквивалентности» [Pym, 2007], поскольку последняя может проявляться не только непосредственно, явно, но и косвенно как неявная эквивалентность. В связи с этим, возможно, стоит расширить список единиц, по которым можно судить об эквивалентности поэтического перевода. Л. С. Бархударов считает проблему единицы перевода одной из сложнейших и спорных в теории перевода, «вплоть до отрицания самой возможности существования такой единицы. Неясно также, каким критерием пользоваться при установлении единицы перевода и из чего при этом исходить… *из элементов языковой формы (структуры) или из элементов содержания ("смысловых единиц")*» (курсив наш. — *Е. У.*) [Бархударов, 1975, с. 174]. В структурном плане наименьшими единицами-носителями текстуального смысла являются, по Л. С. Бархударову, фонемы (графемы) и морфемы, а наибольшей — весь текст [Там же, с. 175—176]. Но с точки зрения семантики (будь то семантика морфемы, слова или фразы) наименьшей (и наиглавнейшей) единицей является сема. А это значит, что мы имеем право говорить о *функциональной эквивалентности семы как смысловой единицы и в тех случаях, когда ее физическим носителем является иное слово и даже иная часть речи*. Так, когда А. А. Тарковский говорит «спасибо» жизни за хлеб насущный, то в контексте этой своеобразной благодарственной молитвы «насущный» значит больше, чем «обеспечивающий выживание», и, следовательно, больше, чем языковой эквивалент "daily bread". «Хлеб» — это то, что после трудов слаще любого лакомства. Эта сема в переводе усилена во фразе "the *relish* of bread" (наслаждение хлебом). Полагаем, что понимание семы как «атома» смысла с точки зрения текстуальной семантики коррелирует с когнитивным анализом поэтического текста: «Разделяя кванты/гранды значения и кванты/гранды смысла, мы стремимся отделить понятийное поле лексемы, выводимое из словарной дефиниции, от концепта, опирающегося на лексему в дискурсивной речевой практике» [Жантурина, Колесникова, 2020, с. 71]. Вероятно, именно подход к смыслу с точки зрения текстуальных изменений семной структуры лексических единиц как «квантов смысла» — более надежный инструмент сопоставления переводов, чем подсчет лексических эквивалентов и опущений. Ведь то, что можно счесть непереведенным смыслом, может объективно присутствовать в тексте перевода в неявном виде. Приведем начальную строфу из стихотворения А. А. Тарковского «Через двадцать два года» (1963), посвященного памяти М. И. Цветаевой:

Не речи, —
нет, я не хочу
Твоих сокровищ — клятв и плачей,—
Пера я не переучу
И горла не переиначу…
[Тарковский, 1969, с. 170–171].

И тот же фрагмент в переводе:

Your idiom?
No, it is futile
To covet your laments and vows.
My pen will not adopt your style,
Nor will my throat your tunes espouse.
(пер. наш. — *Е. У.*)

Студенты быстро находят опущение — не передано важное слово «сокровищ». Но потерян ли его смысл? Сокровище — это что-то настолько драгоценное, что его надо «сокрыть» от других. Сема сокрытия в современном языке ослаблена, а сема «драгоценное» занимает ведущую позицию. И именно она неявно присутствует в глаголе “covet” — жаждать обладания чем-то, что для человека представляет особую ценность.

Заключение

1. Обучение предпереводческому анализу и переводу поэзии может рассматриваться не только как цель, но и как средство развития «чувства слова» у будущих переводчиков в любом виде дискурса за пределами жесткой регламентации текста.
2. Анализ любого фрагмента стихотворения возможен только на фоне всего стихотворения как концептосферы, все элементы которой влияют друг на друга, а слова обретают свое уникальное значение.
3. Сопоставление оригинала и перевода становится более естественным, если студенты приглашаются на «творческую кухню» преподавателя-переводчика и получают возможность сравнить не только «готовый продукт», но и черновик(и) перевода, что позволяет проследить перевод как *процесс* поиска творческих решений.
4. Нет готовых ответов на вопросы типа «Допустимы ли в переводе добавления?» или «Можно ли выстраивать стратегию перевода, подчиняя ее рифме?» и т. п., поскольку каждая переводческая ситуация уникальна.
5. Сема как «атом смысла» не обязательно воплощается на языке перевода в слове-эквиваленте. Она может проявиться в другом слове и даже в иной части речи как «неявная эквивалентность», что дает переводчику бóльшую свободу, но в то же время налагает на него бóльшую ответственность.

Список источников

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. — М. : Междунар. отношения, 1975. — 239 с.
2. Беспалова Н. В. Особенности перевода поэтического текста с русского на английский язык // Перевод в меняющемся мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф. — М. : Азбуковник, 2015. — С. 20–25.
3. Ван Нин. Перевод есенинской поэзии китайскими русистами и тактики решения переводческих проблем // Иностранные языки в высшей школе. — 2016. — Вып. 2 (37). — С. 31–37.
4. Гончаренко С. Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность // Тетради переводчика. — № 24. — URL : http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/poetic-transl.shtml (дата обращения: 14.04.2023).
5. Жантурина Б. Н., Колесникова С. М. Знаки когниции и перцепции русского переводного поэтического текста Эмили Дикинсон “Tell all the truth but tell it slant” // Вестник Московского университета. Сер. 22 : Теория перевода. — 2020. — № 1. — С. 63–76.
6. Золян С. Т. О семиотических характеристиках возможных теорий перевода // Вопросы языкознания. — 2020. — № 1. — С. 65–83.
7. Тарковский А. Вестник. — М. : Сов. писатель, 1969. — 292 с.
8. Тарковский А. Пусть роют щели хоть под воскресенье // Двуязычные, билингвальные книги, английский и русский языки / пер. на англ. А. Вагапов. — URL : http://eng--rus.ru/verses/62-war-poetry-in-english/234-let-them-dig-a-hole-on-resurrection-arseny-tarkovsky/ (дата обращения: 14.04.2023).

9. Тарковский А. Стихи разных лет. — М. : Современник, 1983. — 206 с.

10. Тарковский А. Собрание сочинений : в 3 т. / сост. Т. Озерская-Тарковская. — М. : Худож. лит., 1991. — Т. 1. — 464 с.

11. Шекспир Вильям. Сонеты. Новые переводы Я. М. Колкера. — Рязань : Узорочье, 2005. — 383 с.

12. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — URL : https://knigism.online/secondreader/308740?page=33 (дата обращения: 14.04.2023).

13. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика (структурализм: «за» и «против»). — М., 1975. — С. 193–230. — URL : http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm (дата обращения: 14.04.2023).

14. Shakespeare W. Sonnet 130. My mistress' eyes are nothing like the sun // Английская поэзия. — URL : http://www.eng-poetry.ru/PoemE.php?PoemId=2025 (дата обращения: 14.04.2023), а.

15. Esenin S. Song about a dog // Russian Poems In Translations. — URL : https://ruverses.com/sergey-esenin/the-bitch/8766/ (дата обращения: 14.04.2023).

16. Owe // Online etymology dictionary. — URL : https://www.etymonline.com/word/owe (дата обращения: 14.04.2023).

17. Pym A. Natural and directional equivalence in theories of translation // Target. — 2007. — Vol. 19 (2). — Pp. 271–294.

18. Sandburg C. Limited // Poetry daily. — URL : https://poems.com/poem/limited/ (дата обращения: 14.04.2023).

19. Shakespeare W. Sonnet 29: When, in disgrace with fortune and men's eyes // Poetry foundation. — URL : https://www.poetryfoundation.org/poems/45090/sonnet-29-when-in-disgrace-with-fortune-and-mens-eyes (дата обращения: 14.04.2023), б.

References

1. Barkhudarov L. S. *Yazyk i perevod* [Language and translation]. Moscow, International relations Publ., 1975, 239 p. (In Russian).

2. Bespalova N. V. The peculiarities of translating poetry from Russian into English. *Perevod v menyayushchemsya mire* [Translation in the Changing World]. Proceedings of International theoretical-practical conference. Moscow, Azbukovnik Publ., 2015, pp. 20–25. (In Russian).

3. Wang Ning. Translation of Yesenin's poetry by Chinese russologists and the tactics of coping with translation challenges. *Inostrannye yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2016, iss. 2 (37), pp. 31–37. (In Russian).

4. Goncharenko S. F. Poetic translation and translation of poetry: Constants and variation. *Tetradi perevodchika* [Translator's papers]. No. 24. Available at: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/poetic-transl.shtml (accessed 14.04.2023) (In Russian).

5. Zhanturina B. N., Kolesnikova S. M. The signs of cognition and perception of a Russian translation of Emily Dickinson's poem "Tell all the truth but tell it slant". *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda* [Moscow University Bulletin. Series 22.Theory of translation]. 2020, no. 1, pp. 63–76. (In Russian).

6. Zolyan S. T. On the Semiotic characteristics of possible theories of translation. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of Linguistics]. 2020, no. 1, pp. 65–83. (In Russian).

7. Tarkovsky A. *Vestnik* [Messenger]. Moscow, Soviet Writer Publ., 1969, 293 p. (In Russian).

8. Tarkovsky A. Let them dig a hole on resurrection. *Dvuyazychnyye, bilingval'nyye knigi, angliyskiy i russkiy yazyki* [Bilingualism, bilingual books, English and Russian languages.]. Transl. by A. Vagapov. Available at: http://eng--rus.ru/verses/62-war-poetry-in-english/234-let-them-dig-a-hole-on-resurrection-arseny-tarkovsky/ (accessed 14.04.2023).

9. Tarkovsky A. *Stikhi raznykh let* [Miscellaneous]. Moscow, Contemporary Publ., 1983, 206 p. (in Russian).

10. Tarkovsky A. *Sobraniye sochineniy: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols.]. Comp. by T. Ozerskaya-Tarkovskaya. Moscow, Belles-lettres Publ., 1991, vol. 1. 464 p. (In Russian).

11. Shakespeare William. *Sonety. Novyye perevody Ya. M. Kolkera* [Sonnets (translated by Ya. M. Kolker)]. Ryazan, Uzorochye Publ., 2005, 283 p. (In English and Russian).

12. Eco Umberto. *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedeniye v semiologiyu* [The Absent Structure. An introduction to Semiology]. Available at: https://knigism.online/secondreader/308740?page=33 (accessed 14.04.2023). (In Russian).

13. Jacobson R. Linguistics and Poetics. *Structuralism: "za" i "protiv"* [Structuralism: "For" and "Against"]. Ed. by E. Ya. Basin and M. Ya. Polyakov. Moscow, 1975, pp. 193–230. Available at: http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm (accessed 14.04.2023). (In Russian).

14. Shakespeare W. Sonnet 130. My mistress' eyes are nothing like the sun. *Angliyskaya poeziya* [English poetry]. Available at: http://www.eng-poetry.ru/PoemE.php?PoemId=2025 (accessed 14.04.2023), a.

15. Esenin S. Song about a dog. *Russian Poems In Translations*. Available at: https://ruverses.com/sergey-esenin/the-bitch/8766/ (accessed 14.04.2023).

16. Owe. *Online etymology dictionary*. Available at: https://www.etymonline.com/word/owe (accessed 14.04.2023).

17. Pym A. Natural and directional equivalence in theories of translation. *Target*. 2007, vol. 19 (2), pp. 271–294.

18. Sandburg C. Limited. *Poetry daily*. Available at: https://poems.com/poem/limited/ (accessed 14.04.2023).

19. Shakespeare W. Sonnet 29: When, in disgrace with fortune and men's eyes. *Poetry foundation.* Available at: https://www.poetryfoundation.org/poems/45090/sonnet-29-when-in-disgrace-with-fortune-and-mens-eyes (accessed 14.04.2023), b.

Информация об авторе

Устинова Елена Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Information about the author

Ustinova, Elena — candidate of pedagogic sciences, associate professor, Linguistics and Intercultural Communication department, Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023;
одобрена после рецензирования 12.05.2023;
принята к публикации 15.05.2023.

Submitted 05.05.2023;
approved after reviewing 12.05.2023;
accepted for publication 15.05.2023.

Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 2 (65). С. 64–73.
Foreign Languages in Tertiary Education. 2023;2(65):64–73.

Научная статья
УДК 821.581+ 81’255.4
DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.009

Отражение поэтического наследия Есенина в новодеревенской поэзии Китая начала 1990-х годов

Шань Нина [1],
Ван Синьтун [2]
[1, 2] Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР
[1] shannina686@163.com
[2] emily050350810@163.com

Аннотация. Китайские и российские ученые рассматривали влияние есенинской поэзии на китайскую в целом и на творчество Хай-цзы в частности. Однако отражение поэтического наследия Есенина в новой деревенской поэзии Китая начала 90-х годов XX века пока не полностью изучено. В связи с тем, что современная китайская поэзия обладает жанровым и стилистическим разнообразием, авторы статьи предприняли попытку перевести пять стихотворений посредством верлибра — стиха со свободной рифмой, то есть как с рифмой, так и без нее. Актуальность предлагаемого исследования обусловлена необходимостью осмысления практических путей перевода современной новодеревенской поэзии на русский язык.

Ключевые слова: Есенин, новодеревенская поэзия, перевод.

Для цитирования: Шань Нина, Ван Синьтун. Отражение поэтического наследия Есенина в новодеревенской поэзии Китая начала 1990-х годов // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 2 (65). С. 64–73. DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.009.

Original article

Yesenin’s poetic heritage and its impact on the new “rustic” Chinese poetry of early 90s

Shan Nina [1],
Wang Xintong [2]
[1, 2] Changchun University, Changchun, China
[1] shannina686@163.com
[2] emily050350810@163.com

Abstract. Both Chinese and Russian scholars studied the influence of Sergei Yesenin’s poetic heritage on Chinese poetry in general and the works of Hai Zi, in particular. Yet little attention has been so far given to the spiritual connection between Yesenin’s poetic world vision and that of the modern representatives of the so-called “rustic” poetry. The paper traces the influence of Yesenin on the inherent qualities of modern “rustic” Chinese poetry — on its thematic scope, imagery, tonality. Since modern Chinese poetry is characterized by genre and style variations, the paper offers five vers libre translations of well-known contemporary Chinese poets. The article is expected to draw attention to the necessity of looking for adequate ways of rendering in Russian the philosophic and emotional impact of modern “rustic” poetry and its tonality.

Keywords: Yesenin, new “rustic” Chinese poetry, Yesenin’s motifs, “amphibian people”, minimalism, translation.

For citation: Shan Nina, Wang Xintong. Yesenin’s poetic heritage and its impact on the new “rustic” Chinese poetry of early 90s. *Inostrannye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 2023; 2(65):64–73. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2023.65.2.009.

Введение

С 1978 по 2006 год в Китае были переведены почти все стихотворения С. А. Есенина. Ли Цянь описывает историю перевода поэзии Есенина и публикаций исследований творчества поэта в Китае [Ли Цзянь, 2022]. Современная китайская поэзия переводилась Т. К. Савченко в непосредственном

© Шань Нина, Ван Синьтун, 2023

взаимодействии с китайским автором Вэй Сюншэн в статье «Поэты — все единой крови» [Савченко, Вэй, 2015]: Есенин и Китай», где освещается история знакомства китайского читателя с есенинской поэзией и рассматриваются первые переводы произведений Есенина на китайский язык. Изучается также роль ведущих символов в лирике поэта как объект восприятия текста и художественного перевода [Ван Цзиньлин, 2021]. В свою очередь следует отметить влияние поэзии Сергея Есенина на творчество китайского поэта 1980-х годов Хай Цзы, который в своих стихах говорил о неуютности существования человека, вырванного из патриархального мира природы. В одном из стихов он назвал себя китайским Есениным. Е. М. Болдырева в статье «Хай Цзы — китайский Есенин: танатологическая поэтика и роман со смертью» [Болдырева, 2021] рассматривает творчество китайского поэта Хай Цзы как пример духовного и художественного влияния творчества Есенина на современную китайскую поэзию.

Поэзия Есенина оказала влияние на многих поэтов, любящих деревню и идиллию. Для этих поэтов, живущих во все более механизированном мире, сельская местность Есенина была уже не материальной деревней, а духовным очагом. Новая деревенская поэтическая школа — это поэтическое движение, инициированное Цзян Ди, Пэн Голяном, Чэнь Хуэйфаном и другими поэтами из провинции Хунани в 1987 году. Основываясь на художественной технике изображения местных условий, новая деревенская поэтическая школа создала свой собственный стиль поэзии, используя местную деревенскую культуру в качестве духовного источника поэзии.

Хай-цзы как самый талантливый и популярный представитель крестьянской поэзии Китая наиболее ярко воплотил в своем творчестве поэтические традиции Есенина. Хай-цзы считается основоположником новодеревенской поэзии Китая. Его деятельность продолжили талантливые последователи — Чэн Хуэйфан, Пэн Яньцзяо и Цзян Ди, ставшие лидерами нового литературного направления. Эти деревенские поэты по-своему применили достижения Есенина в отображении уникальности и неповторимости деревенского быта и сельской жизни, фундаментальных противоречий между индустриальным характером современной эпохи и традиционным сельским укладом, разрешимых только на пути достижения гармонии между природной средой и современным техническим строем китайского общества.

Что же конкретно взяли в свой поэтический багаж из творческого наследия Есенина эти новые деревенские поэты Китая?

Особое место в лирике Есенина занимают образы животных, которые наделены абсолютно всеми человеческими качествами, в том числе им присущи и человеческие проблемы, одной из которых является состояние материнства. Для решения поставленных поэтических задач автор использует *принцип антропоморфизма*. В строках его стихотворений всплывает образ коровы — важной части деревенской жизни, символизирующий деревенский быт.

Яркий представитель китайской новой деревенской поэзии Пэн Голян в 1998 году создал свое знаменитое стихотворение «Бык в городе», где талантливо использовал есенинский поэтический образ деревенского быка.

进城的公牛，彭国梁 (1998)

也许是历史的玩笑反正它进城来了
慢慢吞吞 大摇大摆
什么红绿灯斑马线中意冰箱
罚款五块什么七七八八的布
飘下来
飘下来
屁股有点痒
在一个岗亭的敏感部位擦几下

岗亭就东倒西歪
走进牛奶店
发现一群优雅的男女
转瞬
就成了小公牛和小母牛

吸奶的姿式
纯属无赖
一排排老母牛的乳房装饰的门面
有一种冲动
让它的尾巴感觉不自在

电梯在它庞大的身躯面前
失去了所有的功能
漫步宴会厅
舔舔那些转转桌子上的山珍海味
觉得还不如田埂上的草
有滋有味
它跑到一个铺地毯的虚伪里
放了几个响屁
就听见一个扭来扭去的歌星在唱
掌声响起来

与门卫握握手
参观参观动物园
一个又一个笼子
密不透风的铁栏杆
豺狼虎豹熊鸟脚鸡失去沙漠
的骆驼不三不四的猴子河马蛇
找来找去
没有自己的同类
它像一个伟大的哲学家
低着头
惶惑 徘徊

[陈惠芳，江堤 [Чэнь Хуйфан, Цзян Ди], 2000, 131].

Пэн Голян. Бык в городе (1998)

Это, может, ирония истории,
Он все-таки вошел в город,
Медленно и самоуверенно.
Какой-то светофор, «Зебра», холодильник *Zhongyi*,
5 юаней штрафа, какая-то ткань плывет
Вниз,
Вниз.
Зад несколько зудит.
Потерся чувствительным местом о сторожевую будку —

И будка развалилась на части.
Он зашел в молочный магазин,
Где увидел элегантных мужчин и женщин,
Мгновенно
Они стали бычками и телочками,

Которые сосали молоко.
Ну не хамство ли:
Изображения вымени старых коров на фасаде
Заставили хвост почувствовать себя неуютно.

Лифт потерял свою функцию
Перед его огромным телом.
Он гулял по банкетному залу,
Пробовал изумительные деликатесы на столах,
Но, по его мнению, они по вкусу уступали траве на обочине.
Он бросился в лицемерный мир с ковром,
Выпустил газы.
Только слышно, как кружащаяся певица
Поет «Аплодисменты».

Пожав руку охранника,
Посетил зоопарк.
Одна клетка за другой,
Крепкие металлические ограды.

Хищные звери, медведи, птицы,
Верблюды, потерявшие пустыню.
Искал! Искал!
Не нашел своего места.
Опустил голову
Он, как великий философ,
Заметался и засомневался.
(пер. Ван Синьтун)

В начале 1990-х годов холодильники *Baiyun* и *Zhongyi* из Хунани были лидерами китайской индустрии бытовой техники. В то время годовой объем продаж холодильников *Baiyun* превышал 500 тыс. единиц, а продажи холодильников *Zhongyi* занимали четвертое место в аналогичной отрасли в Китае. «Аплодисменты» — это песня, исполненная Фэн Фэйфэй, которую впоследствии исполняли многие певцы.

Как и Есенин, Пэн Голян использовал принцип антропоморфизма, наделив своего героя человеческими качествами. Китайский поэт берет первоначально поэтический образ деревенского быка, но помещает его в городские условия, чем наполняет образ новым содержанием, решая свои конкретные задачи. У него бык становится воплощением китайского крестьянина, ринувшегося в поисках счастливой жизни в промышленный город, попавшего в городские реалии, познавшего городскую жизнь, попробовавшего все стороны ее, светлые и темные, но не нашедшего там свой жизненный идеал и тоскующего о потерянной деревенской родине как о некоем божественном рае, сакральной земле своих предков, где только и возможны истинное счастье и умиротворение. Так происходит диалектическое наполнение есенинского образа русской деревенской коровы новым национальным историческим содержанием, и перед читателем возникает образ быка, символизирующего китайского крестьянина. Поэтому главная проблема, волнующая представителей новой крестьянской поэзии, — это проблема многомиллионных крестьянских масс эпохи чугуна и стали, попавших в городские условия, но не ставших по-настоящему городскими жителями, в головах которых истинным, хотя бы духовным прибежищем остались традиционная деревенская жизнь и ее нравственные идеалы. Это те люди, которых образно назвали в Китае «людьми-амфибиями». Есенинское происхождение образа деревенского быка у Пэн Голяна еще в 2001 году отметил китайский литературовед Пэн Яньцзяо, говоря, что «в творчестве Пэн Голяна в стихотворении “Бык в городе” звучат подлинно есенинские мотивы любви к родной земле, деревенскому быту» [彭燕郊 [Пэн Яньцзяо], 2001, 75].

Важной составной частью *темы странничества, бродяжничества, скитальчества* становится тесно связанная с ней и прямо вытекающая из нее *тема возвращения на родину*. Если в ранний период у Есенина эта сторона не проявлялась, то, начиная с 1920-х годов, она возникает с нарастающей силой и усиливается ближе к финальной части его жизненного и творческого пути. Написанный в 1924 году рубежный цикл стихотворений «Возвращение на родину», «Русь советская», «Русь уходящая» становится не только своего рода подведением итогов прожитой поэтической жизни, но и поэтическим манифестом мировоззренческого оптимизма. Действительно, деревенская родина стала для Есенина местом истинного духовного пристанища, где он вновь черпал вдохновение и поэтические силы для будущих времен.

Есенинский мотив возвращения на родину для обретения покоя и умиротворения в поисках духовного пристанища, духовного убежища привлек пристальное внимание китайских поэтов — видных представителей новой деревенской поэзии, которые на базе творческого использования этого подхода создали целый ряд произведений, аналогичных есенинскому. В конце 1990-х годов Цзян Ди написал два стихотворения, посвященных теме возвращения на родину:

回家， 江堤 (1996)

梦断天涯我寻找炊烟中的故乡
熙熙攘攘的城市找不到生我养我的村庄
望见白菜就看见父亲和英雄
看见大米就想起母亲和芹香
我曾经生活在中国湖南衡阳
住在山水乡盛产木瓜的地方
多少次我听别人的歌独自流泪
可别人不知道我叫江堤
也不知道我也想回家
[陈惠芳， 江堤 [Чэнь Хуйфан, Цзян Ди], 2000, 55].

Цзян Ди. Домой (1996)

Во сне я искал родину в кухонном дыму по всему миру,
Но в оживленном городе не нашел мою деревню, где я родился и вырос.
Увижу ли я капусту и своего отца, своего героя,
Увижу ли я рис и свою мать и вспомню ли я запах сельдерея?
Я жил в Китае, в округе Хюнъян провинции Хунань,
Где много гор и рек и богат урожай папайи.
Сколько раз я плакал от чужих песен,
Но никто не знает, что меня зовут Цзян Ди,
Я так хочу домой.
(пер. Ван Синьтун)

Другой видный представитель новой деревенской поэзии, Пэн Голян, создал характерное стихотворение с говорящим названием «В городе, в деревне», отражающим двойственное положение многочисленного слоя «людей-амфибий».

在城里，在乡里， 彭国梁 (1986)

在城里，我穿得再洋，他们总说有点土气
在乡里，我穿得再土，他们总说有点洋气

在城里，有时我就是金字塔石森林
就是长江黄河的发源地
在乡里，我却可以号称摩天楼立交桥
号称他们怎么也弄不清的神秘

在城里，人们喜欢我憨憨的纯朴
在乡里，人们则接慕我不像他们那么拘泥

在城里，在乡里
我都是一个新鲜的命题
[陈惠芳，江堤 [Чэнь Хуэйфан, Цзян Ди], 2000, 129].

Пэн Голян. В городе, в деревне (1986)

В городе, даже если ли бы я одевался стильно,
На взгляд горожан выглядел бы не очень модно.
В деревне, если ли бы я одевался не совсем модно,
На их взгляд, был бы очень стильным.
В городе я представляю собой символ Янцзы и Хуанхэ,
В деревне меня называют небоскребом,
Мистикой, которую они никак не понимают.
В городе люди любят мою искренность и простоту,
В деревне люди завидуют моей непринужденности.
И в городе, и в деревне
Я совершенно новый тип человека.
(пер. Ван Синьтун)

В воспоминаниях И. Розанова 1921 года приводится глубоко личное высказывание Сергея Есенина о духовной основе его поэтического искусства: «Моя лирика жива одной большой любовью — любовью к родине. Чувство родины — основное в моем творчестве» [Отчее слово … , 1968, с. 10]. В «Исповеди хулигана» он громогласно декларирует: «Я люблю родину. Я очень люблю родину!» Россия, родина, крестьянская Русь стали для Есенина началом всех начал, недаром он сформулировал свою поэтическую максиму: «Нет поэта без родины». Есенинская любовь к родной земле естественна как

безбрежное первоначало древних народов. Этим чувством освящено и каждое его стихотворение, и вся есенинская поэзия в целом. Она стала природной философией жизни, а потому выполняет роль ключа от входной двери в мир есенинской поэзии. Приняв чувство родины основным источником поэтического мироощущения Есенина, мы явственно постигаем масштабы его любви к ней: первоначально — в размерах крестьянской избы, потом она вырастает до размеров села, и в заключительной стадии — до размеров страны, полевой и деревянной Руси.

В «Исповеди хулигана» Есенин конкретизирует свое чувство любви к деревенской родине, используя символические образы деревенской жизни и деревенского быта: «Приятны мне свиней испачканные морды / И в тишине ночной звенящий голос жаб»; «Так хорошо тогда мне вспоминать / Заросший пруд и хриплый звон ольхи, / Что где-то у меня живут отец и мать». Да, безусловно, корни поэзии Есенина — в рязанской деревне. С нескрываемой гордостью говорит он о своем крестьянском происхождении в стихотворении «Мелколесье. Степь и дали»: «У меня отец — крестьянин, ну, а я — крестьянский сын».

Чувство глубокой любви к деревенской родине пронизывает и стихотворение Чэнь Синьдуна «Есенин, сохрани одно истинное семя», где лирический герой в лице автора напрямую обращается за поэтической помощью к Сергею Есенину. Лирический герой стихотворения — китайский поэт, создающий стихотворные строки, полные беззаветной любви к родине, но страдающий от творческого бессилия воплотить это чувство. Только поэтический гений Есенина, создавший эталонные образцы любви к родной русской деревне, может помочь китайскому поэту выразить свою любовь к китайской деревне. И зов — «Есенин, открой свою деревенскую поэтическую дверь» — с надеждой воспринят всеми, кто был по жизни бродягой и скитальцем и кто готов в своей любви к родному краю создать достойные образцы лирической деревенской поэзии. В этом поэтическом процессе главным элементом становится «истинное зерно» — ядро поэтического дара, хранителем которого является Есенин. Образ «истинного зерна» олицетворяет природный поэтический потенциал деревенской поэзии, питаемый «от сердца, леса и темной ночи».

请保留一粒真实的种籽，陈新东 (1992)

在这只有秋虫歌唱的午夜
我听到爱情离去的脚步声
这个时别
我再次感受了
爱情无法进入诗歌的痛苦

我难以放弃这个季节
虽然这个季节我已一无所有
我的啜泣
已溢出杯外
成为一条爱情的河流
从不枯竭

（叶赛宁，请在我痛苦的日子
启开你乡村的诗歌之门
和我们期盼的爱情之门）

我爱情的鲜血
洞穿了心脏、树林和这深深的黑夜
我看见它美丽如飘雨的姿式
进入我流浪的诗行

（叶赛宁，请保留一粒真实的种籽
在春天到来之际
用我的鲜血和泪水
育出一朵鲜艳的花）

[彭国梁，江堤，陈惠芳 [Пэн Голян, Цзя Ди, Чэнь Синьдун], 1992, 173].

Чэнь Синьдун. Есенин, сохрани одно истинное семя (1992)

В полночь сверчок пел,
Я слышал шорох шагов уходящей любви.
В этот момент
Я почувствовал страдание от того,
Что любовь не может воплотиться в мое стихотворение.
Мне от этого больно.

Мне трудно проститься с этим временем года,
Хотя там у меня ничего не осталось.
Мои рыдания
Выплеснулись из чаши
В реку любви,
Которая никогда не иссякнет.

Есенин, открой свою деревенскую поэтическую дверь,
Ту дверь к любви, которую мы ждем с надеждой.

Кровь моей любви
Пронзила сердце, лес и эту глубокую темную ночь.
Я вижу ее прекрасной, как моросящий дождь.
Войди в строки моей блуждающей поэзии!

Есенин, сохрани для меня одно истинное семя,
Тогда, с наступлением весны,
Вырастут красивые цветы
Из моей крови и моих слез.

(пер. Ван Синьтун)

Есенинскими мотивами наполнено стихотворение Чэнь Хуэйфана «Моя есенинская душа». Его стихотворные строки напрямую перекликаются с есенинскими образами. Так, он цитирует стихотворение «Я последний поэт деревни», создавая образ поэтического гения русской лирики в качестве действующего лица своего произведения. Из «Исповеди хулигана» он берет образ «деревенского озорника», который «каждой корове с вывески мясной лавки кланяется издалека». Трагический жизненный финал русского поэта Чэнь Хуэйфан объясняет неразрешимыми противоречиями города и деревни, ведь духовные ценности патриархальной русской «деревни, разрушенной сталью и заводским гудком, домашний скот, совесть и мечта открыто продаются в городе» [Чэнь Хуэйфан, Цзян Ди, 2000, 290]. Китайский поэт глубоко сожалеет о «несчастном, но благородном» талантливом поэте, цитируя финальные строки есенинского стихотворения «До свиданья, друг мой, до свиданья». Общность происхождения, общность проблем объединяют поэтических собратьев, наполняя их единой духовной сущностью. Это позволяет Чэнь Хуэйфану с гордостью говорить о своей есенинской душе.

Однако другой исторический период конца XX века создал для Китая острую духовную проблему «людей-амфибий» — горожан крестьянского происхождения, сохранивших традиционные крестьянские ценности и в духовной жизни не нашедших своего места в городских условиях. Для них стал важен поиск и выработка идеального места духовного пристанища. Новая деревенская поэзия указала направление этого пути, подразумевающее возврат к традиционным идеалам и ценностям крестьянского уклада китайской цивилизации. Чэнь Хуэйфан увидел в этом и сходство с есенинским духовным путем. Именно поэтому он объявляет о своей есенинской душе, о своем духовном крестьянском родстве, однако при этом вносит важный новый социальный мотив. В заключении стихотворения он создает образ «деревенской чашки с изысканной городской едой», от стука которой содрогаются и город, и все цивилизационные устои. Это проявление мощи и значения многомиллионных масс горожан крестьянского происхождения позволяет ему объявить, что они, «люди-амфибии», наполненные есенинской душой и объединенные крестьянским происхождением, стали фундаментом, «краеугольным камнем города».

与叶赛宁对话, 陈惠芳 (1992)

在莫斯科郊外的一座东方城市
我与叶赛宁不期而遇
基督和猫一左一右蹲在他的肩头
“我是最后的乡村诗人”
他大声说道，然后使着怪异的眼色
而此时，我正沿着辉煌的街道
穿过股市和泥泞的小巷，走向城市与乡村的结合部

固执而深情，这位天才的诗人
在莫斯科街头
向挂在肉店的牛头脱帽行礼
被钢铁、汽笛切割的田园
以及在城市公开抛售的畜牲、良心和梦
从他的胸腔一齐呕出
充满腐败而芳香的气息
叶赛宁，可怜而高贵的夭亡者
“死并不新鲜
可是活着也不是一件新鲜的事”

叶赛宁，我的异国兄弟
用马蹄、用鸡冠、用牛角写诗的乡村之子
被城市逼到了地狱的门口
而我乘着快车
迅速地从城乡结合部抵达闹市
所有的餐馆，又添上了许多华美的座椅
郊外的饲养者源源不断地向城市涌来

二十世纪末，一位三十岁的中国诗人
用乡村的土碗盛着城市的精美食物
不断地敲击边缘，那种两栖人的危险地带
犀利的缺口，决堤的城市和文明
丁当作响

我据守城市的一角
叶赛宁的粗布短靴走遍我的体内
不着一丝痕迹

[陈惠芳，江堤 [Чэнь Хуэйфан, Цзян Ди], 2000, 290].

Чэнь Хуэйфан. Моя есенинская душа (1992)

Мы встретились с Есениным
В китайском городе, что под Москвой.
Христос и кошка сидели слева и справа у него на плечах.
«Я — последний поэт деревни», —
Он громко говорил, а затем подмигнул.
И в это время я шел по прекрасной улице
Через фондовые биржи и грязные переулки на границу деревни и города.

Этот талантливый поэт
На улице Москвы
упорно и с глубоким чувством кланялся бычьей голове,
Подвешенной в мясной лавке.
Деревня, разрушенная сталью и заводским гудком,
Домашний скот, совесть и мечта,
Которые открыто продаются в городе,
Как выдох из его груди
С запахом тления — и благоухания.

Есенин, умерший в молодом возрасте,
Несчастный, но благородный.
«В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей».

Есенин — мой русский брат,
Он — сын деревни,
Воспел в своей поэзии крестьянский скот,
Но загнан был в ад городами.
И я приехал быстро в город
Из пограничья.
Все рестораны, с гораздо более роскошными креслами.
В город хлынул постоянный поток фермеров из пригородов.

В конце XX столетия тридцатилетний китайский поэт
Стучал в городе, месте, опасном для людей-амфибий,
Деревенской чашкой с городской изысканной едой,
А содрогающиеся город и цивилизация отзывались.
Я, наполненный есенинской душой,
Стал краеугольным камнем города.
(пер. Ван Синьтун)

Заключение

Многие современные китайские поэты используют рифму и другие свойственные поэзии приемы в своих стихах, но, как правило, выражено это через интонацию, скрыто внутри текста. Сложность и интеллектуальная насыщенность соседствуют здесь с минимализмом и разговорным стилем байхуа, метафизика — с документальной точностью, а внимание к повседневной жизни — с философской глубиной [«Темный путь стихотворной строки…» … , 2018]. Перевод современной китайской поэзии, вдохновленной Есениным, на русский язык облегчен сопоставимым поэтическим мировоззрением, и в то же время он усложнен типично китайскими культурными ассоциациями с фоновыми знаниями. В стихах новодеревенской поэтической школы обычно отсутствуют знаки препинания, но в переводе мы их добавили.

Рассматривая эти произведения китайских поэтов, мы понимаем, что, созданные в другую историческую эпоху и на другой национальной почве, стихи несут мироощущение совершенно определенного социального слоя городского населения, рекрутированного из крестьянской среды — так называемых «людей-амфибий». Не утратив после долгих лет жизни в городе своих природных крестьянских духовных корней, они привержены стремлению искать духовное пристанище в изначальных, патриархальных устоях китайской цивилизации. Поэтому возврат на родину, даже в чисто духовном отношении, является для них закономерным шагом всего жизненного процесса. Противоречие города и деревни разрешается в их понимании достижением разумного баланса между природой и цивилизацией, стоит только сделать важный шаг к соблюдению законных интересов природной сферы, наиболее полно зафиксированных в деревенском строе жизни, иначе начинается спонтанный процесс ее протеста в виде природных катаклизмов — катастроф, землетрясений, наводнений, засухи, града, ураганов, торнадо и мировых эпидемий.

Список источников

1. Болдырева Е. М. Хай Цзы — китайский Есенин: танатологическая поэтика и роман со смертью // Вестник Костромского государственного университета. — 2021. — Т. 27, № 4. — С. 151–161.
2. Вань Цзиньлин. Образ березы в поэзии Есенина: предпереводческий анализ и перевод на китайский язык // Иностранные языки в высшей школе. — 2021. — Вып. 1 (56). — С. 35–45.
3. Ли Цянь. Поэзия С. А. Есенина в Китае // Евразийский гуманитарный журнал. — 2022. — № 3. — С. 86–92.
4. Отчее слово. Сергей Александрович Есенин / сост. С. Кошечкин. — М. : Сов. Россия, 1968. — 625 с.
5. Савченко Т. К, Вэй Сюншен. «Поэты – все единой крови»: Есенин и Китай // Современное есениноведение. — 2015. — № 2 (33). — С. 9–15.

6. «Темный путь стихотворной строки…». Из новейшей китайской поэзии. Переводы. Вступление Натальи Азаровой // Иностранная литература. — 2018. — № 10. — С. 3–13.

7. 彭国梁，江堤，陈惠芳。家园守望者–武汉：湖南日报社. 1992. 330 [Пэн Голян, Цзя Ди, Чэнь Синьдун. Хранители родины.—Хунань : Изд-во «Лит. газ. Гонконга», 1992. — 330 с.].

8. 彭燕郊。读彭国梁近作// 书屋 北京. 2001. 第2卷 72－78 [Пэн Янцзяо. Яркие впечатления после прочтения произведений Пэн Голяна // Книжный дом (Пекин). — 2001. — Т. 2, № 2. — С. 72–78].

9. 陈惠芳，江堤。 新乡土诗歌诗选 —— 湖南，湖南文艺出版社. 2000. 399 [Чэнь Хуэйфан, Цзян Ди. Литературный сборник произведений новой деревенской поэзии. — Хунань : Изд-во «Лит. и искусство Хунаня», 2000. — 399 с.].

References

1. Boldyreva E. M. Hai Zi — Chinese Yesenin: tanatological poetics and “romance with death”. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Kostroma State University Herald]. 2021, vol. 27, no. 4. pp. 151–161. (In Russian).

2. Wang Jinling. The Image of the Birch in Esenin’s Poetry: Pre-Translation Analysis and Translation into Chinese. *Inostrannye yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education], 2021, iss. 1 (56), pp. 35–45. (In Russian).

3. Li Jian**.** Sergei Yesenin’s poetry in China. *Yevrasiyskyi gumanitarnyi zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2022, no. 3, pp. 86–92. (In Russian).

4. *Otchee slovo. Sergei Alexandrovich Yesenin* [Parental word. Sergei Alexandrovich Yesenin]. Compiled by S. Koshechkin. Moscow, Soviet Russia Publ., 1968, 625 p. (In Russian).

5. Savchenko T. K., Wei Xiongsheng. “Poets are of the same blood”: Yesenin and China. *Sovremennoye eseninovedeniye* [Modern Studies of Yesenin]. 2015, no. 2 (33), pp. 9–15. (In Russian).

6. “The Obscure Way of a Poetic Line…”. From Contemporary Chinese Poetry, Translations. Introduction by Natalia Azarova. *Inostrannaya literatura* [Foreign literature]. 2018, no. 10, pp. 3–13. (In Russian).

7. 彭国梁，江堤， 陈惠芳。 家园守望者–武汉：湖南日报社. 1992. 330 [Peng Guoliang, Jiang Di, Chen Huifang. *The Guardians of Motherland*. Hunan, Hunan Ribao Publ., 1992, 330 p.]. (In Chinese).

8. 彭燕郊。读彭国梁近作。 书屋 北京. 2001. 第2卷 72－78 [Peng Yanjiao. *Vivid impressions after reading the works of Peng Guoliang*. Beijing, Book House Publ., 2001, vol. 2, no. 2, pp. 72–78]. (In Chinese).

9. 陈惠芳，江堤。 新乡土诗歌诗选 —— 湖南，湖南文艺出版社. 2000. 399 [Chen Huifang, Jiang Di. *An Anthology of New Rustic Poetry*. Hunan Province, Human Literature and Art Publ., 2000, 399 p.] (In Chinese).

Сведения об авторах

Шань Нина — профессор, заместитель директора по научной деятельности Института международного образования Чанчуньского университета.

Ван Синьтун — старший преподаватель Института международного образования Чанчуньского университета.

Information about the authors

Shan Nina — professor, deputy head for research, Institute of International Education, Changchun University.

Wang Xintong — senior teacher, Institute of International Education, Changchun University.

Статья поступила в редакцию 22.04.2023;
одобрена после рецензирования 03.05.2023;
принята к публикации 11.05.2023.

Submitted 22.04.2023;
approved after receiving 03.05.2023;
accepted for publication 11.05.2023.

Требования к публикациям и правила представления рукописей авторами

(The Requirements for publication are also available in English at: http://fljournal.rsu.edu.ru/en/)

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина».

Журнал «Иностранные языки в высшей школе» выходит с 2004 года с периодичностью (с 2009 года) — один раз в три месяца.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 20 марта 2018 года. ***Регистрационный номер ПИ № ФС 77-72456.***

Подписной индекс журнала — № 55170 в каталоге «Объединенный каталог Пресса России».

Журналу присвоен международный стандартный серийный номер (ISSN) 2072-7607.

Журнал с 1 декабря 2015 года ***входит в перечень рецензируемых научных изданий,*** в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций по филологии (языкознание) на соискание ученой степени кандидата наук и на соискание ученой степени доктора наук.

Публикации бесплатны, при этом учредитель ограничивает количество печатных экземпляров, обеспечивая только обязательную рассылку и рассылку по подписке. Авторам бесплатно высылается электронный макет журнала, подготовленный к отправке в НЭБ (РИНЦ). Желающие приобрести печатный экземпляр могут заблаговременно оформить подписку на соответствующий квартал.

Журнал принимает статьи по методике преподавания иностранных языков, если исследование содержит лингвистическую составляющую, напр.: 5.9.8. Исследование языковых и речевых нарушений. Язык в контексте культуры. Лингвистика языка и лингвистика речи. Речевая деятельность и использование языка.

Значительное внимание уделяется проблемам теории и практики перевода, в том числе художественного перевода.

Список специальностей научных статей, публикуемых в журнале «Иностранные языки в высшей школе»

5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика»

5.9.6. «Языки народов зарубежных стран» (германские языки, романские языки, китайский язык).

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных авторов на русском языке или на английском как языке межнационального общения. В порядке исключения возможна публикация на других ведущих европейских языках — немецком или французском.

Условия и порядок приема публикаций

1. Редакционный совет принимает к публикации статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости и соответствующие тематике журнала. Научные статьи направляются на независимую экспертизу и при положительном заключении, являющемся основанием для публикации, включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.
2. К публикации принимаются научные статьи, соответствующие этическим принципам опубликования научных работ (см. раздел на сайте www.fljournal.rsu.edu.ru «Этика научных публикаций»).
3. Авторами статей могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.
4. Для аспирантов и соискателей кандидатских диссертаций обязательно наличие отзыва научного руководителя.
5. Сведения об авторах представляются на русском и английском языках:

- фамилия, имя, отчество автора (полностью; буква «ё» не должна заменяться на «е»);
- ученая степень, звание, должность, место работы без сокращений (с точным, официальным названием кафедры, вуза, страны); для аспиранта либо соискателя — место учебы (кафедра, вуз), отрасль науки и специальность предполагаемой защиты;
- наличие правительственных званий, относящихся к профессии (например, заслуженный работник высшей школы РФ);
- приблизительное количество научных публикаций (монографий, учебно-методических пособий, статей);
- основные направления научных исследований;
- средства оперативной связи в процессе подготовки статьи к печати: личная электронная почта, мобильный телефон, при наличии — WhatsApp (личные данные, кроме электронной почты, в журнале не публикуются).

6. Статьи должны быть оформлены в строгом соответствии с техническими требованиями.
7. Статьи присылаются по электронной почте на адрес e.ustinova@365.rsu.edu.ru, с копиями на адреса: e.ustinova.rsu@yandex.ru и e.ustinova.rsu@gmail.com. Отзыв научного руководителя (для аспирантов и соискателей) присылается по почтовому адресу: 390000, Рязань, ул. Свободы, д. 46, Рязанский государственный университет, Институт иностранных языков, Устиновой Елене Сергеевне. Электронный вариант отзыва научного руководителя присылается вместе со статьей как приложение в формате, воспроизводящем подпись и печать.
8. Окончательное решение о приеме научной статьи к публикации принимается редакционным советом журнала «Иностранные языки в высшей школе». Извещение о решении редакционной коллегии направляется автору.

Требования к оформлению статей

1. *Индекс УДК.* Для публикации статье должен быть присвоен классификационный индекс универсальной десятичной классификации.
2. *Название статьи* (на русском и английском языках) пишется строчными буквами, с использованием заглавных только там, где это необходимо, по возможности без аббревиатур и сокращений.
3. *Аннотация* (на русском и английском языках) объемом 100—300 слов, по возможности без аббревиатур и сокращений. Аннотация должна отражать цель исследования, его новизну, суть авторского видения проблемы, основные положения, выдвигаемые автором, и результаты. Англоязычная аннотация может представлять собой перевод русскоязычной аннотации, но может быть и более развернутой, чтобы создать у читателей, не владеющих русским языком, более полное впечатление о сути исследования и его результатах.
4. *Ключевые слова* (на русском и английском языках). Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, по возможности не повторять термины заглавия и аннотации, использовать термины из текста статьи, а также термины, определяющие предметную область и включающие другие важные понятия, которые позволяют облегчить и расширить возможности нахождения статьи средствами информационно-поисковой системы. Минимальный объем — 10 ключевых слов; ключевое словосочетание не должно превышать 5 слов. Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой (;). Недопустимо использование любых аббревиатур и сокращений.

5. *Текст статьи*. Рекомендуется деление статьи на основные части с помощью подзаголовков. Все аббревиатуры и сокращения должны быть развернуты при первом использовании. Недопустимо использование расставленных вручную переносов. Объем статьи с учетом информативности текста может варьироваться от 0,3 до 1,0 авторского листа, или от 12 до 40 тыс. знаков. В зависимости от материала произведения 1 авторский лист равен: для прозаического текста — 40 тыс. печ. знаков, для стихотворного текста — 700 строк, для изобразительного материала — 3 тыс. $см^2$ площади изображений. Текст статьи следует оформлять в 1,5 интервала при шрифте 14 Times New Roman стилем «Строгий» Microsoft Office Word. Редакционный совет оставляет за собой право сокращать статью (по согласованию с автором) или рекомендовать автору расширить статью.

6. *Таблицы и рисунки.* Каждый рисунок должен быть пронумерован, подписан и сгруппирован (то есть не «разваливаться» при перемещении и форматировании). Таблицы и рисунки должны иметь порядковую нумерацию, при этом нумерация рисунков и таблиц ведется раздельно. В тексте статьи на таблицы и рисунки обязательно должны быть отсылки.

7. *Список использованной литературы (источников)* оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

7.1. Чтобы все авторы публикации были учтены в системе цитирования, в библиографическое описание необходимо вносить всех авторов.

7.2. Недопустимо сокращать название статьи, книги, отечественного журнала, кроме тех случаев, когда сокращение имеется в предписанном источнике информации. Название англоязычных журналов следует приводить в соответствии с общепринятыми сокращениями.

7.3. В периодических или продолжающихся изданиях указывается текущий номер и (в скобках) валовой, то есть номер с момента основания издания.

7.4. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть цифровой идентификатор (Digital Object Identifier — DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. В этом случае электронный адрес опускается.

8. *Библиографическая ссылка* оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

8.1. Приветствуется наличие ссылок на иноязычные публикации зарубежных исследователей.

8.2. При ссылках на электронные ресурсы следует указывать дату обращения.

8.3 Ссылки на Википедию недопустимы.

9. *References.*

9.1. Список использованной литературы на латинице (References) составляется в порядке, полностью идентичном русскоязычному варианту.

9.2. При описании изданий без авторов (коллективных монографий, сборников, материалов конференций) указывается отв. редактор (под редакцией), но не более двух.

Ниже приведены примеры описания использованных источников (литературы) и References.

Книги, монографии

Список литературы	References
Несколько авторов	
Железняк Ю. Д., Петров П. К. Основы научно-методической деятельности в физической культуре и спорте : учеб. пособие для вузов. — Ростов н/Д : Академия, 2002. — 264 с.	Zheleznyak Iu. D., Petrov P. K. *Osnovy nauchno-metodicheskoy deyatel'nosti v fizicheskoy kul'turei sporte* [Bases of scientific and methodical activity in physical culture and sport]. Rostov-on-Don, Academy Publ., 2002, 264 p. (In Russian).

Периодические издания (статьи журналов, сборника научных трудов, материалов конференции)

Список литературы	References
Несколько авторов	
Загайнов С. С., Митчелл П. Д. История развития военных словарей-разговорников как малого литературного жанра // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». — 2016. — Т. 21, вып. 11 (163). — С. 46–51. DOI : 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-46-51.	Zagaynov S. S., Mitchell P. D. The history of the development of military phrase books as a small literary genre. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye nauki"* [Tambov University Review. Series "Humanities"]. 2016, vol. 21, no. 11 (163), pp. 46–51. (In Russian). DOI: 10.20310/1810-0201-2016-21-11(163)-46-51.
Материалы конференций	
Калинина Т. Л., Щекочихина С. В. Особенности перевода парадоксов на материале перевода пьес О. Уайльда // Язык в различных сферах коммуникации : материалы Междунар. науч. конф. / под ред. Т. Ю. Игнатович. — Чита : Забайкал. гос. ун-т, 2014. — С. 233–236.	Kalinina T. L., Shchekochihina S. V. Translation of Paradoxes in O. Wilde's plays. Ignatovich Yu. (ed.) *Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii "Yazyk v razlichnyh sferah kommunikacii"* [Papers of the International scholarly conference "Language in Various Spheres of Communication"]. Chita, Zabaikal'sky State University Publ., 2014, pp. 233–236. (In Russian).

Электронные ресурсы

Список литературы	References
Электронный журнал	
Рыбаков С. Ю. Проблема духовности в педагогическом аспекте // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 16. — URL : http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/16/pedagogics/rybakov.pdf (дата обращения: 10.09.2016).	Rybakov S. Iu. The problem of spirituality in the context of education. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [The Theory and Practice of Social Development]. 2014, vol. 16. (In Russian). Available at: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/16/pedagogics/rybakov.pdf (accessed 10.09.2016).

Направляя статью для публикации в журнале «Иностранные языки в высшей школе», автор тем самым дает согласие на ее размещение на сайте РГУ имени С. А. Есенина, а также в Российской научной электронной библиотеке на условиях открытого бесплатного полнотекстового доступа.

Электронные адреса и контактные телефоны:
e.ustinova@365.rsu.edu.ru; e.ustinova.rsu@yandex.ru; e.ustinova.rsu@gmail.com
(4912) 21-57-23; (4912) 97-15-15 (доб. 1030).

Иностранные языки в высшей школе

Научный журнал
Выпуск 2 (65)

2023

Главный редактор
Колкер Яков Моисеевич

Редакторы иностранного текста:
Е. С. Устинова (английский язык)
Ван Цзиньлин (китайский язык)
Е. В. Игнатова (немецкий язык)
Н. К. Костина (французский язык)
Т. Я. Кузнецова (латинский язык)

Редактор Н. И. Тангаева
Технический редактор Д. А. Филатов

Дата выхода в свет 23.06.2023. Цена свободная.
Гарнитура SimSun, Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 8,83. Уч.-изд. л. 7,0. Заказ № 96. Тираж 100 экз.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина»

Адрес издателя:
390000, г. Рязань, ул. Свободы, 46

Адрес типографии:
Редакционно-издательский центр РГУ имени С. А. Есенина
390023, г. Рязань, ул. Ленина, 20а